

"Невеста напрокат, или Дарованная судьбой"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Да! Обещание, ожидание чуда...
Я говорю тебе ДА!
Пробежит дней лихих вода,
И рекой принесет нас друг к другу.
Я на все говорю тебе ДА!
Испытання на темных тропах
Силы хаоса для немногих,
Но для нас это шанс быть всегда.
Повелители Пустоты,
Мы друг друга нашли в карнавале,

Но тогда мы оба не знали,
Что так сбудутся наши мечты. [1]

ПРОЛОГ

Залив Таш

Хоть на миг ощутить себя свободным. Здесь и сейчас, между двумя бесконечными плоскостями — небом и водой. Раствориться в злом гудении натянутых канатов и едва слышном дыхании паруса. До онемения плеч сразиться с дерзким соленым ветром, позволить его влажным пальцам вывернуть душу и вытрясти из нее все лишнее, и лишь потом, пьянея от бурлящего азарта, вернуться к берегу.

Огромные раскатистые волны бесновались у причала, обрушивались друг на друга и грозились разбить непокорную яхту в пыль об острые камни. Сосредоточенный аттар, дав ветру в последний раз врезаться в сине-белый спинакер, ловко убрал паруса, и присмиревшее судно мягко ткнулось в причал. Тангавор сбежал по брошенным сходням вниз, к стоящему на пристани советнику и всем своим проблемам, которые он позволил себе на короткий миг оставить на берегу.

Тангавор Скай-Дарао, аттар мира Краор, надеялся, что там, среди соленых брызг и яркого солнца, его вдруг осенит и неразрешимая задача обретет свое решение. Увы. Эйфория обернулась злостью, обласканные морем нервы скрутились в тугой узел, кипящая кровь и неудовлетворенность жалили изнутри и требовали выхода.

Мотнув головой другу: «Не сейчас!» — Тангавор стремительно направился к белому чайному дому на другом конце пристани, схватил выходящую из дома девушку, увлек обратно в помещение и захлопнул дверь.

Советник медленно направился следом. Ветер играл с его рубашкой, теребил рукава и соблазнял запахом соленой воды. Мужчина развернулся лицом к заливу и остановился, упиваясь мимолетным желанием окунуться. К нему подбежал Дрей, глава охраны. После коротких переговоров советник тяжело вздохнул и продолжил путь к чайному домику, где, кажется, уже стихли женские стоны.

Предстоял тяжелый разговор. Когда он вошел в белый дом, покрасневшая от удовольствия Зоя уже собирала свои черные волосы в хвост. Одернув юбку и сбившийся передник, девушка нерешительно застыла у дверей:

— Мне остаться, господин?

— Иди, девочка, — тихо ответил вместо аттара советник и развернулся к Тангавору: — Полегчало?

— Едва ли...

Советник понимающе кивнул.

Пятнадцать лет назад Тангавор Скай-Дарао совершил ошибку: вздорный, юный, он тайком сбежал из дворца на городской карнавал и шутя прочел родовую брачную клятву смешливой девчонке в маске. Губы незнакомки пахли земляникой, а объятия отнимали разум. От обычной человечки в венах бурлило шампанское и кружило голову. Тангавор встретил девушку на

площади, когда она, чуть ли не визжа от восторга, схватила его за рукав во время салюта. Пьяные от счастья, музыки и общего веселья, они без всякого нудного знакомства окунулись в шальную вседозволенность маскарада. Танцевали, ели одну на двоих пряную тиммалу, кидали монетки в фонтаны.

Она была такая маленькая и такая хрупкая в его руках, нежная девочка, которая без слов доверилась ему. Без всякой магии целовала его до дрожи в ногах. Слова клятвы, вызубренные с детства, сорвались с губ Тангавора сами собой.

На рассвете они долго стояли, обнимаясь перед гостиницей «Медная лилия», где жила девушка. По ее словам. Ни имен, ни лиц они так и не стали открывать, не желая разрушать восхитительное ощущение сказки, которое искрило между ними всю ночь. Юные и легкомысленные, они договорились встретиться тут же — в полдень и уже без масок. И лишь тогда по-настоящему познакомиться. Закусив опухшую от поцелуев губу, незнакомка легко вспорхнула по лестнице и исчезла за дверь. Как оказалось, исчезла навсегда.

Она не пришла в полдень. А уже через полчаса стража по приказу Тангавора подняла на уши всю гостиницу. Позже ночной портье подтвердил, что некая девушка, подходящая под описание, заходила рано утром, постояла около двери, а потом выскользнула обратно, так и не сняв маску.

Ни имени, ни лица.

Далеко не сразу Тангавор понял, что надо было не просто искать своими силами девчонку, а перевернуть весь город. Утром ночной хмель схлынул, и стало казаться, что это маленькое приключение всего лишь приятный эпизод, не более. Тангавор ведь даже не видел лица незнакомки. Подумаешь, от воспоминаний что-то рвалось внутри — это не любовь, а простое возбуждение от шальной толпы, музыки и танцев.

А клятва? Без алтаря и должного ритуала слова не имели силы. Он был уверен. Без храма, спрятанного от глаз обычных людей на неприступных островах на краю земли, это всего лишь красивые слова.

Среди нескончаемых песчаных бурь стоит пристанище Семи богов. Высокие стены цвета слоновой кости вычищены песками, тяжелые двери из каменного дерева украшены барельефом, огни неугасаемых свечей заигрывают с темнотой в ожидании гостей. Айянер, нашедший свою любовь, входит туда со своей избранницей и милостью богов выходит уже со своей невестой, со своей шаари-на. Во время обряда в храме влюбленные обмениваются кровью, чтобы айянер всегда мог найти свою избранницу и никакие бури судьбы не смогли бы разлучить предназначенных друг другу.

Именно так совершают обряд помолвки обычные айянеры, не наделенные особой силой.

Не было красивого обряда, не было ритуального обмена кровью, да только вскоре проступила татуировка на теле Тангавора, показывающая, что обряд помолвки все же совершился. Вне всякого сомнения, обнимая у фонтана хрупкую сладкую девочку, айянер прогневал богов, когда произносил те роковые слова, а она соглашалась и шептала ему: «Да...» Без всякого обряда и алтаря коварные боги наполнили слова Тангавора силой, признали девочку его нареченной невестой, а после позволили ей раствориться в жаркой карнавальной ночи.

Вот так нынешний аттар мира Краор пятнадцать лет назад обрел и потерял невесту. Неженатый и несвободный, с тех пор Тангавор тщательно скрывал произошедшее, ведь, выходит, он уже тогда обладал такой мощью, что одних его слов хватило для богов. А маги с

подобным уровнем силы пропадали в мирах, находившихся под владычеством Доррейона.

Пятнадцать лет Тангавор искал ту смешливую девчонку, чьи губы пахли земляникой, и пятнадцать лет скрывал от всех свою татуировку. А несколько дней назад пришла весть о визите владыки Доррейона. Беспрецедентное событие. Владыка никогда не посещал подвластные ему миры, которых более двухсот.

Советник разлил вино и подал бокал Тангавору.

— Аттар, я поднял все архивы. Убрать или спрятать татуировку никак не удастся.

Тангавор скривился. Он и не рассчитывал на такую удачу. Татуировку можно скрыть от кого угодно, но только не от владыки, чья сила давно вне категорий. Либо рядом с Тангавором будет стоять невеста, либо... возникнут лишние вопросы. И тогда выяснение уровня силы аттара — дело времени.

— Представим Алию?

— Да она поплывет сразу. Доррейон через минуту поймет, что она не защищена от чужих чар, а значит, не моя невеста.

— Найдем замужнюю?

Человеческие брачные клятвы ограждали обычных женщин от чар Высших, поэтому в мире Краор родители стремились выдать девочек замуж как можно раньше, пока на них не успел положить глаз кто-нибудь из Высших. Редкая девушка после ночи с айянером, проведенной под хмелем чар, могла потом полюбить обычного человека. Как одурманенная, она снова и снова искала встречи с Высшими, постепенно теряя способность и всякое желание жить семейной жизнью с равным себе.

— У них совсем другая аура. Не подойдет. Нет, нужна незамужняя девушка, которая не реагирует на наше обаяние. С врожденной защитой от наших чар. Сколько потребуется времени на поиски?

Советник досадливо поморщился, но через мгновение его лицо оживилось.

— Кажется, я встречал такую. Давно, правда. Попробуем начать с нее.

Провинция Милье

Варвара Лайя возвращалась с ночного дежурства. Полная луна медленно растворялась в вуали зари. Сонные улицы умывались водой из поливочных машин, избавляясь от ночной серости, в лужах плескались ранние воробьи. Жизнь вокруг постепенно насыщалась звуками и красками. Варя вдохнула полной грудью и расстегнула свое длинное зеленое пальто, позволив ветру шаловливо пробежаться по коже, прикрытой лишь тонким платьем. Вздвогнув от неожиданного холода, она счастливо рассмеялась. Домой не хотелось.

Ах, как жаль, что в пять утра нельзя побежать к Вадиму! Она бы ему рассказала о Санни, которую завтра выпишет. Четырехлетняя малышка была всеобщей любимицей. Немного грустно и одновременно радостно осознавать, что путь, который они прошли вместе, подходит к счастливому концу.

Она бы рассказала и о Марке, за жизнь которого вчера сражались всей бригадой не один час. Ему предстоит перенести еще немало операций, но он такой сильный и храбрый мальчишка, обязательно справится. Уж она проследит.

Сколько раз ей говорили, что привязываться к пациентам нельзя... Бесполезно. Варя снова и снова отдавала душу каждому маленькому человечку, чтобы тот потом, уйдя в большой мир, унес кусочек ее любви с собой. Больно от этого, как ни странно, не было.

Больно было, когда пациенты уходили в другой мир и никакие умения не помогали удержать их здесь. Старшие коллеги обещали, что потом будет легче. Сомнительно. Сколько раз она видела, как Борисович после очередной потери запирался в кабинете. А про Леонида говорят, что он уходит срываться в тир. И только новые сражения за детские жизни и счастье помогали собраться и отложить скорбь подальше, делая из таких потерь маленькое кладбище в глубине души.

Впрочем, к Вадиму нельзя бежать и в любое другое время. Любовницам не положено. Сам придет, когда захочет.

Варя сняла шапку и вытащила шпильки. Светло-каштановые вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Ох, как же хорошо. Тяжело все-таки целую смену носить туго заплетенный пучок под шапочкой. По коже головы словно прокатилась волна прохладной истомы.

Может, подстричься? Не надо будет на смене стягивать длинные волосы на затылке. Многие девчонки в хирургическом переходили на короткие стрижки — ведь все равно под шапочкой ничего не видно. Но Варя тут же вспомнила, как Вадим любит запускать свои руки в ее волосы, как скручивает их в кулаке во время секса. Нет, лишенная большого женского счастья, она не отдаст от маленького ни пяди.

Сделав крюк через парк, девушка добралась до дома. У подъезда стояла незнакомая машина с включенными фарами. Вроде ничего странного, но Варино сердце забилося быстрее от смутной тревоги. Запахнув пальто и скрыв волосы под шапкой, девушка поспешила к двери, доставая на ходу ключи. Захотелось быстрее обойти пугающую машину и оказаться дома. Каблуки предательски громко стучали по асфальту, в голове шумела кровь.

Да что ж такое, откуда такая беспричинная тревога? Когда Варя уже почти миновала незнакомую машину, дверца резко открылась, по-настоящему напугав. Девушка дернулась и бросилась к спасительной двери в подъезд.

— Варвара, подождите! Простите, не хотел вас напугать!

Услышав свое имя, Варя замерла и медленно обернулась. И чего перепугалась? Наверное, это какой-то знакомый. Хотя кто может искать встречи в пять утра... Странно. Перед ней стоял мужчина. Высокий, мощный, под его тяжелым и одновременно снисходительным взглядом по телу Вари пробежала дрожь. Руки дернулись к шее, стискивая воротник пальто.

«Высший», — осознала она, понимая теперь, откуда столь непонятная тревога. Но как очутился в их городке аяйнер, да еще знающий Варю по имени? И почему ждет ее у подъезда в пять утра?

Мужчина молчал, доброжелательно улыбаясь. Видимо, ждал, пока волна страха схлынет и Варя придет в себя. Смелая — читалось в его взгляде, — не кричит, не убегает. Лишь кутается в пальто, словно оно способно защитить.

Вдруг он нахмурился:

— Вы вышли замуж?

От неожиданного вопроса Варя растерянно моргнула, и неясная тревога начала рассеиваться.

«Ах, он про кольцо на пальце», — дошло до нее. Врать не хотелось. Кто знает, вдруг он умеет различать ложь?

— Нет. — Она замялась, не зная, что сказать дальше.

Хочет ли он знать причину? Сможет ли она в двух словах объяснить? В ее возрасте незамужними чаще всего бывают только маары — айянеровские шлюхи. Исключений, конечно, хватает, но обручальное кольцо лучше всяких объяснений охраняло ее от излишнего любопытства или презрительных взглядов. Не будешь же каждому объяснять, что ей нет дела до Высших, которые, слава богам, практически не бывали в ее провинции. А если бы и появились, то кольцо оградило бы и от их внимания. Всем известно, что замужние женщины айянерам не нужны.

А этот Высший о причинах и не спросил, и даже, кажется, обрадовался такому короткому ответу. Варя запоздало поняла, что подставилась. Сейчас он как включит свои чары... Нет, чушь все это, зачем ему провинциальная Варя?

Но волна страха снова начата подниматься вдоль позвоночника, заставляя девушку сделать шаг назад. Да что же это такое? Мужчина, улыбаясь, шагнул к ней и остановился. Потянул носом, словно был в состоянии унюхать что-то важное с такого расстояния, а затем довольно ухмыльнулся, напугав Варю сильнее этими странностями. Вдруг глаза Высшего ярко блеснули, а воздух как будто сгустился...

«Ох, пропала», — подумала Варя, ожидая, что ее вот-вот захватят чужие чары. Она уже качнулась в сторону Высшего, но в ту же секунду поняла, что в целом ничего не изменилось. Все то же утро, все тот же высокий мужчина, и она сама та же, без лишних непредсказуемых желаний. И почему она вообще решила, что он захочет ее очаровать? Вот дурочка.

— Мне нужно с вами поговорить, Варвара. Сможете уделить мне несколько минут? — Мужчина был странно радостен.

Мысленно ущипнув себя, Варя попыталась собрать мысли в кучу. Эмоциональные качели словно выбили почву из-под ног, а ситуация начинала все сильнее раздражать. Неожиданно для самой себя девушка рассердилась:

— Простите, я устала, очень. У меня смена только что закончилась, я хочу в душ и спать. Ваш важный разговор может подождать?

Варя понимала, что такой тон недопустим при общении с Высшим, но усталость брала свое, сил на вежливость не было. Не дожидаясь ответа и не глядя на незнакомца, девушка развернулась и вошла в подъезд. Борясь с тошнотворным головокружением, Варя поднялась в свою квартиру и без сил свалилась на диван.

Советник проводил взглядом хрупкую фигуру девушки (пусть придет в себя) и спокойно сел в машину.

«Устояла перед чарами четвертого уровня! И так хорошо пахнет... — восхищенно подумал

Высший. — То, что надо!»

Впрочем, нужно будет разобраться, как такое возможно. Что это за мутация такая? Но это — потом. Сейчас важнее ее уговорить принять участие в сложной афере по обману самого владыки. Уговаривать придется на многое. Принуждать нельзя — слишком много зависит от ее игры. Должна сама согласиться. Советник успел разглядеть девушку из окна машины до того, как она запахнула пальто и снова надела шапку. Хороша. Стройная фигура, длинная шея, густые волосы. И лицо приятное. И кажется, его совсем не узнала, не вспомнила.

Советник сказал водителю:

— Едем.

И махнул рукой не приметному парню в конце двора, приказав следить за подъездом. Нечего мозолить местным глаза, задерживаясь у этого дома в дорогой машине, лишнее внимание советнику ни к чему. Шофер вырулил со двора, и через несколько поворотов автомобиль влился в нарастающий утренний поток.

Советник открыл досье на Варвару Лайя.

Молодая женщина. Детский хирург, почти год как ординатор. До университета жила в приюте Святой Кассары. Строгое заведение, между прочим. Попала туда в пять лет после смерти родителей.

Человеческая традиция сгонять сирот в унылые дома, лишая их детства, всегда вызывала у айянеров удивление и брезгливое осуждение. У Высших такое невозможно. Каждый ребенок, особенно сирота, — это дар народу. Его берегут, холят и лелеют. И ни один ребенок у Высших не останется без семьи.

...Не замужем, детей нет. Странно, конечно, надо будет все-таки узнать, почему так сложилось. Ведь после появления в этом мире айянеров слишком укоренилась среди людей традиция пораньше выдавать девочек замуж. Как же Варваре удалось проскочить тиски общественного давления?

Пора послать аттару первую добрую весть за последнее время.

Дазрстан, столица мира Краор, дворец аттара

От короткого звука пришедшего сообщения первой проснулась Алия. Сообразив через несколько секунд, что это коммуникатор Тангавора, повернулась к настенным часам. Еще даже шести нет, надо же! Спальню окутывала неплотная предутренняя серость. Недовольно вздохнув, Алия посмотрела на спящего аттара. Он рядом. Спит, как всегда, на спине, занимая большую часть кровати. Одна рука на груди, вторая под головой. Простыня сбилась на уровне бедер.

«Эгоистичный самец», — мысленно фыркнула Алия, разглядывая загорелое подтянутое тело аттара. Зевнула, сладко потянулась и поднырнула под теплую руку Тангавора, прижимаясь к нему всем телом. По губам мужчины скользнула улыбка. Его рука лениво прошла по спине Алии вдоль позвонков к обнаженным лопаткам и обратно, выписывая кончиками пальцев волнительные узоры. Девушка невольно качнула округлыми бедрами, выдавая просыпающееся

возбуждение. Тягучим движением аттар перевернулся и подмял ее под себя. Между переплетенными телами побежали первые всполохи пьянящей энергии, которая вскоре накрыла обоих с головой...

Тангавор сбежал на первый этаж, по дороге бросив замершему у лестницы секретарю, что вернется через час. Свернул в тренировочное крыло и вышел к бассейну. Скинув одежду, он разбежался и прыгнул, без брызг уйдя под воду. Рукой коснувшись дна, Тангавор открыл глаза и расслабился, позволяя потревоженной воде ворочать его тяжелое тело на месте, словно та не могла решить — утопить аттара или выбросить на поверхность. Не дожидаясь «решения», он сделал мощный гребок руками и вынырнул. Разогретое тело жаждало работы. Заплыв на пятьдесят метров, минутный отдых, еще один заплыв и еще — пока мышцы не перестали слушаться.

Аттар лег на воду. В голове тишина и покой от первой хорошей новости за неделю. Советник нашел ту, которая прикроет его задницу во время визита владыки. Интересно, какая она, эта Варвара? Сможет ли ее игра усыпить подозрительность Доррейона?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Знаешь, как много может измениться в жизни человека всего за одну ночь?

ГЛАВА 1

Провинция Милье

Проснулась я внезапно, не сразу сообразив, что именно меня разбудило. Перевернулась на бок и хмурым взглядом обвела комнату. Выцветшие обои, старенький шкаф, возле окна — письменный стол, а рядом — кресло. У дивана тумбочка с вязаной салфеткой — соседка, баба Тома, подарила. Все простенькое и такое родное. Отчего же так гадко на душе, отчего ломит тело и горчит во рту?

Кажется, я нахамила Высшему. Самому айянеру! При воспоминании об утренней встрече в голове застучала кровь, и я мысленно застонала. Что теперь будет? Стремясь смыть с себя липкую тревогу, я долго стояла под горячим душем и мысленно проговаривала, что бояться пока нечего. Не помогло. Паника накатывала волнами и все туже стискивала горло, не давая дышать. Обернув полотенце вокруг тела, я бросилась к окну и рывком потянула на себя створку. Звонко лопнула бумага, посыпались кнопки и куски утеплителя, в распахнутые окна радостно ворвался весенний ветер и взметнул парусами белые занавески.

Мартовское солнце клонилось к закату, уютный двор нежился в его косых золотистых лучах. Мирно и совсем по-весеннему чирикали птицы в ветвях. Пусто. Ни странной машины, ни Высшего. Только привычные лица.

Оля со второго этажа гуляла с годовалым Ваней. Смешной карапуз. Кажется, соседку свою приглашаю в гости лишь ради возможности просто поваляться рядом с играющим малышом, любуюсь на него. Баба Тома шла из магазина и что-то кричала мальчишкам — те снова залезли на крышу детской горки. Сосед с пятого этажа, насвистывая веселую мелодию и размахивая колотушкой, со скрученным ковром брел к дому. Наверно, он и разбудил меня, когда выбивал пыль.

Я стояла у распахнутого окна, не обращая внимания на ледяной воздух, и наслаждалась звонкой тишиной обыденной жизни. Паника потихоньку отступала, ей на смену приходила запоздавшая неловкость за свое поведение. Вот что стоило просто выслушать Высшего? Катя, лучшая подруга и по совместительству коллега, давно уже говорит, что я переработала и на все реагирую излишне нервно. Тот Высший ведь слова плохого не сказал и явно спешил на встречу со мной.

Подруга права, мне в последнее время все сложнее и сложнее быть спокойной и рассудительной. Остается надеяться, что мой резкий ответ все-таки не оскорбил Высшего.

По голым плечам ползли холодные капли, стекая с волос, руки покрылись пупырышками. Сообразив, что нет ничего глупее, чем мерзнуть у раскрытого окна с мокрой головой, я захлопнула створки. Нужно привести себя в порядок, ведь Высший обязательно вернется, в том нет сомнений. Было что-то в его глазах такое... будто он решил с моей помощью свою задачу.

И, словно в ответ на мои мысли, раздался размеренный стук в дверь.

Я метнулась было открывать, но потом сообразила, что, кроме мокрого и короткого полотенца, на мне ничего нет, и бросилась за халатом. На ходу застегивая пуговицы, подбежала к двери и, уже не спеша открывать, севшим голосом спросила:

— Кто?

Ох, зря я стояла у окна, только простыть не хватало.

— Варвара, я от Сотара Ти-Данего, вы говорили с ним утром.

Открыла дверь. На лестничной площадке стоял молодой мужчина в костюме и приветливо улыбался. Короткие волосы, симпатичное лицо. Он прошелся взглядом по моим голым, посиневшим от холода ногам, по пушистому халату и мокрой голове.

— Советник Сотар Ти-Данего приглашает вас на ужин. Спускайтесь, как будете готовы.

Я неловко переступила с ноги на ногу и вздрогнула. Мужчина едва уловимо кивнул головой, развернулся и ушел, а я еще несколько мгновений стояла у открытой двери и слушала затихающие на лестнице шаги.

Ужин? Меня пригласили на ужин? Мое согласие, видимо, не требуется?

Значит, Сотар Ти-Данего, советник. Ого! И тут до меня дошло, что утром я, забыв всякую почтительность, некрасиво обошлась со вторым человеком в стране, выше только аттар — правитель. И похоже, советник совсем не рассердился, раз пригласил на ужин.

Удушливый стыд накрыл с головой. Теперь этот важный человек сидит где-то и ждет, когда же я приведу себя в порядок?

Я метнулась в ванную и начала суматошно сушить волосы. Руки тряслись, и вместо привычной волнистой укладки получилось облако непослушных кудрей. Пришлось стянуть их в ненавистный пучок. Не было ни времени, ни терпения выбирать наряд. Торопливо натянув простое темно-синее платье, в котором обычно ходила на работу, я схватила пальто и выскочила во двор.

В надвигающихся сумерках машину я увидела не сразу. Мелькнула мысль, что с этой работой

на улице бываю только по темноте. Перевела дыхание и попыталась взять себя в руки — я же взрослая женщина, а не нервная девчонка. Хотя по сегодняшнему поведению и не скажешь.

Медленно и спокойно я пошла к выезду со двора, где разглядела черный силуэт знакомой машины. Пора выяснить, что от меня нужно Высшему.

Дорогой салон и сдержанное приветствие. Короткий путь в неловком для меня молчании. И спустя двадцать минут я мрачно смотрела на знакомое здание.

Ресторан «Золотой рояль». Дурацкое название. И ресторан дурацкий. И ситуация тоже дурацкая. Не будешь же объяснять Высшему, который явно хотел как лучше, что я с некоторых пор не переношу данное заведение, хотя и была в этом пафосном и известном на весь город ресторане всего три раза.

Сотар Ти-Данего, молчавший всю дорогу, кажется, моего состояния не заметил и сделал приглашающий жест. Я сглотнула ком в горле и постаралась отгородиться от болезненного прошлого. Может, все к лучшему и плохие воспоминания я смогу перекрыть хорошими? Возможно ли белой краской закрыть черные кляксы? Может, если в несколько слоев, то все получится?

Красивый ведь ресторан. Отдельно стоящее здание из темно-серого камня, с огромным панорамным окном, такое строгое и неприступное снаружи и удивительно легкое и нежное внутри. Когда-то я была покорена этими белыми стенами с мелкой ажурной резьбой. Высокий светлый потолок с мириадами ярких точек ночью превращается в звездное небо. Дымчато-серые прозрачные колонны слегка светятся изнутри...

И мужчина рядом красивый. Я покосилась на Сотара. Спокойный прямой взгляд светло-серых глаз и едва уловимая улыбка тонких губ. Подтянутый, уверенный в себе, он взял из моих рук пальто, которое я так и не надевала, и повел мимо большого зеркала в зал.

Я бросила взгляд на свое отражение. Попытки выстроить хорошее настроение провалились: а платье у меня дурацкое, прическа тоже.

Я шла словно в тумане, отмечая, что вот за этим столиком Роман сделал мне предложение, а там, на низком диване, мы с менеджером обсуждали свадебный торт.

О третьем своем визите сюда вспоминать было очень стыдно. Я тогда пряталась за колонной и роняла в тарелку соленые слезы, а в другом конце зала сидели уже не мой Роман и его беременная жена. На свою беду увидела, как они заходят в ресторан, и, как пьяная, ворвалась следом.

Роман ушел от меня за месяц до свадьбы. Эхом прошлого зазвучал в голове его пронзительный голос: «Ах ты, пустобрюхая тварь!» И щека будто дернулась от давней пощечины.

Новость о бесплодии обрушилась на меня совершенно неожиданно, в клочья разрушив счастливую жизнь. А ведь я всего лишь решила провериться перед свадьбой, хотела, чтобы все было хорошо. А Роман? Спустя время я поняла, что он просто сожалел о затраченных на свадьбу и путешествие деньгах. Педант и любитель планировать. Мужчина, у которого все должно быть идеально. Я поставила его своим известием в патовую ситуацию: и семья без детей — неправильно, и отмена свадьбы накануне торжества — неприлично. Он думал о себе, о своей репутации, о расходах... о многом думал... но не обо мне. И сердце болело не оттого, что от меня отказались, а оттого, что я изначально была не важна для Романа.

Задумавшись, я не сразу поняла, что погруженный в полумрак ресторан пуст. В центре — мягко подсвеченный стол, играла тихая спокойная музыка. Из-за стойки с любопытством выглядывали официанты, видимо, ресторан, снятый целиком ради двух посетителей, — событие редкое.

— Вина?

Я кивнула. Подумалось, что в мерном гуле бесед заполненного посетителями ресторана говорить было бы легче.

— Варвара, а ведь мы с вами встречались раньше, не помните?

Я снова кивнула и поджала губы. Да, еще по дороге сюда в вязкой тишине машины я вспомнила, что видела этого Высшего раньше.

Почти шесть лет назад, на защите диплома перед интернатурой.

Наш выпуск был очень сильным, на защиту приехали люди из министерства, среди которых был и этот айянер. Несмотря на основную специальность «детский врач», я замахнулась на социальную сферу. У меня был амбициозный проект по реорганизации системы детских домов, с точки зрения не просто детского врача, а психолога и бывшей воспитанницы детдома. Я вложила все знания, всю душу в этот проект, который, как мне казалось, мог бы дать детям, лишенным родителей, более подходящую среду для взросления. Комиссия отнеслась к моей идее скептически, но пятерку я получила.

А вот айянер остановил меня в коридоре и похвалил. Предложил обратиться к нему, если я захочу воплотить свой проект в жизнь. Я была так счастлива от полученной пятерки, от похвалы и оттого, что все позади, все закончилось... что в порыве чувств обняла незнакомого Высшего. Он посмотрел на меня странным взглядом и бросил загадочное:

— Ну надо же...

Потом развернулся и ушел. Смелости ехать в столицу с проектом, который все называли красивым, но утопическим, у меня не нашлось.

Принесли салаты, и я порадовалась, что не пришлось страдать над меню. Сотар Ти-Данего стал расспрашивать о том давнем проекте, и я смогла отвлечься, почувствовав под собой знакомую почву. Мы смеялись и пили вино. Советник говорил со мной так искренне, что вскоре стало совсем не важно, кто и что вокруг дурацкое. Я рисовала на салфетке, а он внимательно слушал. У меня даже возникла шальная мысль, что советник здесь ради меня и моей мечты.

— Варвара, хотели бы вы воплотить свою идею в жизнь?

От этого вопроса я чуть не подпрыгнула. Ох, он еще спрашивает? Ладони вспотели от волнения и хмельной радости: я уже предвкушала дальнейшую работу над проектом, о котором пыталась даже не вспоминать.

— Да, конечно! Но... — Я замялась. — У меня нет опыта в данной сфере.

— Это все решаемо. Будут и нужные люди, и деньги. Это в моей власти. А в вашей — согласиться на небольшой контракт... всего на месяц. А потом мы вернемся к вашему проекту.

— Что за контракт?

— Чтобы обсудить его, нужно подписать соглашение о неразглашении.

— А если я не захочу?

Сотар Ти-Данего некоторое время молчал.

Так вот ради чего ужин — чтобы предложить мне таинственный контракт, а разговоры о моей мечте — всего лишь попытка меня расположить, купить. И никто не будет возиться со мной, если откажусь.

Передо мной на стол легли листы с уже готовым соглашением. Я внимательно его прочитала — вроде ничего подозрительного. Поставила подпись и подняла настороженный взгляд на Сотара. Интуиция не обещала мне ничего хорошего.

— Варвара, по контракту, который мы заключим сегодня, вы должны жить во дворце несколько недель и... изображать невесту аттара.

Я была оглушена абсурдностью и нелепостью данного предложения. Зачем им это? Почему я? Вопросы хаотично метались в моей голове.

Но я задала, похоже, самый щекотливый:

— Что значит — изображать? Насколько... — я преодолела секундную неловкость, — правдоподобно?

Советник спокойно улыбнулся.

— Да, Варвара, и в постели тоже. — Он написал что-то на салфетке и протянул мне. — Это сумма вашего гонорара.

В глазах потемнело. К горлу подступила тошнота. Я застыла, пытаюсь вникнуть в смысл его слов.

Как он мог... как он мог приволочь меня в этот ненавистный ресторан, протащить меня по ранящим осколкам худших воспоминаний, как посмел он извлечь на свет мою давнюю мечту и осквернить ее своим мерзким предложением? Побывать эскортом за... размер суммы плохо укладывался в голове.

— Я не шлюха, — ответила осипшим голосом.

— Маарам платят гораздо меньше...

Я побледнела. Мне было без разницы — больше или меньше. Я не смогу, не смогу воплощать свой проект, помня, что за это право заплатила своим телом.

Меня мутило. Это все какая-то недобрая шутка. Недавно пьянящее вино обернулось ядовитым дурманом, снося остатки спокойствия. Я вскочила, путаясь в скатерти. Кажется, что-то разбила.

Сотар пытался что-то объяснить, убедить, что я все не так поняла. Кто-то попробовал перехватить меня на выходе. А я накричала в ответ.

Я сбегала... от ненавистного ресторана, от болезненных воспоминаний, от этого жуткого вечера, который резонировал внутри меня со всем «дурацким» и ранил в самое сердце...

Фальшивое кольцо на пальце жгло кожу. Я так хотела им отгородиться от репутации маар... но, похоже, мало преуспела...

ГЛАВА 2

Домой я добралась на такси... и вот снова утро, а я, проведя в ознобе всю ночь, так и не смогла найти хоть одно нормальное объяснение тому, что вчера произошло. К утру бешеная гонка нескончаемых вопросов без ответов начала утихать и в голове наступило неприятное оцепенение. Злость на советника ушла, и я смирилась с фактом непристойного предложения.

Кто знает, может, для Высших все это нормально? Наверное, не стоило устраивать скандал.

Но все так неудачно сложилось! Ресторан, который разбередил старую рану, Сотар, который так умело нашел мое самое слабое место. Я была просто не готова спокойно принять происходящее.

Одно знала точно: мой ответ был честен. Я в любом случае не смогу. Не смогу спать с чужим мужчиной за деньги, будь он хоть самым аттаром.

На работу в итоге я вышла, ощущая себя откровенно больной.

Ходила по коридорам больницы и кому-то кивала. Молча осматривала больных и выписывала направления. Мыла руки перед операцией и отвечала на вопросы коллег. На автомате выполняла свою работу и ничего не чувствовала. Все мысли и чувства были закрыты настолько наглухо, что внутри ощущалась лишь свинцовая тяжесть и хотелось стукнуть себя, чтобы разбудить.

Я ходила по палатам, сидела в кабинете, слушала людей... и при этом меня там словно и не было. А в голове все сильнее шумело, все острее и острее билась о виски боль.

После обеда меня отловила Катя и зажала в углу, сунув в одну руку стакан воды, а в другую — таблетку.

— Пей, на тебе лица нет. Заболела?

— Ничего страшного, сейчас приду в себя.

Не глядя, я приняла лекарство и обняла подругу.

— Ты чего?

— Ничего, Катюш, я в порядке.

Дазэрстан, столица мира Краор, дворец аттара

Тангавор молчал. Сжав зубы и засунув руки со сбитыми костяшками в карманы, он стоял в зеленых покоях, где под мрачным взглядом правителя притихшие слуги избавлялись от малейших следов присутствия здесь женщины. Обезличивали шкафы и полочки, стирали отпечатки Алии с мебели, меняли покрывала, ковры и шторы.

Не нужно было ее сюда селить. Во дворце хватало женских покоев, но Алия была ураганом,

сметающим все на своем пути. А Тангавор не слишком сопротивлялся, но сегодня ему пришлось все прекратить.

Сцена была безобразная в своем безмолвии. Аттар вернулся к Алие через несколько часов после того, как мял ее разгоряченное тело на холодных простынях. Любуясь тщательно выверенным образом невинной девочки, он пытался решить, какие слова в данной ситуации будут менее пошлыми. Как сказать о том, что их отношениям пришел конец? Может, мертвый язык, который они учили вместе, скажет более ясно?

We're done...

Done... [2]

Не смея задумываться, любит ли он Алию, аттар понимал, что выгонять ее до омерзения тошно. Он стоял перед ней и молча стискивал кулаки. Пусть она все поймет сама, пусть простит, пусть просто уйдет и будет счастлива где-то в другом месте.

Все закончилось... We're done.

Было бы легче, имей он право сказать, что дело не в ней, а в нем. Чудовищно банальная фраза больно резала своей правдой.

Остро необходимо выжить. Ему. Это его игра, и он жертвует Алией, как пешкой. Нужно, чтобы все вокруг были уверены, что некая Варвара теперь его невеста. Не просто уверены, а забыли напрочь, что рядом была другая женщина.

Алия, хрупкая, гибкая, как ивовая веточка, умудрилась снести ту стену отчуждения, которую аттар неизменно выстраивал между собой и вереницей любовниц. Может, именно поэтому он и позволил ей поселиться во дворце и занять главные женские покои. Можно было оправдываться, что это ради удобства, ведь эти покои смежные с комнатами правителя. Но Тангавор понимал — ему всего лишь хотелось, чтобы в покоях, изначально созданных для его супруги, кто-то жил. Ему нравилась эта иллюзия полноты жизни.

И вот теперь ему нужно все закончить. Собственными руками вырвать из своей жизни ту единственную, которая смогла подобраться к его сердцу ближе всех и при этом ничего не требовала взамен. А на это место привести ничего не значащую для него женщину и сделать вид, что он до омерзения счастлив и влюблен.

Done, done, done — от едкого гнева стучала кровь в висках.

Алия долгих несколько минут смотрела в его глаза. Растерянная и побледневшая.

— Are we done? [3]

Аттар вздрогнул.

— Прости, — глухо сказал он, — это все равно случилось бы рано или поздно. Мы договаривались.

Сначала неловко и медленно, а потом торопливо, дрожащими руками она стала собирать вещи. Сразу — не попытавшись что-то спросить, выяснить, потребовать, в конце концов.

Уже неделю Алия отчаянно пыталась прогнать ощущение надвигающейся катастрофы.

Тангавор был хмур, молчалив, в постели жесток, словно разнузданный секс мог что-то изменить. И Алия металась по дворцу, пытаясь понять, что именно вывело всегда спокойного и уверенного в себе аттара из равновесия.

Но все было как обычно, только предчувствие бури заставляло периодически тоскливо звенеть натянутую струну внутри Алии. Все было как обычно, пока она не увидела его окаменевшее лицо и сжатые до посинения кулаки. Он стоял перед ней, холодный и при этом такой незащитный.

— It's over, [4] — жалобно тренькнула разорванная струна.

Перед глазами плыло от слез, руки так жалко тряслись, хотелось сесть на пол и некрасиво разреваться. Но Алия слишком хорошо знала своего аттара... нельзя. Не простит. И она уйдет, ненадолго. Три года, проведенных вместе, не могут закончиться вот так... It's not over. [5]

Не в силах смотреть на ее сборы, Тангавор малодушно сбежал в зал, где до содранных костяшек колотил грушу. С каждым ударом он яростно вспоминал карусель своих эмоций с самого утра.

Раз-два-три, раз-два-три. Отточенные движения... *Его пальцы теребят напряженные соски, поглаживая и сжимая их.*

Еще и еще, наращивая силу движения... Его рука скользит вниз между раздвинутых бедер, туда, где горячо и очень мокро.

Груша с песком глухо отзывается на побои, а цепи звякают от рывков... *Нежная Алия стонет и выгибается, бесстыдно подставляясь его рукам.*

Еще и еще... Сильный одиночный удар... *Аттар, задыхаясь, зарывается лицом в ее светлые спутанные волосы, впитывая их пряный аромат.*

Тангавор застывает и покачивается, перемещая массу тела с одной ноги на другую... *Он читает сообщение советника, и свинцовый страх, колючей проволокой сжимающий его плечи, отпускает свою жертву.*

И снова удары. Груша взлетает в четком ритме... *Он лежит на воде после хорошей тренировки, и бодрящая жажда жизни наполняет его усталое тело и изнуренный ум.*

Он меняет позы, заходя то слева, то справа, нанося сильные удары... *В конференц-зале они с командой долго обсуждают все вопросы, связанные с приездом владыки Доррейона. Прием, размещение, охрана.*

Сильные и злые... медленные удары... *Он сидит в кабинете один и изучает досье Варвары Лайя. Исписывает очередной листок многочисленными пунктами, стараясь все предусмотреть, все учесть... Любимое состояние жесткого, четкого планирования... Рука дрогнула, когда аттар осознал то, что так старательно отодвигал от себя все утро и весь день: а как же Алия?*

Удар, удар... еще удар. Аттар зарычал, всю душу вкладывая в последний удар.

ГЛАВА 3

Провинция Милье

К концу рабочего дня действие лекарства закончилось, но мне было стыдно идти к Кате и просить еще одну дозу. Второй раз простыми отговорками уже не отделаешься, подруга начнет выпрашивать, что у меня случилось. А мне нечего ей сказать. Я сама себе не могу объяснить, почему мне плохо после вчерашнего.

Сдав смену, я долго сидела на стареньком диванчике в ординаторской и смотрела в пустоту. Забежавший Борисович крикнул при виде меня и ехидно поинтересовался, когда же я сгину с глаз его долой в отпуск. Вяло покивала головой и пожелала хорошей смены — у него сегодня ночная.

Почти не помнила, как добиралась до своей улицы. Запоздало поняла, что все-таки меня просквозило, ощущала, что горю, видимо, у меня все же поднималась температура. Плохо. Я всегда тяжело переношу простуду.

Голова нещадно болела, и я брела от остановки к дому, механически переставляя ноги. В какой-то момент поняла, что сил во мне осталось вот ровно на то, чтобы добраться до двери квартиры, выпить лекарство и нырнуть в постель. Я даже заранее вытащила из сумки ключи. В голове зашумело, мысли стали вязкими и односложными.

Подходя к дому, я и увидела его. Он стоял, привалившись плечом к дереву, и, не отрываясь, смотрел на меня. Высокий, черноволосый, нахмуренный. Его злые темные глаза изучающе прошлись по моей фигуре и остановились на лице.

— Что, гордая? Да?

Я застыла, совершенно опустошенная, и ничего не смогла ответить. Горькая смесь ярости и бессилия плескалась между нами. Мы оба были злыми и уставшими, только в разных пропорциях. На моей стороне было больше усталости, на его — злости. Я отрешенно отметила, что нет никакого повода для таких крайних чувств: подумаешь, сделали странное предложение, а я не согласилась. Под этой луной и не такое бывает. А солнце я сегодня снова толком не видела.

Из моих ослабевших пальцев выпали ключи и жалобно звякнули об асфальт. Я вздрогнула, с трудом отведя взгляд от лица аттара, и попыталась наклониться. Вдруг накатила тошнота, и я начала оседать на землю. Как же не вовремя...

Он подлетел ко мне и подхватил на руки.

— Ты же вся горишь!

Вдыхая тонкий аромат мужского парфюма, я мрачно отметила, что мы, оказывается, уже на «ты», и погрузилась в темноту.

Тангавор сидел на подоконнике маленькой кухни и пил кофе, то и дело морщась. Напиток — дрянной растворимый и наверняка дешевый. Да и откуда на такой убогой кухне взяться хорошему? Во рту от этого поила оставался какой-то железистый привкус. Или это от воды из-под крана? Но аттар все равно пил уже третью чашку. Энергии от этой имитации никакой, но спать не хотелось. Организм словно шел на поводу у ритуала — раз кофе выпит, не важно какого качества, изволь бодриться.

В комнате на узком диване металась Варя.

Странное дело, но та бешеная взвинченность, что тугой пружиной выворачивала нервы аттара все последние дни, при виде этой хрупкой девушки, едва стоящей на ногах, схлынула, оставив после себя холодную рассудительность.

Едва Варвара начала мягко заваливаться, как аттар подхватил ее на руки, не давая упасть. Подскочившие мгновением позже охранники подобрали валяющиеся рядом ключи и открыли двери.

Взбежав по лестнице, аттар внес девушку в квартиру и положил на диван. На шум выскочила какая-то пожилая дама, которая представилась Тамарой Васильевной. Железная тетка — без истерик и унылых причитаний, она сбегала на этаж выше и приволокла за руку какого-то хмурого тощего мужика в очках — врача, как оказалось.

— Василий! — буркнул он при крепком рукопожатии и деловито осмотрел девушку, а потом укоризненно взглянул на Тангавора и спросил: — Вы кто?

— Жених. — Лицо аттара даже не дрогнуло от этой бесстыдной лжи.

— Что же вы, жених, за невестой совсем не следите? — попенял Тангавору врач Василий и расписал схему лечения. Поворчал, что Варвара совсем себя загоняла на работе, и ушел, наказав позвать его, если пациентке станет хуже.

Вылив остатки кофе в раковину, Тангавор вернулся в комнату к Варе и влажной тканью мягко обтер ее лицо и шею. Заботливо поправил одеяло и сел рядом, разглядывая девушку. Он пытался вспомнить, какого цвета ее глаза, отчего-то это стало вдруг очень важно. Его рука невольно потянулась к ее лицу, захотелось взять его в ладони и легонько дунуть, разбудить девушку, чтобы разрешить волнующий его вопрос.

Раздался тихий стук в дверь. Тряхнув головой, чтобы сбросить наваждение, Тангавор вышел в коридор, впустил советника и жестом пригласил на кухню.

— Кофе?

С сомнением взглянув на жестяную банку, не оставляющую иллюзий по поводу качества напитка, Сотар поморщился:

— Воздержусь.

Аттар усмехнулся:

— После трех чашек становится все равно, — и налил себе четвертую за эту длинную ночь.

— Как девушка? — равнодушно спросил советник.

— Сказали, к утру жар спадет, ничего страшного. Надавали лекарств, инструкций, бульона вон принесли. Я теперь сиделка. — Тангавор шутливо развел руками.

— И как они отнеслись к присутствию самого пресветлого аттара в скромной обители местного врача? — подхватил ехидный тон советник.

— Никак, они видят здесь лишь обычного парня. Навел морок, сказался женихом.

— Силен, — уважительно протянул Сотар.

— Не надо, — помрачнел Тангавор, — мне эта сила только проблемы приносит. Алию вчера выгнал из-за нее.

— Ты не любил ее. Не веди себя как мальчишка, у которого отняли игрушку! — отрезал Сотар.

— Мне было с ней хорошо.

— Не спорю, Алия умная девочка и всегда давала тебе все, что нужно. А что давал ей ты?

Тангавор молча отвернулся к окну. Он знал, чего хотела Алия. Семью, детей. То, чего он ей дать не мог. Скрыть от нее татуировку труда не стоило, но придумывать лживые оправдания своей отчужденности он не стал, понимая, что ранит чувства девушки.

— Хочешь, угадаю, почему ты зол? Потому что знал, давно знал, что Алию однажды придется выгнать. Пока она молода и может еще найти мужа, который будет стареть вместе с ней, а не оставаться рядом неприлично молодым. Но ты тянул, ты пригрелся возле нее и позволил ей врасти в тебя. — Тяжело падавшие слова советника звучали очень резко.

— Не надо, Сотар... я просто хотел сделать это по-своему, постепенно, — глухо ответил аттар.

— Отговорки, — фыркнул советник.

Тангавор стоял у окна и невидяще смотрел сквозь помутневшее от дыхания стекло, словно взвешивая за и против, прежде чем начать говорить:

— Две недели назад я свозил Алию в храм Семи богов, сказал, что на экскурсию, погулять. А сам думал, ну чем Хаос не шутит, вдруг сработает. Она не смогла войти. Я смог, а она нет. Стоял внутри и слушал, как ветер носит между стен шепот богов — приведи свою избранную... Приведи... Где же я ее возьму? За столько лет мы, кажется, уже всех рыжих девушек этого мира перебрали. — Тангавор с силой сжал чашку, и та жалобно захрустела.

— Значит, незнакомка была крашенная, — спокойно отметил Сотар.

— Тогда поиски вовсе бесполезны. — Аттар сделал последний глоток мутной кофейной бурды.

— Ну почему же, лет через двадцать где-нибудь обнаружится подозрительно не стареющая женщина, если не погибнет от какой-нибудь случайности. — Советник отобрал у Тангавора пустую чашку и поставил ее в раковину.

— Я тогда почувствую. Поставь чайник, я пока схожу проверю, — сказал мрачный Тангавор, выходя из кухни.

Когда вода закипела, советник поставил на стол с льняной скатертью две чашки, в которые кинул коричневый порошок.

— Травиться, так вдвоем, — весело бросил он вернувшемуся аттару.

— Надо будет купить ей хороший кофе. Эту субстанцию мы явно прикончим сегодня сами.

— Какой тут странный привкус у воды.

— О, тоже заметил?

Мужчины молча тянули горячий напиток.

— Что будешь делать с Варварой? Может, пригрозить чем-нибудь?

— Сдурел? Совсем хватку потерял! — вдруг рассердился аттар. — Сначала провалил простые переговоры, теперь и вовсе ерунду предлагаешь... Она же возненавидит нас за шантаж. И даже если согласится в итоге, то игре ее будет грош цена. Знаешь что... — И Тангавор резко встал. — Поезжай-ка ты домой и возьми на себя правление, а я тут задержусь.

— Вот и отлично, ты наконец голову включил, стоило тебя рассердить. — Советник, ничуть не обидевшись, поднялся и направился к выходу из квартиры. — У меня особо и не было шансов. Такую девушку, как Варвара, о подобном спектакле может просить лишь близкий человек. Тем более мы оба знаем, что одним месяцем игра, возможно, не ограничится...

Проводив Сотара, Тангавор вернулся в комнату и взглянул на девушку, которая разметалась по постели. Похоже, жар спал. Проведя ладонью по прохладному, покрытому испариной лбу, аттар мягко поцеловал Варвару в висок с прилипшей влажной прядкой.

— Что ж, Варвара Лайя, значит, будем сближаться...

ГЛАВА 4

Очнулась я в постели, под одеялом. Насквозь промокшее платье неприятно холодило кожу. В голове царил тяжелая пустота, а в горло будто насыпали песку. Несколько минут пыталась понять, что же произошло. А вспомнив, резко дернулась и попробовала сесть. Увидела спящего в кресле напротив аттара и, не успев закончить движение, пораженная, свалилась обратно. Видимо, моя возня разбудила его, потому что он тут же открыл глаза и подался вперед, завораживая меня внимательным взглядом:

— Ты как?

Я и слова не могла выдать. Айянеров положено бояться или обожать, если они того пожелают. Все виденные мной Высшие вызвали смутную иррациональную тревогу. Но не аттар. Сейчас мне хотелось смеяться. Изнутри поднималось неуместное веселье, и я боялась рот открыть, дабы не оскорбить столь высокую особу истеричным хохотом. Слишком уж несуразной была представшая мне картина. Простенькая обстановка, старое потертое кресло и его светлость аттар. Мягкий, взъерошенный, слегка небритый и удивительно уместный. Запоздало поняла, что это он донес меня до дома и уложил. А еще, кажется, мало спал — вон какие синяки под глазами. Видимо, у меня был жар, теперь понятно, почему платье влажное, наверно, за ночь пропотела. Захотелось в душ, но я продолжала молча разглядывать Тангавора Скай-Дарао. Который также молча разглядывал меня. А в голове становилось все светлее, и я наконец вспомнила, по какому поводу мы так «удачно» вчера столкнулись. Внутреннее веселье разом рассыпалось снежной морозной крошкой, и я вздрогнула. Аттар, спокойно до этого наблюдавший за моим лицом, видимо бесхитростно выдававшим весь спектр моих эмоций, тут же чуть нахмурился и сказал:

— Если тебе неприятно мое присутствие, я сейчас уйду. Но прежде ты съешь пару таблеток, что оставил добрый врач Василий, и выпьешь вкусный бульон великодушной Тамары Васильевны. Тогда я буду спокоен за тебя.

Борясь с приступом гнева, я пыталась сообразить, как в своем понимании мира связать пресветлого аттара и бульон бабы Томи. Моя растерянность была слишком очевидна, и аттар, отбросив мрачный шутливый тон, доброжелательно заметил:

— Ты своим обмороком вчера полдома напугала, лечили, что называется, всем миром.

— А вы своим присутствием разве никого не напугали? — Мой угрюмый хриплый голос испугал даже меня. Боги, как же хочется пить.

— Все видят во мне обычного парня, когда мне это нужно. — Аттар вдруг поднялся и вышел из комнаты. Вернулся буквально через мгновение со стаканом воды.

Я снова попыталась сесть, на сей раз успешно.

— А я? — выдавила глухо.

Тангавор Скай-Дарао аккуратно поставил стакан на тумбочку у дивана и снисходительно развел руками. Ну да, глупый вопрос. Я со всей очевидностью вижу перед собой аттара. Самого правителя! Мои щеки обожгло краской стыда. Я спрятала лицо за стаканом, схваченным трясущимися руками.

— Уходите, — почти прошептала.

— Я на кухню, приводи себя в порядок. — Аттар бережно перехватил у меня опустевший стакан и вышел из комнаты.

Мрачно проводила его взглядом. Сил устраивать скандал и выставлять самого правителя из квартиры не было. Да и страшновато.

Я долго стояла под душем и пыталась разобраться в собственном комке чувств. Укоренившийся уже гнев на дурное предложение, страх и тем не менее робкое любопытство: вот зачем такому красивому айянеру, обладающему всеми благами мира и умением зачаровывать женщин, фиктивная невеста, да еще и я в этой донельзя странной роли. Стыд за обморок. Страшно подумать, как это все выглядело вчера вечером... Ох, и накануне я тоже отличилась. Едва ощутимая благодарность за заботу, щедро одобренная неловкостью перед тем, кто настолько выше по положению, что аж дурно.

Я медленно намыливала тело и перебирала все свои ощущения. Раз за разом возвращалась к равнодушно сказанной фразе «и в постели тоже». Проклятие, почему эти мысли преследуют меня и тревожат? Я ведь ни за что не соглашусь, почему же просто не перестать об этом думать? Я не маара. Яростно начала оттирать себя мочалкой под тугими струями воды, мучительно пытаюсь заделать трещины в своей броне. С отчаянием признаваясь самой себе, что идея прыгнуть в постель к аттару на какую-то секунду перестала казаться мне столь ужасной. Что со мной? Ох, это все его чары! Вот мерзавец...

Ошпаренная простой догадкой, я выскочила из душа, не вытираясь, накинула халат и бросилась на кухню.

— Уходите, сейчас же! — Хриплый голос некрасиво сорвался на писк, меня от резкого движения повело.

Аттар молча сгреб меня в охапку, обнял крепко и долго держал, глядя по мокрым волосам.

Я попыталась вырваться, возмутиться, но слабое тело и осипший голос предали меня в этой борьбе. Вскоре я бессильно повисла у него в объятиях, запутанная в собственных эмоциях и происходящем...

Оторвав зареванное лицо от его промокшей рубашки, я смогла наконец выдавить:

— Зачем вы меня зачаровывали?

Его плечи дрогнули, а потом он мне шепнул в ухо, обжигая горячим дыханием:

— У тебя иммунитет к нашему обаянию, Варвара, я бы не смог, если б даже осмелился.

Мне вдруг стало стыдно. Боясь наговорить лишнего, я вывернулась из сильных, смущающих меня рук и скрылась в ванной. Вот дура! Встала перед зеркалом и хмуро посмотрела на свои кошмарно опухшие глаза. Так хотелось быть взрослой, уравновешенной, мудрой... а в последние дни жуть что вытворяю. Я терла холодной водой щеки и пыталась понять его последнюю фразу, смысл которой стремительно ускользал. Что там сказал аттар? Что у меня иммунитет? К чему? Лишь уловила, что он не использовал свои чары, выходит, я совершенно зря на него вспылила.

Мысленно застонала от острого желания позвонить Вадиму. Чтобы он сказал свое неизменное и снисходительное: «Это все ерунда, Варечка...» Чтобы отвлек меня рассказами о своей работе. Мне нравилось его слушать. Когда позволяло время, после секса мы валялись среди сбитых простыней и подушек. Он что-то рассказывал, а я обнимала его руками и ногами так крепко, как могла. Он морщился, но терпел. Меня в такие моменты накрывало ощущение полноты и покоя. А он все говорил, говорил. Я, признаться, мало вслушивалась в его слова, мне нравилось ощущать низкий голос, гудящий внутри его сильного тела. На мои попытки рассказать ему о своих проблемах он отвечал, легонько щелкая по носу, и успокаивал:

— Ерунда и пустое, нечего переживать. — И снова возвращался к своему неспешному монологу.

Иногда мне на миг становилось обидно, а потом я понимала — он просто верит в меня. Это помогало взять себя в руки и разделаться с возникшими неприятностями. Я словно отталкивалась от его слов и выныривала из очередной проблемы. Раз он говорил, что ерунда, значит, я не имела права не справиться. Обычно так и случалось.

Но Вадима сейчас нет, звонить нельзя, а на кухне чужой мужчина, который пугает меня извращенной логикой своего поведения. Я держала ладони под струей холодной воды и безостановочно шептала:

— Это все ерунда, все ерунда...

Позже я закрутила на голове полотенце и, запахнув поплотнее халат, шмыгнула в комнату. Подсушила, как смогла, волосы, заплела косу и подняла наверх, заколов шпильками. Надела нарядную блузку с высоким горлом и длинную юбку. Вот теперь взрослая и приличная. Тряхнула головой и решительно пошла к ожидавшему меня аттару. Пора выныривать из омута тревог, страхов и сомнений.

На кухне стоял одуряющий аромат кофе, незнакомый и пряный. Обескураженно я посмотрела на стол, где находились две дымящиеся чашки, потом на Тангавора. Тот, заметив мою реакцию, довольно улыбнулся. Обежав глазами кухню, с удивлением обнаружила новую медную турку с тонким восточным орнаментом и пачку незнакомого молотого кофе.

— Приношу свои извинения, но твой восхитительный кофе закончился ночью. Я все выпил. А это моя компенсация.

Я только и смогла, что смущенно выдавить сиплое «спасибо». Сложно мне было понять, всерьез он говорит или шутит. Села за стол, обхватила горячую чашку ладонями и поднесла ее к лицу, чтобы утонуть в тонком терпком аромате действительно хорошего кофе. Явно не чета той бурде, которую пресветлый назвал «восхитительной». Все-таки шутит. Я сделала маленький глоток и зажмурилась. Что-то говорить было неловко.

— А я думал, врачи не болеют, — разбил тишину тихий голос Тангавора.

Я вздохнула и нехотя ответила:

— Врачи тоже могут сдуру постоять с мокрой головой на холодном ветру у окна.

— Интересные у вас способы самообразования.

— Скорее способы самоистязания, — заметила я, и мы снова замолчали.

Было так хорошо сидеть и делать маленькие глоточки хорошего кофе. Тишина между нами совсем не напрягала, и в какой-то момент стало легко поверить, что все это ерунда и пустое. Сейчас еще чуть-чуть, и точки над «ё» расставятся сами. На дне чашки остался последний глоток, и я вдруг поняла, что созрела разобраться со всей этой ситуацией. Подняв на расслабленно сидящего мужчину глаза, прямо спросила:

— Зачем вам маара?

Тангавор сразу как-то подобрался. Недавно такой мягкий и вежливый, он вдруг превратился в жесткого и умного правителя. Он посмотрел на меня оценивающе, будто что-то решал, и медленно ответил, плавно поднимаясь из-за стола:

— Мне не нужна маара, мне нужна ты. — В мягком голосе прорезалась сталь.

— Почему? — только и смогла выдавить.

— У тебя иммунитет к некоторым видам наших чар.

Со всей очевидностью я вдруг поняла, что передо мной аттар, который способен просто принудить. В его власти сделать со мной что угодно, даже уничтожить. И никто не заступится. Я замотала головой, чтобы хоть как-то отгородиться от происходящего, и сжалась, словно в ожидании удара.

Он сделал стремительный шаг ко мне, наклонился, схватил за подбородок и приподнял мое лицо.

— Тебе так отвратительна мысль о моей постели?

Я беспомощно замерла, глядя в его хищные и одновременно пугающе ласковые глаза. Он провел большим пальцем по моей щеке, вдруг улыбнулся открыто и весело сказал:

— Тогда обойдемся без противного секса. В конце концов, никого не касается, что между аттаром и его невестой происходит в спальне.

Закусила губу, чтобы не ляпнуть еще что-нибудь, и зажмурилась. Вдохнула — глубоко, как только могла, — и выдохнула. Пусть уйдет, умоляю, пусть только уйдет. Я уже совершенно ничего не соображаю. Мое самообладание давно рухнуло. Мне нужны покой и немного

личного пространства. Вдруг теплая рука пропала, и я услышала сначала тихие шаги, а спустя мгновение хлопнула дверь. Ушел? Я распахнула глаза и увидела родную пустую кухню.

В оцепенении я долго смотрела в окно на хмурое отравленное утро. Небо укрылось пеленой толстых серых туч, дождь наигрывал еле слышную грустную мелодию, рисуя крупными каплями на стекле печальные узоры. А на заданный вопрос он так и не ответил. Зато ответил на незаданный. Я снова потеряла кольцо. Все уже совсем не «ерунда и пустое»...

Надо позвонить на работу и взять больничный. В таком состоянии только дома сидеть и перебирать до отупения беспорядочные мысли в надежде, что они сплетутся в понятный узор.

Провинция Милъе, Северные горы

Машина, мягко покачиваясь, стремительно неслась по дороге. Прочь от Саддики, где жила упрямая Варвара, в сторону гор на севере провинции, где пологие, заросшие лесом вершины терялись в свинцовых облаках. Дождь струями стекал по гладкой черной поверхности, тихо гудел двигатель. Машина под уверенной рукой аттара, словно хищная рыбина, рассекала стену воды. И чем глубже она зарывалась в горы, тем сильнее бесился и бился в боковые окна ветер. Следом, стараясь не отставать, неслась вторая машина с тремя личными охранниками, которые мрачно ежились от ощущения собственной бесполезности. Хотя айянерам с их природной ловкостью и невероятной регенерацией мало что могло угрожать на пустынной дороге в горах, да и вообще в этом мире, профессиональная выучка требовала прикрывать охраняемое лицо, находясь рядом, а не бессильно петлять по горной трассе сзади в попытке хотя бы не отстать.

Вскоре Тангавор свернул с шоссе к ущелью с громадными деревьями, поросшими мхом, проехал еще около километра и остановился перед высоким забором. Беззвучно распахнулись ворота, и аттар въехал на ухоженную, посыпанную светлым щебнем подъездную дорогу. Лес расступился, и перед ним открылось маленькое черное озеро, на берегу которого стоял особняк, выкрашенный темно-синей краской. Мрачный Блархус, скрытый от чужих глаз, — резиденция аттара в этих краях. Ливень неистовствовал, скрывая дальний берег в серой пелене.

Тангавор давно заметил, что, если в душе сидит усталость или бессильная злость, морская вода вымывает, а морской ветер выдувает все начисто. Борьба с непослушным ветром, яхта, скользящая по волнам словно птица, ощущение полета и свободы. Аттар болел морем, и сейчас дождь, хлеставший прямо в окна, вызывал внутри знакомую азартную дрожь перед любимой стихией.

Мужчина открыл дверцу машины, шагнул в стену дождя и поднял голову, позволяя воде смыть с тела выматывающее напряжение двух суток без сна. Он долго стоял, слушая встревоженные волны на озере, а тело знакомо коченело под порывами ветра.

А на крыльце молча и расслабленно ждала Ханна-Мэй, верная помощница. В ее возрасте человеческие женщины уже нянчат внуков, а она почти тридцать лет нянчила Тангавора. Единственной ее заботой было обеспечение комфорта айянера в любом краю этого мира. Второй такой не найти. Она знала привычки аттара лучше его самого, незаметно окружая его теплым коконом опеки во всем, что касалось быта.

Аттар отправил Ханну-Мэй с частью охраны в Блархус сразу после звонка советника, доложившего об отказе Варвары, чтобы помощница могла подготовить дом к приезду

Тангавора. Предупредив Ханну, что будет в Саддике лишь к вечеру, аттар всю ночь работал, отдавая последние распоряжения перед отъездом.

Утром Тангавор покинул столицу, чтобы помчаться на встречу к несговорчивой женщине. Ярость от ощущения, что он зависит от нее и вынужден сорваться и бросить дела, больно кусала и трепала нервы всю долгую дорогу. Есть такие женщины, которые любят для вида сопротивляться, нарочно вызывая у мужчины азарт охотника. В любое другое время Тангавора такая игра позабавила бы, но в тот момент мысль о том, что Варвара оказалась из этих взбалмошных и непредсказуемых девиц, привела его в бешенство. При таком раскладе спектакль становился слишком рискованным.

И только ночью, наедине с Варварой, которая трогательно и беззащитно разметалась по постели, вымотавшийся аттар осознал, что дважды ошибся в этой хрупкой женщине. Первый раз — когда решил, что взрослая незамужняя женщина легко согласится на почти стандартный контракт об эскорте. Второй раз — когда решил, что она затеяла игру «попробуй догони».

Аттар улыбнулся, вспоминая, как она взъерошенным мокрым воробьем выскочила из ванной в огромном пушистом халате и попробовала его прогнать. Он почувствовал на животном уровне, что если сейчас откажется уходить, задавит властью или, наоборот, подчинится и уйдет, то проиграет. И она больше никогда не подпустит его к себе или, наоборот, сломается. Игнорируя свои инстинкты, требующие смять и подавить, он выбрал третий вариант — ворваться в ее границы на равных, обнять и удержать.

Аттар повернулся к дому и улыбнулся Ханне-Мэй, которая наверняка уже наполнила долго пустовавший дом теплом. Зная его с детства женщина совсем не боялась аттара и сейчас по-доброму улыбалась в ответ. Исчезнет ли из глаз Варвары Лайя страх, который отчего-то вызывал у Тангавора болезненное бешенство?

ГЛАВА 5

Печаль научила меня танцевать...

Лора Дан

Вечером я включила свою любимую музыку и начала медленно танцевать в темноте комнаты. Пьяная голова от вновь поднявшейся температуры, невыразимо легкое тело, расслабленность от спокойного, ленивого дня, сгущающиеся сумерки. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Нежно звучала музыка, я неспешно переступала босыми ногами. С наслаждением плыла вдоль мелодии, позволяя телу вбирать тягучий ритм. Шаг, шаг и еще. Все смелее и смелее. Движение. Вдох-выдох. Только я и музыка, призванная меня увлечь и освободить. Закрыв глаза, растворялась в звуках, разрешая себе забыть о суете и тревоге, о волнении и беспокойстве... По щекам текли непрошенные капли, это правильно. Тревоги уходят слезами. Движение. Шаг за шагом.

Моя любимая воспитательница Мамика учила:

— Не позволяй страданию вращаться в тебя, танцуй!

И мы танцевали, все двадцать четыре девочки приюта. Я не знаю, откуда взялось смешное прозвище у Марины Кирилловны, но она его сама любила и разрешала себя так называть. Теплым светом отзывалось оно в сердцах девочек, ищущих свои семьи. Больше шести лет

прошло, как не стало Марины Кирилловны, нашей общей «мамы». В свое время я успела ее оплакать, и сейчас в памяти остались лишь добрые слова напутствий и светлая грусть.

Я танцевала, а в груди разрасталось щемящее ощущение единения с чем-то большим, чем я сама. Плыла в океане звуков, ритмов и ощущений. Музыка качала в своих объятиях, кружила и обнимала. Это было прекрасно, и так было всегда. Танец неизменно спасал меня от тоски, непонимания и страха перед будущим. И меня сейчас переполняло счастье, потому что, сбросив груз беспорядочных, раздирающих меня мыслей, я осознала главное — он услышал меня. Мое «нет».

Шаг, шаг и еще...

Уставшая и приятно опустошенная, я шла на кухню, когда в прихожей раздалась тихая трель звонка. Без лишних мыслей, все еще улыбаясь, я широко распахнула дверь. На пороге стоял аттар. Нагруженный бумажными пакетами, он вдруг улыбнулся и сказал:

— Ужин.

— Хорошо. — Я застыла, глядя на него.

— Ага.

На секунду замывшись, я сделала шаг в сторону, пожимая плечами.

— Ладно...

Я сидела за столом, наблюдая, как он ловко выгружал закрытые контейнеры. Из комнаты лилась моя любимая музыка. И я подумала, как это приятно, прямо здесь и сейчас, видеть перед собой мужчину, который просто принес ужин. Не вспоминать прошлое, не думать о будущем. Не искать причины. Не вдумываться в то, кто он и кто я. Невозможно вот сейчас, после слез и танца, снова вернуться к тревогам и сомнениям. Возможно, потом, когда он уйдет...

В какой-то момент его рука мягко коснулась моего лба: «У тебя снова жар, в обморок не упадешь?» Отрицательно покачала головой и с удивлением прислушалась к себе. Где страх? Откуда веселье? По телу пробежали мурашки от догадки. Ох, я знаю это состояние. Любопытство! Чертовое любопытство, которое не одну кошку сгубило. Ведь точно понимала, что ему что-то нужно. Ой, да что тут лукавить — очень даже конкретное нужно: подписанный контракт, лишь в менее мерзкой версии. А мне было весело. Необъяснимое ощущение озорства, словно я задумала подергать тигра за усы. У него совершенно точно есть план действий. Надеюсь, не через пошлое соблазнение, это было бы слишком примитивно и даже обидно.

Закусив губу, я с любопытством наблюдала за ним, ожидая следующего шага, игнорируя напрочь инстинкт самосохранения. Мне хотелось хоть немного понять, что же это за план, а еще в глубине души надеялась узнать, зачем ему именно я. Мне было интересно, как он мыслит, почему поступает вот так... так хорошо. Неужели это все большая игра? Тогда он замечательный игрок, надо признать, и мне ужасно любопытно, что он сделает дальше. Страх не было. Непередаваемое ощущение, что я пока в безопасности и могу насладиться происходящим. Пару ходов в этой игре я могу позволить ему сделать, прежде чем изгоню из своей жизни. Запах азарта и тайны заглушал едва слышный голос разума.

Он хозяйничал на моей кухне, а я сидела поджав ногу и молча, бесстыдно его рассматривала.

Высокий, как и все айянеры. Черноволосый и неприлично загорелый. Рукава белоснежной рубашки были закатаны, обнажая мускулистые руки. Я усмехнулась. Никогда не думала о том, как выглядит наш аттар, но если бы задумалась... вряд ли представила бы его вот таким спортивным, с легким пружинистым шагом и широкими плечами. Настоящий тигр. С усилием перевела взгляд на стол, заставленный тарелками с едой. Ох, я и правда голодная.

Удивилась отсутствию вина в принесенном наборе. А как же спаивание доверчивых девиц, которые пускают малознакомых мужчин к себе домой на ночь глядя? Только гранатовый сок? Ах, какая непредусмотрительность. Я едва подавила смешок. Зато есть мои любимые овощи гриль, и это восхитительно. Рыба в белом соусе, горшочек с тушеной картошкой, тонкие лепешки и зеленое масло в плошке. Нарезка различных сыров и овощей... А когда он достал пиалу с соусом гуакамоле, я чуть не вскрикнула от восторга. Даже слишком хорошо. Слишком идеально. Слишком безумно. Но если это часть игры, сейчас я только за. Только пусть молчит. Молчит и ни о чем не просит.

Я схватила лепешку и положила в центр пару ложек гуакамоле, сверху кусочек козьего сыра и ломтик помидора. Завернула и откусила, невольно застонав от удовольствия. Это какое-то волшебство. Думаю, меня поймет любой, кто привык есть быстро разогреваемые полуфабрикаты, лишь бы не тратить драгоценное время. Еще час назад я не ощущала голода и планировала обойтись чаем на ночь, а теперь смотрела на стол и понимала: каждое из блюд прекрасно, я бы не смогла выбрать лучше. Для больной меня идеальный набор. Я снова с наслаждением откусила.

Молчание между нами явно затягивалось. Аттар периодически искоса поглядывал на меня, а я делала вид, что не замечаю этого. С упоением наслаждалась едой и откровенно веселилась, в ответ по его губам пробегала лукавая улыбка. Мы словно картежники в начале игры, пытающиеся просчитать соперника по мельчайшим жестам. А из комнаты звучала и звучала тихая музыка, под которую я совсем недавно плакала. Так странно. И снова удивилась, как легко с ним молчать.

— Слышала про Древо Жизни? — спросил аттар, когда я насытилась и начала лениво отщипывать кусочки лепешки и макать в соус.

— Прадерево Идайн-Тсури? — Я даже опешила от неожиданного вопроса. Пожалуй, в каждом доме висела картина, изображающая Древо Жизни. Большое, древнее Перводерево в центре материка, которое держит ветвями небо, а корнями обнимает землю и не дает им убежать друг от друга. Существовала даже красивая легенда об их любви. Я пожала плечами. — Кто же его не знает.

— Хочешь на него посмотреть?

Я аж поперхнулась. Посмотреть на мифическое дерево из легенды? Это как? Картинки в книжке? Ну так вроде я их уже видела. Масса художников пыталась его изобразить в меру своей фантазии. И я тоже, на уроках рисования в детстве.

— Оно действительно стоит в центре материка, — нарочито равнодушно произнес аттар, явно наслаждаясь моим замешательством, — правда, небо не подпирает. Но Идайн-Тсури высотой раз в пять выше всех остальных деревьев, так что со стороны и правда кажется, что оно гладит небо по брюху.

Я пораженно пыталась представить себе такого гиганта, мучительно вспоминая, а сколько метров высотой наши родные березки. Ох, не помню, и воображение пасует.

— Но почему нет фотографий? Если Идайн-Тсури где-то и правда растет, почему же нет ни одного снимка? — Я подозрительно прищурилась.

— Мы не пускаем туда людей. — В его голосе мне послышалась знакомая сталь.

Мое веселье как рукой сняло. Я тут же вспомнила, кто передо мной. Высший. Не обычный человек и тем более не просто мужчина. Вот дура, нашла с кем в игры играть. Но если во время ужина мне было просто интересно, то теперь я умирала от желания увидеть Идайн-Тсури своими глазами. Любопытство меня погубит! Досадливо стряхнула остатки лепешки с ладоней. Я с аттаром в поддавки играла, а он, оказывается, в шахматы.

— Я хочу тебе показать Идайн-Тсури. — Снова обманчиво мягкий голос.

Шах.

«Ага, а потом прикопать под ним», — мрачно пошутило мое чувство самосохранения. Я подняла ноги и прижала к груди, обняв колени руками. Волшебство закончилось. Тревоги и сомнения толпились уже у порога, готовые в любую секунду снова спеленать меня. Высший встал из-за стола, сделал шаг ко мне и присел на корточки, заглядывая в глаза. Хотела бы отвести взгляд, да не смогла.

— Тебе нечего бояться. Я принял твоё «нет» и больше не буду просить. Но я хочу ответить на твой вопрос «зачем». А это возможно только там, в долине Идайн. — Тихим голосом он пытался прогнать мои тревоги.

Я мрачно про себя усмехнулась — а вот и мат.

Я проиграла. Что, подергала тигра за усы? Порезвилась? Конечно, я могу отказаться. Легко. И всю жизнь жалеть об этом. Упустить шанс прикоснуться к легенде, побывать там, куда людей не пускают. И узнать тайну аттара, которая заставляет его искать фальшивую невесту. Ах, до сих пор в голове с трудом укладывается, что Прадерево Идайн-Тсури настоящее и где-то растёт. Согласиться? Поверить Высшему?.. И тоже пожалеть. Кто знает, чем для меня обернется поездка.

«Ах ты ж мерзавец», — подумала я и в злом восхищении посмотрела на аттара.

— Решайся. Можешь поехать со мной или остаться здесь и переживать.

Он прав, я буду переживать. Он нашел мое самое слабое место — ужас от бездействия, помноженный на любопытство. Всю жизнь считала, что грандиозный провал, пусть даже неисправимая ошибка — все лучше, чем вообще не попытаться. Пришлось долго учиться в медицине трезвому «ничегонеделанию». Мои наставники долго ломали мое желание побыстрее решить проблему скальпелем и терпеливо учили тактике выжидания. Зато на операциях я ощущала себя в своей стихии.

Я молчала. Он не стал ждать ответа, мягко попрощался и просто ушел. Пресловутая тактика выжидания, да? Я застонала.

Шах и мат... Это была великолепная игра, маэстро.

Провинция Милье, Северные горы

К ночи ветер начисто прогнал тучи на восток, и в неподвижное черное озеро вглядывалось чистое небо с мириадами ярких звезд. Озеро отражало их с женской покорностью, принимая всю необъятную мощь ночного купола. Довольный ветер трепал верхушки деревьев и перешептывался с водой. Вернувшийся из Саддики Тангавор расслабленно, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, стоял на галечном берегу и наслаждался особой тишиной призрачного темного леса. Где-то ухал филин, чувствующий робкую поступь весны, ворошили старую листву скачущие зайцы, деревья неуверенно шуршали заостренными после зимы ветками, словно проверяли: «Живы? Вроде живы!»

«Она бы услышала», — вдруг подумал аттар, вспоминая лукавые глаза Варвары удивительного золотисто-зеленого цвета. Он так рассмотрел их в тот момент, когда она, такая новая, незнакомая, распахнула ему дверь. На минуту он растерялся, настолько эта сияющая и расслабленная девушка была не похожа на ту утреннюю встревоженную и колючую Варвару.

Ужин прошел совсем не так, как Тангавор представлял себе. Он хотел быть спасителем наверняка голодной девушки, и если повезет, то и соблазнителем. Но, увидев ее улыбку, с которой она позволила ему зайти на ее территорию, Тангавор стал стремительно придумывать новый план. Со злой досадой он подумал, что никак не может ухватить стиль общения с этой женщиной. Она боится, но не идет на поводу у своего страха. Она не сопротивляется, не выгоняет, внимательна и вежлива. Но полное ощущение, что девушка словно выскальзывает из рук. Как вода. Варвара-вода.

Тангавор прикрыл глаза. Каково бы это было — стоять на берегу вместе с ней?

ГЛАВА 6

Утром я, окончательно придя в себя, без раздумий побежала на работу. Пусть только посмеют отправить домой. Сколько себя помню, всегда так болею — остро, тяжело и одним днем. Но вопреки сомнениям мне обрадовались, только Борисович, как всегда, спросил, когда же я свалю с глаз его долой в отпуск. Мол, бухгалтерия уже бумагами нервно машет, давно пора. Отмахнулась привычно и пошла на обход. Зачем мне отпуск? Что я буду делать целый месяц дома?

Бестолково проворочавшись ночь в удушающих объятиях простыней, я решила — ни на какое дерево смотреть не поеду. Без ответов обойдусь. А любопытство давно пора посадить на урезанный паек, а то разрослось до непомерных размеров. К утру решимость закрыть историю с Высшими только окрепла. А когда я вошла в первую палату к моим любимым деткам, я и вовсе забыла прошедшие два дня. Надо же — всего два дня... а такая буря в душе.

Санни выписали еще вчера, без меня. Жаль, попрощаться не успела. На ее месте появилась новая девочка — семилетняя Полина с переломом. Такая озорная и кудрявая, неудачно упала на физкультуре. Ну да ничего, судя по снимку, без смещения, должно быстро зажить. Гипс еще вчера наложили. Вон уже сидит, болтает ногами и с соседками по палате обсуждает мальчишек из соседней. Ах, ну да, у нас там герой всей женской половины нашего отделения. Никита со сложной травмой колена лежит у нас уже второй месяц, большую часть времени проводя на вытяжке. Уж не знаю, кто ему подсказал, да придумал подросток фенечки девочкам плести. А те его в ответ балуют, заботятся в меру своих детских сил. Вот Полина, размахивая здоровой рукой, и рассказывала мне, что он ей обещал сплести зеленую с желтыми полосками по краям.

После обхода отметила, что Марка к нам так и не перевели, видимо, он все еще на первом этаже в реанимации. Надо будет к нему после обеда заглянуть. Да и Катю никак не могу

поймать, бегают она от меня, что ли?

Оказалось — да, бегают. Столкнулась с ней на лестнице, а она в глаза смотреть боится.

— Кать, ты чего? — Я растерянно держала ее за руку и пыталась поймать взгляд.

— Варенька, ох... — Катя вдруг обняла меня и захлюпала носом. — Беременна я...

И у меня тоже в носу щипало. Вовсе не оттого, что она ждет ребенка, а я этого не смогу. А потому, что моя любимая рыжая подружка сейчас переживала из-за меня. Вместо того чтобы просто радоваться такому хорошему известию, маялась и боялась мне рассказывать. А еще от радости щипало: ну это же моя Катька! У Кати будет ребенок! Так и стояли, обнимались и плакали.

— Катюш, ну что ты, я рада! Не плачь, дуреха.

С Катей мы прошли, что называется, огонь и воду. Неразлучные с детства, из одного приюта. Нас тогда было трое. Я, Катя и Соня. Носили одинаковую одежду, заплетали косы набок. Они обе были рыжие, только у Кати жгуче-медная копна волос, а у Сони были светло-золотые кудряшки, цвета меда. В подростковом возрасте в неловкой попытке выразить к ним свою любовь я даже покрасила волосы хной, чтобы быть, как и они, рыжей. Катя долго переживала, потому что мне совсем не шло, а вымывалось, как назло, очень долго. А потом наши дорожки разбежались, Соня осталась при приюте, рано выскочив замуж, а мы с Катей по квоте попали в медицинский...

Успокоившись, Катя убежала, а я еще долго стояла на лестнице. Ну кого я обманываю? Зачем изображаю приличную, правильную жизнь, если ее, как ни старайся, не будет. Ни мужа, ни детей. Одна работа да редкие, тайком встречи с любовником. И все.

«Решайся», — поднимался из глубин подсознания голос аттара.

«Это просто поездка, маленькое приключение», — тихонько стучало сердце в ответ.

А я стояла и думала, такой ли уж плохой окажусь, если соглашусь вырваться хоть ненадолго из своей пустой жизни. У Кати будет ребенок. А у меня будет воспоминание о поездке. Разве это плохо? Эх, завидовать плохо. И мне нужна опора, чтобы справиться с непозволительным для подруги чувством.

Сегодня был тихий день. Несколько плановых операций, меня позвали только на две. Берегли, наверно. Один раз только пришлось Борисовичу спуститься в травматологию. А так все штатно, как обычно. Под конец рабочего дня я снова зашла в палату девочек, согреться теплом детских сердец. А там была война! Девочки кричали и возмущались. Когда я поняла причину их спора, мое сердце пропустило удар. Оказывается, добрая медсестра Антонина Петровна принесла им наш запас цветных карандашей и кусок ватмана, попросив нарисовать Древо Жизни. Мол, стенки в коридоре пустые, нужно украсить. И девочки до хрипоты спорили о том, как должно выглядеть мифическое дерево. Любимый сюжет, который по многу раз рисуют дети. В таком совпадении не было ничего странного. Почти.

— Варвара Андреевна, вот скажите, какой оно высоты? — набросились на меня раскрасневшиеся девочки. Ох, надо попросить Антонину повязки потом проверить. Лишь бы швы не разошлись, вон как распереживались.

— В пять раз выше обычных деревьев...

Девочки примолкли и явно ожидали от меня продолжения рассказа. Я взволнованно закусила губу... Ох, что же все одно к одному-то? С трудом взяв себя в руки, я стала ходить по палате, поправляла подушки, помогала девочкам удобно устроиться на постелях, гладила их по головам и самозабвенно фантазировала. Я сочиняла сказку о дереве, смотреть на которое отказалась из гордости и самосохранения, осознавая, что подобными чувствами в старости не согреешься.

Выйдя из палаты, я нашла Борисовича, схватила его за руку и, борясь с волнением, выпалила:

— Хочу в отпуск!

Следующие два часа пролетели как во сне. Я летала по больнице, подписывая бумаги в разных кабинетах. Каждый раз с замиранием сердца открывала очередную дверь. А вдруг сейчас откажут? Но все прошло на удивление легко, словно только меня и ждали, когда же принесу бумаги на отпуск. Даже в бухгалтерии Мария Анатольевна не только быстро приняла мои подписанные листочки, но выдала сразу отпускные. Поворчала и повздыхала, мол, надо было еще с утра прийти, кассу-то она уже закрыла. Но все равно увлекла меня в соседнюю комнату и вручила мне тоненькую пачку денег: «Ты давай уж отдохни как следует, а то бледная совсем...» Не покидало странное ощущение, что я попала в поток и меня стремительно несет. Все так гладко и быстро получалось.

В конце смены устроили с коллегами тихие посиделки в ординаторской. Я весело отшучивалась на вопросы о том, куда собралась. Вскоре не выдержала, со всеми тепло попрощалась и сбежала.

Домой медленно шла через парк и вдыхала сладкий аромат весны. От нереальности происходящего кружилась голова и пылали щеки.

Мысли о том, что он не приедет, я не допускала. Ни на секунду. Чистое и светлое «я верю» существовало за пределами моего понимания.

— Сотар, я везу ее в долину Идайн.

— Думаешь, она выдержит переход без подготовки?

— Со мной выдержит.

— Если ее не ломает переход, то раздавит правда.

— Не драматизируй.

Тангавор оборвал связь. Уверенность, что все будет хорошо, облечь в слова не получалось. Жалкое бессмысленное объяснение «я верю» застревало в горле. Аттар привык следовать жесткой логике и тщательному расчету. Положение обязывало. С Варей же он следовал интуиции. Он тогда солгал в разговоре, людей к Древу все же пускают. Да, только после долгой, тщательной подготовки и лишь приближенных к хранителям. А он собирался не только протащить Варвару через барьер, но и выплеснуть всю неприглядную истину ее мира разом...

«Варвара-вода... ты справишься».

В том, что она поедет с ним, Тангавор ни на секунду не сомневался.

Все имеет две стороны...

— Как думаешь, что было раньше всего? — Все-таки он умеет задавать неожиданные вопросы.

— Не знаю... — растерянно ответила я, вглядываясь в предутреннюю хмарь за окном машины.

— Ни-че-го, — сказал Тангавор.

Я укоризненно взглянула на него, такого собой довольного. Ну что за детские шуточки? Фыркнула и невольно улыбнулась в ответ. Рядом со спокойным и уверенно ведущим машину аттаром было непривычно уютно. Расслабленная и сонная, я вновь посмотрела в окно машины на мелькающие сумеречные тени деревьев. Мы выехали аж в четыре утра. Вчера вечером я не удержалась и долго крутила карту доминиона, пытаюсь понять, как тут в центре можно было что-то спрятать. Аттар же тогда на мой вопрос лишь улыбнулся. Интригует, не иначе.

— Вначале было великое Ничто, — снова заговорил Тангавор, — Кахоре, вакуум абсолютный и изначальный. Без времени и пространства, Кахоре не существовал и не осознавал себя. Но, — аттар взглянул на меня и, усмехаясь, нарочито важным голосом сказал: — Ничто не вечно.

Я слушала с предвкушением. Прямо как в детстве, когда мы с девочками страшилки на ночь друг другу рассказывали. Сдержанный Тангавор оказался замечательным рассказчиком.

— И пришел в пустоту Свет. Никто не знает, родился ли он внутри Ничто или пришел извне. Не сразу осознал Кахоре, что его заполняет сияние, а когда ощутил жалящий свет, было уже поздно. Кахоре погибал. Свет пожирал вакуум, заполняя собой и своим сиянием. Может, сразу, а может, через миллиарды лет, кто знает... Времени тогда еще не было. И вот однажды Свет стал всем. И остался от Кахоре только страх пустоты, первобытный ужас перед великим Ничто.

Свет так долго боролся с изначальным и вездесущим Кахоре, что не заметил, как остался один, с ноющей пустотой внутри себя. Больно и тоскливо было единственному богу. И, преисполненный ужасом, Свет создал Тьму из дыры одиночества в своем сердце. Темная, влажная, наполненная тайнами и необузданными силами, она была так прекрасна, что ослепленный желанием Свет набросился на Тьму, дабы покорить ее, подчинить женскую сущность своему мужскому началу. Хищная и строптивая Тьма в ответ набросилась на Свет, чтобы поглотить его, уничтожить, ибо не ведала еще, что сама умрет без Света. И боролись они в бесконечном водовороте страсти, равные и непокорные. И приняли они друг друга как отражение самих себя, как источник познания своей сущности. Это и была любовь.

Аттар помолчал немного и спросил:

— Инь и ян. Видела, наверно?

Я кивнула, соглашаясь, что, пожалуй, «бесконечный водоворот страсти Света и Тьмы» действительно напоминает рисунок на простеньких рыночных кулонах. Я все думала — зачем точки внутри спиралей, а это, оказывается, сердца, наполненные любовью. Надо же, как красиво.

— От их союза родились дети, могучие боги стихий. Раа-Хи — бог солнца и огня, истинный сын своего отца. Дочь Ава-Моана — богиня воды, рек и морей, истинное дитя своей матери. И

близнецы Харан-Ги и Хат-Гор — боги воздуха и земли, равновесные чада своих родителей.

Аттар снова замолчал. Небо за окном светлело, предвещая близкий рассвет, а я зачарованно перебирала образы, возникшие после рассказа. Вот теплый и яркий бог огня, похожий на отца. Влажная и коварная Моана, истинная женщина. И близнецы, которые в равной степени могут утопать во мраке или купаться в свете, быть сухими или наполняться влагой... Чем больше я задумывалась, тем больше мне нравился этот миф.

— Истинные противоположности, застывшие в вечном равновесии любви и ненависти, — снова заговорил аттар. — Неизвестно, сколько существовали боги в своем незыблемом безвременье, пока однажды не родился пятый сын — Хаос. Бог перемен и приключений. Бог испытаний и шуток. Бог созидания. Творец. С его первым криком появилось время и разрушилось равновесие. И отделились боги друг от друга, осознали сами себя.

Тангавор вдруг замолчал, взглянул на меня внимательно и добавил:

— Так появились Семь богов.

Я удивленно соображала, что ведь и правда, столько раз слышала о Семи богах, но ни разу не задавалась вопросом, что это за боги.

— И захотелось богам творить. И сотворили они первый мир. Прекрасный мир, который называли своим родным домом. — Аттар замолчал ненадолго, словно задумался, а потом добавил тихо: — Твой мир.

Я невольно вздрогнула от мысли, что шутливый тон Тангавора совсем незаметно стал тревожно серьезным.

— Свет и Тьма создали день и ночь. Близнецы создали твердь и небо. Бог огня и богиня воды наполнили мир жизнью. Все было прекрасно в этом мире, кроме одного — он словно застыл, и жизнь в нем была пустая. И тогда бог Хаос создал человека, умеющего разрушать и созидать одновременно.

Многие тысячелетия наблюдали боги за творением своим. Мир развивался и радовал создателей непредсказуемостью и независимостью.

Так понравилось богам творить, что решили они создать еще один мир. Потом еще... И каждый мир был особенным, отличающимся от других... В запале созидания покинули боги первый мир и забыли о нем ненадолго. А когда вспомнили и вернулись, то увидели лишь пыль, наполняющую возрожденное Ничто. Первые люди, дети Хаоса, уничтожили сами себя и целый мир вместе с собой. Уничтожили первый дом богов.

Я замерла, беспомощно переваривая грустный конец такого светлого мифа, глубоко вздохнула и прошептала:

— Как печально и как правдиво.

Я невольно поежилась. Мы и правда такие... Не умеем удержаться от разрушения того, что создали.

А впереди, где дорога терялась в сизой дымке, зарождался рассвет, заслоняя последние звезды. Тангавор больше ничего не говорил. И мне не хотелось. Отрешенно смотрела на жемчужные облака под куполом светящегося неба, впитывая тревожную смесь грусти и

надежды. Тягостные размышления о разрушительной силе человечества переплетались с блаженным восторгом от просыпающейся природы. Вот еще чуть-чуть, и робкое солнце нежно коснулось макушек деревьев. Неловко обняло серые хмурые стволы и обрушилось розовыми лучами на сонную, блестящую росой траву весенних полей. Машина, мягко баюкая меня, неслась вперед, дорога под нами ускользала, уходила, текла как река. Незаметно для себя я уснула.

Тангавор свернул на обочину, достал плед и накрыл спящую Варвару. «Совсем девчонка», — мелькнула и пропала мысль. Волосы выбились из наскоро заплетенной косы и мягкими кольцами окружили безмятежное лицо.

Аттар сел за руль и вернул машину на трассу. Вчера вдруг пришла мысль: может, она? Его настолько накрыло от этой потрясающей идеи, что он едва помнил, как искал телефон и звонил Сотару. Как же неприятно было услышать: «Мы ее проверили сразу... Практически невозможно, чтобы она была той самой». А ведь на какой-то миг Тангавору показалось, что от нее пахнет земляникой. Аттар встряхнул головой и попытался сосредоточиться на дороге. Сколько лет Варваре Лайя было в тот год, шестнадцать? «Практически невозможно», чтобы он так по-взрослому обнимал и целовал шестнадцатилетнюю девочку. Его пропавшая шаари-на отвечала в ту ночь на поцелуи так невозможно страстно...

«Практически невозможно»... Аттар с легкой грустью взглянул на спящую Варвару и покрепче вцепился в руль.

ГЛАВА 8

Все утро я тихонько дремала в машине, периодически проваливаясь в яркие сновидения. Неожиданно нахлынули воспоминания, которые я запрятала глубоко на дно своей души рядом с кладбищем потерь, с пометкой: «Не доставать, будет больно». Мне снились карнавальная ночь, фейерверки и поцелуи.

А проснувшись, я долго смотрела на залитую высоким солнцем дорогу, прежде чем смогла сбросить дурное непрошеное настроение и улыбнуться Тангавору, который предложил где-нибудь остановиться и перекусить.

Мы нашли чудесную полянку, скрытую от дороги небольшой рощицей. Я удивилась корзинке, собранной добротой, словно женской рукой. Так и оказалось. Аттар с непривычной теплотой рассказал о своей помощнице. Выкладывая знакомые контейнеры на расстеленный плед, я осознала, что тот ужин был тоже собран ею. Лепешки и соус, от которого я млела в прошлый раз. Овощная и сырная нарезки. Россыпь орехов. Явно домашнего приготовления овсяное печенье. И какао! Потрясающее чутье у Ханны-Мэй.

Я лениво пила горячий напиток и рассматривала танцующих в воздухе птиц. Кажется, это скворцы. Они легко и быстро взмывали вверх, потом блестящими веретенами падали вниз, чтобы мелькнуть над самой землей, и снова устремлялись в небо. Я совсем уже и забыла о грустном мифе, как лежащий на спине аттар заговорил:

— Я ведь рассказал не всю историю.

— Да? У нее есть и счастливый конец? — Я не смогла удержаться от сарказма.

— Возможно. — Аттар перевернулся на бок и посмотрел на меня. — Хочешь знать, что случилось дальше с твоим миром?

Я кивнула, не в силах понять, какие ощущения у меня вызывает вот это нарочитое «твоим».

— Боги были ужасно расстроены гибелью первого мира. Хмурый Хаос отвернулся от Матери, не в силах видеть ее слезы, и стал перебирать руками пыль, что осталась от прежнего красивого мира. Он ее пересыпал из ладони в ладонь, собирая все больше и больше, пока не родилась у него одна идея. Напомню, он был не только богом хаоса, а еще и повелителем времени. Обратить его вспять он не мог, но доступно ему было многое. Сжал он собранную пыль мертвого мира и вдохнул в нее свою силу. Остальные боги поняли его идею и стали ему помогать создавать... Нет, не новый мир. А отражение старого. Осколок мертвого мира, заключенный в сферу поддержания. Ради прошлого и ради будущего.

— Я не понимаю...

Аттар помолчал немного и попытался объяснить:

— Это как зоопарк — условия искусственные, звери настоящие... и при этом вольтер с обитателями мало отношения имеет к истинному биению жизни.

Я поморщилась. Какое-то нелестное сравнение.

— «Заповедник» звучит лучше? — спросил аттар, заметив мою гримасу. — Боги очень постарались, и живущие ныне там люди не осознают, что они лишь отголоски великого когда-то мира. Застрявшие в возрожденном Ничто. Из пыли, что осталась после смерти первозданного мира, боги создали тринадцать сфер. Но не во всех поселили людей. Каждая из сфер — как памятник всему лучшему, что было в погибшем мире со дня рождения и до уничтожения. У вас есть прекрасная легенда, что мир — это плоская тарелка, которая покоится на трех китах. Каждый осколок мертвого мира действительно похож на плоскую тарелку, только окруженную сферой, призванной уберечь хрупкий, лишенный магии жизни мир от разрушения. Как извне, так и изнутри.

Я долго молчала, обдумывая дикий вариант «счастливого конца» легенды. А потом неловко сказала:

— Это как призраки умерших людей из сказок. Вроде разговаривают, думают, практически существуют, но не живут по-настоящему.

Аттар кивнул:

— Да, призраки. И когда очередной мир погибал, боги заключали лучшие осколки в очередные сферы и помещали к первым. Так и возникли Мертвые миры, или, твоими словами, Призрачные миры.

— Ну и чем этот финал лучше предыдущего?

— Надеждой, — уверенно и с какой-то затаенной нежностью ответил Тангавор и резко встал. — Ну что, едем дальше? Смотреть на другую легенду...

Мы вернулись к машине.

Я долго молчала, а Тангавор лишь поглядывал иногда на меня и тоже не спешил начинать новый разговор. Наконец не выдержала:

— Это какая-то жестокая легенда. Только потому, что богам стало грустно, они решили, что

вправе запихивать людей в клетки. А дальше что? Сидеть, наблюдать и тешиться ролью спасителей? Почему просто не создать для людей из погибшего мира новый такой же, чтобы они могли дальше жить?

Тангавор ответил не сразу, словно что-то решал про себя:

— Не все люди одинаково разрушители и созидатели. Иногда среди них рождаются истинные творцы, а иногда настоящие монстры, стремящиеся уничтожить все вокруг. Увы, чем сбалансированнее и благоразумнее раса, тем реже среди них появляются настоящие творцы. Истинные гении рождались только среди перволюдей. А еще только люди умеют так любить и ненавидеть. Бог Хаос заложил в вас абсолютную свободу и безграничные эмоциональные и нравственные возможности. Живопись, музыка, литература... оружие, бомбы, насилие — во всем именно перволюди достигли невероятных высот. Вы были самыми живыми, самыми прекрасными и одновременно самыми страшными творениями богов.

Мне вдруг стало холодно. Я никак не могла понять, отчего вдруг когтистая лапа тревоги снова скребет по мне. Вслушивалась в слова аттара, такие серьезные и пугающие, и тщетно пыталась вычлениить, что именно меня в них напугало.

— Не могу понять: ты то ли восхищаешься людьми, то ли ненавидишь их...

— Боги тоже не смогли определиться... поэтому и не рискнули создавать новый мир, но и окончательно похоронить первых людей тоже не хватило сил.

— Говорю же, жестокая легенда...

Через некоторое время аттар включил музыку. Я сначала удивленно вертела головой, пытаясь найти источник звуков. А потом с любопытством рассматривала странное устройство, практически спрятанное внутри передней панели. У этих Высших все не как у людей... Мелодия мне была незнакома, но отлично подходила к дороге. Я постаралась отгородиться от беспокоящей меня картинки, как среди бескрайнего черного Ничто летают, словно в мыльных пузырях, осколки погибших миров. Торжественно и печально. Заставила себя вслушиваться в новую музыку и вглядываться в незнакомый пейзаж. Минута... другая... и красивая мелодия начала проникать под кожу, поглаживать напряженные мышцы, заставляя их разжиматься. Я смотрела на дорогу и не сразу заметила, что по щеке катится слеза. Тревоги всегда уходят слезами. Это хорошо. Плохо, что я так и не поняла, почему же славная в целом легенда разбудила внутри меня такое тревожно-мрачное настроение. Что именно в ней так царапало мое подсознание?

Несколько часов мы ехали под восхитительную музыку, где глухой ритм барабанов переплетался с тягучей длинной мелодией. Словно наблюдаешь плавный полет птицы над бескрайними просторами и слышишь, как быстро бьется ее сердце. За окном машины бежали деревья, сменяемые иногда полями с редкими белыми домиками фермеров. А на горизонте все выше и выше поднимались синие горы. Настоящие... У нас в провинции есть свои горы, но тем далеко до Такайямских... Красивые, с заснеженными вершинами, они гордо возвышались высоко над облаками, которые плотным кольцом кружили вокруг них. Труднодоступные склоны, теряющиеся в вечном тумане, всегда манили бесстрашных авантюристов, но преодолеть их никто так и не смог. Мы ехали прямо на них. И когда они заняли собой весь видимый впереди горизонт, я наконец догадалась, где лучше всего спрятать самое высокое дерево... Среди самых высоких гор.

— Долина Идайн внутри гор. — Я не столько спрашивала, сколько утверждала.

Тангавор улыбнулся и кивнул. Приятно быть такой догадливой. От нетерпения по коже побежали мурашки. Я понимала, что еду всего лишь к громадному дереву, к удивительному гиганту. Уж точно оно не могло быть настоящим Древом Жизни. Но я не стала задавать глупых вопросов и разрушать ощущение сказки. Кому она нужна — правда...

— До перевала доберемся к вечеру.

— Там есть перевал? Никогда не слышала.

— В этом и суть, что о нем никто не знает.

— Только для избранных? — съязвила я.

Но Тангавор сделал вид, что не заметил.

— Для этого есть причины, скоро сама увидишь.

Когда уставшее, потяжелевшее рыжее солнце за нашими спинами стало наваливаться на плечи и целовать в затылок, мы доехали до конца пути. У подножия Такайямских гор было разбросано много туристических баз и кемпингов, в которых и заканчивались все дороги, намекая, что дальше только пешком. Пешком? Через горы? В ночь?

Машина остановилась на полупустой парковке. Было безлюдно и тихо, только две притихшие машины напоминали, что где-то недалеко есть туристы. Я вышла в вечернюю прохладу из теплой машины и посмотрела вверх: голова закружилась от захватывающего вида. По спине от восторга прокатилась волна мурашек. Багряные крутые склоны, увенчанные шапкой золотых облаков. А у подножия гор, среди крупных валунов стояли тонкие деревья, покрытые зеленым пухом весны. Я невольно раскинула руки и качнулась навстречу. Начала понимать, почему люди так рвутся снова и снова в горы. Эта любовь к мрачному покою вечных холодных исполинов настигла и меня. Пешком? Через горы? В ночь? О да!

Я блаженно улыбалась и вдыхала пряный запах земли и первой травы. Вдруг пьянящий аромат перебил неприятный запах бензина. Обернулась. Аттар достал канистру из багажника и заправлял машину. Он махнул мне рукой:

— Скоро поедem!

— Куда? — Я обескураженно осмотрелась вокруг.

Дорога здесь была лишь одна — та, по которой мы приехали. Тангавор довольно улыбнулся. Было в этот момент в нем что-то мальчишеское, и я невольно улыбнулась в ответ.

Пока я бродила неподалеку и любовалась пейзажами, аттар достал корзинку для пикника и плед. Несмотря на то что всю дорогу тихонько подъедала сытные орехи, идея перекусить с видом на горы привела меня в восторг. А сзади разгорался закат в полнеба, опалевший медовым маревом все вокруг и заполнявший меня томлением предвкушения. Я не могла усидеть на месте. Заворачивала в лепешку очередную порцию сыра, соуса и овощей, медленно топталась или покачивалась с пятки на носок, ощущая, как под ногами слегка пружинит земля. Задрав голову, до рези в глазах вглядывалась в сверкающие на солнце крутые склоны.

Тангавор стоял рядом и, кажется, так же как и я, восхищался моментом. Время для нас словно застыло. В какой-то момент аттар взял меня за руку. Было тепло и странно, я не стала вырываться. В розовеющем воздухе между гор и закатом это было так уместно...

— Варвара... — тихо позвал меня Тангавор.

Я обернулась и посмотрела в его темные глаза, наполненные рыжими всполохами. Красиво.

— Варвара, перевал будет очень сложным. Не физически, — голос аттара доходил до меня словно сквозь туман, — там стоит невидимый глазу барьер, который у вас, людей, вызывает безотчетный страх и уныние. Обычно люди поворачивают назад еще до того, как начинают всерьез ощущать давление барьера, еще при самых первых тревожных ощущениях.

Я моргнула и попыталась вникнуть в смысл его слов. С какой-то легкой досадой подумала, что аттар — словно мед из полыни: сначала сладко, а потом горько. Снова всколыхнулась в памяти легенда, такая прекрасная в начале и такая грустная в конце. Сейчас я наслаждаюсь видом древних Такайямских гор, а впереди меня ждет страх? После испытанного восторга? Рядом с Тангавором я словно на качелях. Может, не стоило с ним ехать... Он как огонь для мотылька — такой притягательный и такой жалящий.

— Варвара... — Аттар приблизился ко мне и обнял лицо ладонями, в его глазах были беспокойство и нежность. Тигр, прячущий клыки и когти. Я завороченно тонула в рыжих глазах, отражающих закат. — Чтобы не поддаться страху, его нужно будет контролировать. Лучший способ — рассказывать о настоящем страхе твоей жизни. Спрятать наносной ужас в настоящем. Слышишь?

Я не понимаю... — Ноги вдруг стали ватными, в поисках опоры хотелось руками обнять плечи аттара, но я не осмелилась.

— Мы сядем в машину и поедem...

У меня мелькнула и пропала мысль: «Все-таки не пешком».

— ...И ты попробуешь говорить, молчаливая Варвара, попробуешь рассказать о самом плохом событии твоей жизни. Попробуешь управлять страхом своими словами. Ты понимаешь меня?

— Почти. — Какое-то незнакомое томление разливалось по телу, мешая думать.

Кажется, удовлетворенный моим ответом, Тангавор подошел невозможно близко и поцеловал меня в лоб, а потом отпустил мое резко ослабевшее тело и стал неспешно собирать остатки скромного пиршества. Мед, сладкий мед с запахом полыни.

Я снова обернулась к безмолвным горам. Прекрасные и неприступные. Я вас полюбила в первую же секунду, а в ответ вы подарите мне страх, да?

Они сели в машину. Тангавор посмотрел на Варвару и спросил:

— Готова?

Она кивнула, не поднимая глаз. «Молчаливая Варвара». Не стала спрашивать, есть ли иной вариант. А его и нет. Они пробовали провести людей в беспамятстве, те просыпались потом лишенными разума. Страх надо встречать с открытыми глазами.

Тангавор неторопливо свернул с парковки на невидимую пока дорогу, покрытую дерном. Мрачно вцепившись в руль, аттар наконец признался сам себе: в том, чтобы протащить Варвару через барьер, была особая выгода. Он будет рядом, выслушает девушку, примет страх

и разделит с ней, утешит потом. Это ли не повод для сближения? Тангавор мог до бесконечности долго кружить вокруг нее, подбирая ключ к ее границам. А она могла довольно долго издалека лукаво смотреть на него и продолжать держать на расстоянии. Молчаливая Варвара. Но барьер поможет ему значительно сократить дистанцию, которая лежит пока между ними. Расчетливо быть рядом, когда рухнет ее оборона, — это ли не высший цинизм? Это ли не цинизм Высших...

Тангавор не был уверен, что его совесть останется спокойной после всего.

ГЛАВА 9

Вымой горькими слезами добела, до чистоты... [6]

Такайямские горы. У Западного перевала

Я практически сразу поняла, о чем буду говорить. Идея Тангавора мне была понятна — вытащить страх из глубин сознания и оплакать его. Чтобы поток шел изнутри наружу. Иначе внешний искусственный страх хлынет на тебя и, наоборот, заполнит и сведет с ума. Я сосредоточенно перебрала свои воспоминания и нашла те, которые могу безопасно для себя прожить заново. Наверно. По крайней мере, об этом я готова говорить с аттаром. Не знаю, что могли вспоминать другие люди, но мне, как хирургу, долго искать не пришлось.

И я начала говорить. Рублено, отрывисто, не заботясь о том, понимает ли Тангавор меня. После тепла его ладоней на моих щеках было не страшно открыться. Я перескакивала с одной мысли на другую. То рассказывала об учебе и как мы тренировались на трупах. То о первых операциях, на которых нам разрешили постоять и подержать зажим. Как я очень переживала, когда на моих глазах случилась первая смерть. А потом еще... И мне казалось, что я постепенно начала привыкать, научилась справляться. И пребывала в горьком заблуждении до своей первой личной потери. Я говорила и говорила.

Горло сжималось от горечи и соли, я не видела уже ничего вокруг от слез. Я доставала ту историю и словно заново ее переживала. Резала по живому. Это была не первая моя самостоятельная операция. Но ее я запомнила четче остальных, хотя мечтала забыть. Она была простой, рутинной. Я была так уверена в себе, с удовольствием общалась с мальчиком и его родителями. Самоуверенная и молодая.

Слезы душили меня, я скорчилась на сиденье и все говорила, обнажая накопленную боль. Борисович и Леонид были со мной. Два лучших хирурга стояли рядом со мной, готовые помочь. Я так была спокойна и уверена.

Я выла, как раненая волчица, потерявшая свое дитя. Боги, как же больно! Кровь стучала в ушах... и я рыдала навзрыд. Моя первая потеря. Я тогда вышла из операционной и спрашивала:

— Что я сделала? Что я сделала неправильно? Что я пропустила? — Боясь задать самый страшный вопрос: — Это я убила мальчика?

Агония... Он был маленький... Я была его врачом, и он умер... Потом случались и другие потери, и каждый раз я испытывала физическую боль от незаданного вопроса: «Это я?» Я пыталась справляться с этим, жить с этим. Борисович тогда запер меня в кабинете и долго

утешал, что так бывает:

— Ты не убила, ты его потеряла, но не убила. Все хорошие хирурги теряют пациентов. Не замыкайся, не застревай, чтобы суметь помочь еще одному ребенку...

Два лучших хирурга были со мной, а потерю я все равно ощущала своей личной. Это был мой пациент.

Я рыдала, не в силах больше рассказывать, кажется, моя душа проходила все круги ада, переживая заново накопленную боль, несправедливость потерь... Пронзительная исповедь на тайной дороге в сгущающихся сумерках.

А потом пришел свет. И боль стала отступать. Машина стояла на обочине, а я была на коленях у аттара. Даже не заметила, как он перетащил меня к себе. Он обнимал меня и гладил по волосам. Спокойно так. Вскоре тело перестало сотрясаться от рыданий. Я прижималась к груди Тангавора и беззвучно выплакивала последние слезы. Внутри была светлая опустошенность.

Наверно, мы долго так просидели — вокруг уже разливалась густая темнота ночи среди молчаливых гор. Прекрасные и неприступные. Я ошиблась... Это я подарила горам свой страх, а они его приняли, сделав мою ношу легче. Только теперь я поняла слова психотерапевта — взять болезненную ситуацию и пройти ее насквозь. От начала и до конца. Только тогда она перестанет тянуть силы и станет просто историей. Если бы не этот перевал, я бы так и не нашла в себе силы вытащить те истории и пройти их целиком. Я развернулась лицом к Тангавору и прошептала:

— Спасибо.

Он в ответ стал целовать мои заплаканные глаза и щеки, словно вытирая последние слезы. Так сладко и так горько.

И он не говорил, что это «ерунда и пустое».

Я не шевелилась. Тихо принимала его ласку, наполнявшую меня светом. Ни в чьих руках я не ощущала такой щемящей нежности. Аттара прижал меня крепко, прикоснулся губами к уху и спросил:

— Ты ведь уже догадалась, что я рассказывал вовсе не легенду?

Я кивнула. Рыдая над потерями, я оплакала и прежнюю картину мира. Жестокая легенда, терзавшая весь день мое сердце. На перевале я наконец осознала, чем она меня так испугала — едва уловимыми намеками, что миф вовсе не миф. Мое подсознание поняло сразу и, как птица в клетке, билось в ужасе и пыталось достучаться до меня всю дорогу.

— Ты настоящая... самая живая и самая настоящая девушка из всех, что я видел... Ты не призрак. И не важно, что твоего мира больше нет, не важно, что ты девочка из мертвого мира... ты живая... невероятная...

Тангавор все говорил и говорил. Тигр, прячущий когти, звериным чутьем уловил самый главный мой страх илизывал его словами. Я выплакала горе по потерянному миру, это было несложно, ведь, по сути, я его и не знала. Но страх, что я тоже ненастоящая...

Нет, я живая. Столько эмоций за последние несколько дней... Определенно — живая. Я

вцепилась в аттара, впитывая его ласку и его слова. Если бы не перевал, который выпил мои тревоги, вряд ли я бы приняла правду так легко. Я снова с восхищением подумала, что Тангавор — блестящий стратег. Внутри одного события спрятать другое. Кто знает, может, там и вовсе матрешка с кучей слоев.

Извернувшись в его руках, нащупала пальцами его лицо, обхватила и прижалась к губам, выражая благодарность за то, что его игра не ранит меня и пока дарит больше, чем я могла бы ждать. Такая сладкая и такая горькая игра...

Отстранилась. Спасибо темноте, я не видела глаз аттара, и мне не пришлось краснеть. Неловко выпуталась из его рук и вышла из машины.

Как же хорошо и легко. Мы где-то высоко-высоко. Тихая гармония. Это чувство так необыкновенно. Шаг, шаг и еще. Вдох-выдох. Мне бесконечно хочется вдыхать этот невидимый свет, дарующий успокоение. Где-то высоко надо мной сияют созвездия.

— А звезды тоже ненастоящие?

— Я покажу тебе настоящие. — Голос аттара раздался над моим плечом.

— Что такое Идайн-Тсури?

— Это центр. Центр вашего осколка мира. Знаешь, что такое око бури?

— Да, зона затишья в середине тайфуна, штиль...

— Долина Идайн — око в центре сил, которые берегут ваш мир. Восходящие потоки магии, которые поддерживают купол над осколком, повлияли на обычное дерево, растущее в центре. За тысячелетия дерево напиталось магией. Так что теперь Идайн-Тсури и правда Древо Жизни.

Разглядывая фальшивые звезды, я пыталась представить себе фонтан магии, бьющий из центра «тарелки», на которой лежал наш осколок мира. Как мощные струи силы поднимались вверх, а потом распадались веером вокруг, до самого края, создавая купол. Купол, дающий защиту. Купол, дарующий иллюзию и фальшивое небо.

— В долине видны настоящие звезды? Из-за этого не пускаете сюда людей?

— Да.

— А вы кто?

— Хранители.

Я обернулась к Тангавору, стоящему так близко.

— Ты видел богов?

— Никто не видел.

— Почему ты тогда в них веришь?

Аттар ничего не ответил. Снял с себя куртку и набросил на мои плечи. А я и не заметила, что замерзла и дрожу от холода.

— Едем дальше?

— Смотреть на звезды?

— Позже, сначала нужно отдохнуть. Внизу у спуска стоит дом.

Мы вернулись в машину. Потирая озябшие пальцы, я спросила:

— И каждый раз такое при переходе через барьер?

— Только в первый раз. Потом будет лишь легкое беспокойство, на которое можно не обращать внимания.

При слабом свете фар был виден лишь кусочек дороги. Я какое-то время бесполезно вглядывалась в мягкую темноту за окном, а потом уснула.

Тангавор остановил машину у крыльца дома и заглушил двигатель. Открыл дверцу и позволил ночи заполнить салон пряными запахами и теплом. В долине всегда лето.

Аттар долго сидел в оцепенении, слушая ровное дыхание спящей Варвары. Ее неловкий поцелуй обжег запахом земляники и вкусом моря, привнес в его душу смятение.

Тихо скрипнула дверь, на крыльцо вышла Ханна-Мэй и включила маленький фонарь. Верная помощница, неизменно идущая по жизни впереди него.

— Спальни готовы.

Он обошел машину и аккуратно поднял Варвару на руки. Ханна-Мэй открывала и придерживала двери, пока он нес девушку до кровати. Тангавор попросил позаботиться о госте и вышел из дома. Быстрыми шагами он преодолел расстояние до небольшого отдельного здания с высокой стеклянной крышей. В тренировочном зале ждала груша, готовая принять на себя его злость.

Он больше не управлял происходящим. Словно во время бури на воде, рывками подставлял паруса под непредсказуемые порывы ветра, лишь бы не терять курс и держаться на плаву. Он затеял игру, чтобы сблизиться, подружиться. А девушка, ничего не делая, снесла его границы напроочь, проникая куда глубже, чем он был готов. Ее губы так невероятно пахли земляникой. Она была такая живая...

Советник рассказал, что, судя по докладу, именно в момент карнавала Варвара находилась в больнице на другом конце материка. У них в приюте был карантин, сама Варя лежала под капельницами. Есть медицинская карга, заполненная сухими фразами. История болезни, дата поступления, процедуры, лечение, дата выписки. «Практически невозможно».

Удар, удар и еще. Вдох-выдох. Где-то высоко сияют настоящие звезды, с осуждением вглядывающиеся в его лицо. В лицо аттара, который привык верить фактам, а не эмоциям. Однажды он уже поддался порыву и наломал дров. С тех пор он запер эмоции под замок, дозированно сжигая их в спорте. Удар, раз-два-три, раз-два-три, еще и еще... пока в голове не прояснится. Пока не пропадет желание проверить Варвару.

ГЛАВА 10

Тишина так точна...

Долина Идайн

В первую же минуту пробуждения я ощутила неловкость. Лежу в незнакомой спальне и в одном белье. А значит, Тангавору пришлось меня переносить на руках и... раздевать? С меня снимал брюки пресветлый аттар? Мои щеки запылали от картинок, промелькнувших в воображении. Надо же так крепко уснуть!

Я давно не девочка и понимала, что поехала с мужчиной неизвестно куда. А потому вариант, что все закончится стягиванием штанов, не исключала. Не то чтобы хотела, просто допускала. Но чтобы процесс прошел так... прозаически, да еще и без моего активного участия? Есть от чего испытывать неловкость.

Рассеянно потерла лицо руками и села, выбираясь из-под тяжелого одеяла. Комната тонула в зыбком полумраке, лишь окно слабо серело неровным пятном, предвещая приближающийся рассвет. Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я осторожно встала с кровати и раздвинула занавески. За стеклом клубился густой туман, скрывая из виду окружающий пейзаж. Постояв у слепого, будто занавешенного снаружи окна, я развернулась в поисках выключателя. Спустя минуту поисков спальню залил мягкий свет торшера. Просторная, уютная комната с дубовыми потолочными балками. Кровать возле большого окна под серебристым балдахинном. Комод, зеркало и книжный шкаф. Сразу увидела свои сумки на низенькой скамейке. Вот и хорошо, стоять в одном белье было неудобно. Интуитивно определила, что за неприметной дверью должна скрываться ванная, взяла из сумки необходимые вещи и пошла в душ. Наскоро вытерев влажные волосы, я оделась и выскользнула из комнаты. Мне было интересно посмотреть дом, да и, может, из других окон будет видно больше.

Быстро пройдя по темному коридору мимо дверей, похожих на ту, что вела в мою комнату, я вышла в просторную гостиную, залитую рассеянным светом раннего утра. Из огромного панорамного окна от пола до потолка, должно быть, днем открывался прекрасный вид. Но сейчас, увы, густой голубоватый туман, словно живой, окутывал едва проступающую террасу за стеклом. Более ничего не было видно. Воздушная уютная гостиная была выдержана в морском стиле. Резная массивная мебель, белый камин с гигантскими раковинами на полке, картины о море. Около одной стены на длинном низком комоде стояли макеты парусников, на полу лежал ярко-синий ковер с длинным ворсом. В дальнем углу обнаружилась арка, соединяющая гостиную с кухней.

Было немного неловко хозяйничать в чужом доме, но чувство голода подавило робость. Небольшой обыск, пара умелых рук, и спустя двадцать минут я с наполненным подносом устраивалась в кресле у окна с видом на террасу. Чашка ароматного кофе, два толстенных бутерброда, румяное яблоко и вид на... аттара?

Тангавор с обнаженным торсом, в одних штанах, низко сидящих на бедрах, стоял на краю террасы ко мне спиной. С моего места было отлично видно, как мышцы бугрились и играли под гладкой кожей во время плавных движений сильных рук. Аттар, по-видимому, занимался зарядкой. Он, перетекая из стойки в стойку, медленно, подобно течению воды, рассекал ладонями хлопья тумана. Глаз не оторвать. Приоткрыв рот, я зачарованно любовалась красотой сильного тела. Минута, другая... В какой-то момент неспешно, с широкой амплитудой Тангавор сделал плавное движение ладонью вверх и развернулся. Мы оба замерли,

встретившись глазами. Через секунду он отмер и улыбнулся мне. Осознает ведь, какое впечатление произвел. Из всех сил я старалась не смущаться и не краснеть.

Он вошел через стеклянную дверь, накинул на плечи полотенце и весело сказал:

— Доброе утро, Варвара, приятного аппетита.

И скрылся в коридоре, оставляя после себя сладкий и терпкий запах мужского тела.

Чтобы отвлечься от неудобных мыслей, я бросилась на кухню и приготовила еще одну порцию завтрака. Аттар вернулся уже одетый и явно после душа, подошел и сел напротив меня.

— Такой густой туман. — Молчать было неловко.

— Тут всегда так под утро. Это же горы, — пожал плечами аттар, подхватывая бутерброд. — Дерево хотела увидеть?

— Да.

— Подожди, он к полудню рассеется.

— Так долго ждать? — Я с сомнением посмотрела в окно, соображая, который час. Еще даже не рассвело, наверно, около шести.

— Нет, всего пару часов. — Тангавор снова улыбнулся мне и добавил: — В горах рассвет наступает гораздо позже, сейчас почти десять утра.

Я недоверчиво посмотрела на серо-синее марево за окном, которое бывает только ранним утром. А я еще удивлялась, что так рано встала. Оказывается, это утро тут наступает поздно.

— Хорошо, что ты уже проснулась, успеем посмотреть рассвет. Пойдем заберемся на крышу — оттуда прекрасный вид. Можешь взять кофе с собой. Тебе понравится.

Оказывается, Тангавор не шутил, мы и правда залезли на крышу. Через чердачное окно по узкой лестнице вверх до смотровой площадки с низенькими деревянными перилами. Аттар расстелил захваченный плед, уселся и приглашающе похлопал рукой рядом с собой.

Стараясь не расплескать кофе, тихонько опустилась возле Тангавора. Вокруг по-прежнему колыхался голубоватый туман. И на что тут смотреть? Аттар дотронулся до моей руки, привлекая внимание, и показал на вершины позади дома. Четкие, серые, они словно плыли над туманом. Думаю, среди них как раз находился тот перевал, через который мы приехали, а значит, солнце встанет с противоположной стороны. Хотела развернуться, но Тангавор нежно придержал меня за плечи, одними губами сказав:

— Подожди.

Ничего не понимая, я покорно продолжала смотреть на мрачные склоны на фоне темного неба, разрисованные глубокими синими тенями. Когда я уже начала терять терпение, вершины вдруг вспыхнули, отражая первые лучи солнца. Я оглянулась назад, туда, где должно быть видно поднимающееся солнце, но снова увидела лишь сиреневое марево тумана. Завороженная сказочной игрой гор с ранним солнцем, я вертела головой: то рассматривала свет, крадущийся все ниже и ниже по склону на западе, то вглядывалась в светлеющий туман на востоке. Розовый рассвет медленно наплзал на долину. И вот первые лучи потянулись из-за гор,

просочились сквозь туман и хлынули на дом, озаряя наши сидящие фигуры. Долину огласил первый звон птичьих голосов.

Я обернулась, и у меня перехватило дыхание от открывшейся картины. Сквозь редеющий туман расплывчатым контуром обозначилось огромное дерево, стоящее где-то далеко. Косые лучи солнца пронзали его густую крону, золотистыми бликами ложились на присмиривший внизу туман.

Терзая пальцами чашку с остывшим кофе, я с волнением рассматривала проступающее величественное дерево. Через полчаса туман окончательно развеялся, открыв мне невероятный вид на чашу долины, в центре которой уже было четко различимо Идайн-Тсури, стоявшее в гордом одиночестве посреди сочной зеленой травы. Темное, похожее на дуб, с толстыми развесистыми ветвями, оно доминировало над природой вокруг. Ум был не в состоянии вместить всю эту дикую мощь гиганта.

— Оно прекрасно! — Казалось, еще немного, и я завизжу от восторга.

— Корни этого «прекрасного» дерева проникают по всей долине, выпивая ее досуха. Ничто не в силах больше тут расти. Только неприхотливая трава. — Дыхание аттара опаляло мою шею.

Тангавор, приобнявший меня вначале, так и не выпускал из кольца своих рук.

— Но Идайн-Тсури заслуженно носит название Древа Жизни. На его стволе растут тысячи различных трав и цветов, лианы и грибы. Они покрывают ствол толстым живым слоем, питаюсь его соками. Отсюда не видно, но ты сможешь рассмотреть, когда мы полезем наверх.

— Мы залезем на Идайн-Тсури? — Мысль казалась мне кошунственной.

Аттар рассмеялся:

— А почему нет? Там есть ступени. В конце концов, это же просто дерево, удачно устроившееся над дармовым источником питания. Мы его подпиливаем периодически, так что наверху сформировалась удобная площадка — с нее идеально смотреть на настоящие звезды. Ты же хотела?

— Вы подпиливаете его? Не жалко? — Я не выдержала и развернулась посмотреть, вдруг аттар шутит. Он прижимал меня к себе и был предельно серьезен. Смотрел внимательно в мои глаза.

— Не стоит идти на поводу у эмоций. Есть вещи, которые нужно держать под контролем. — На мгновение мне показалось, что Тангавор сейчас говорил вовсе не о Древе.

— Эмоции делают нашу жизнь более живой, — ляпнула я не подумав. Охваченная беспричинной досадой, высвободилась из его рук и начала спускаться вниз. Невыносимое очарование утра рассеялось, и я не понимала почему.

ГЛАВА 11

Долина Идайн

Полной неожиданностью было встретить незнакомую женщину на кухне, куда я ввалилась не глядя, желая чем-нибудь перекусить. С чего я взяла, что мы одни в доме? Нерешительно застыла в проходе, разглядывая невероятно красивую подтянутую женщину средних лет, в

темном платье и белоснежном переднике. У нее были черные, с легкой проседью волосы, собранные в сложную прическу на затылке, и удивительно мудрые светлые глаза.

— Доброе утро. Позвольте представиться, я — Хан-на-Мэй, херрина [7] Скай-Дарао. — Женщина приветливо протянула мне руку.

Кажется, это та волшебница, что собирала Тангавору корзинку с едой, вспомнила я и с удовольствием пожала ее руку.

— Спасибо, было очень вкусно, — невпопад выпалила я.

А она догадалась, о чем я, и улыбнулась. Морщинки лучиками разбежались от ее глаз, сделав лицо удивительно родным.

— Позвольте предложить вам чай или кофе.

Я кивнула, несколько робея перед идеально одетой Ханной-Мэй с манерами куда уж лучше моих. Неловко дернув край футболки, я ретировалась в гостиную, куда херрина уже несла поднос с вазочками и пиалами, наполненными чем-то изысканным и вкусным. Может, пойти и переодеться в платье? Удивительно, но рядом с аттаром я словно забывала о том, как выгляжу. А рядом с Ханной-Мэй захотелось вспомнить манеры, которые вбивали в детские головки приютские учителя.

Помню, мы с Катей долго возмущались, зачем девочкам-сиротам этикет и умение вести беседу. Первое время в институте смотрелись белыми воронами из-за наших «аристократических» замашек. От манер, привитых в приюте Святой Кассары, пришлось срочно избавляться. Учиться и так было непросто, и неприятие сокурсников лишь все усложняло. Удивительно, но все возвышенные знания об этикете, танцах, музыке и прочей ерунде, по какому-то недомыслию преподаваемые сиротам, в один миг слетели с нас хрупкими лепестками под порывами суровой жизни. Усвоив на собственном опыте истину «проще надо быть, и люди к тебе потянутся», мы с Катей ни на секунду не жалели о растраченном «лоске», который душил, как непомерно жесткий воротник. Последние три года в качестве любовницы женатого мужчины окончательно похоронили во мне благовоспитанную девицу.

Но сейчас, видя, как изумительно изящно Ханна-Мэй расставляет на столике вазочки, чашки и чайничек, мне стало стыдно и за свои вытянутые штаны, и за скандал в ресторане. И за то, как в одном халате, мокрая и встрепанная, кричала на правителя. «Не стоит идти на поводу у эмоций», — прозвучал голос аттара в моей голове. Уши заалели от стыда. Он прав... Эмоции до добра не доводят. Хмельные и захватывающие эмоции потом проходят, оставляя после себя горечь стыда или сожаления.

Так соблазнительно было распушенно кричать в «Золотом рояле». Не уверена, что я злилась в первую очередь на Сотара. Может, я больше злилась на себя, на Романа, на дурацкий ресторан, а советник просто кинул последний камушек, и меня понесло. Но так было сладко сорваться и выплеснуть накопившуюся злость и так стыдно и горько вспоминать теперь об этом.

И как сладко находиться сейчас рядом с женщиной, который с первой минуты волнует. И так горько понимать, что меня влечет к тому, кто никогда не станет моим. По тысяче причин. Он играет в свою игру, и я все меньше и меньше сопротивляюсь, потому что сложно не заметить томление, которое разливается по телу от его улыбок. Эмоции. Сладкие эмоции, которые нужно держать под контролем. Он прав. Именно этому учат всех благовоспитанных девиц.

Я лучезарно улыбнулась Ханне-Мэй, старательно вспоминая, какими словами, не сильно нарушая этикет, попросить ее посидеть со мной. Безупречность херрины будила во мне погребенные давным-давно манеры, помогая выстраивать вокруг зарождающихся непрощенных чувств крепкий забор. Забытые обороты речи застревают на языке, рождая угловатые конструкции:

— Не присоединитесь ли и вы ко мне? Мне будет очень приятно.

— С удовольствием.

От Ханны-Мэй явно не укрылись мои попытки изобразить воспитанность. Может, и правда сходить переодеться? Пришлось мысленно дать себе пощечину. Вот как обниматься с правителем на крыше, так наряд хорош, а как с его херриной чай пить, так сразу не то. Недаром женскую логику ругают, я и сама себя в последнее время слабо понимаю. Пока Ханна-Мэй ходила на кухню за вторым чайным комплектом, я невоспитанно потерла лицо руками и пригладила волосы.

— Рада с вами познакомиться, меня зовут Варвара, — сказала я наконец то, что нужно, вернувшейся херрине. Правой рукой аккуратно взяла чашку и сделала маленький глоток.

Вначале неловкая, а потом душевная и теплая беседа потекла между нами, скрадывая минуты за минутами, даря мне умиротворение. Я восхитилась умением херрины чувствовать еду и что именно человеку нужно в тот или иной момент. Она рассказала, как училась этому у своей бабушки, которая оказалась травницей. Надо же, о таком роде занятий я читала только в книгах. Мне казалось, что и сама Ханна-Мэй словно из сказки, она и ее истории. Оставив попытки изобразить благовоспитанную девицу, я незаметно для себя забралась с ногами в кресло и, обхватив чашку обеими ладонями, открыв рот, слушала херрину. О бабушке-целительнице, о травах, о еде, о каких-то шалостях в детстве. Я хоть и воспитана в традициях классической медицины, к травничеству отношусь с интересом и даже с уважением. Ханна-Мэй у бабушки учиться навыкам лечения не стала, сохранив в память о ней лишь пару книг, рассказы и умение чувствовать еду.

Вскоре мы переместились на кухню, где под руководством херрины я что-то чистила и резала. Мудрая женщина заняла мои руки делом, а ум разговорами, не давая мне погружаться в свои беспокойные и бесполезные мысленные метания. Аттар заглядывал к нам пару раз, но Ханна-Мэй буквально его выставляла. Не нарушая этикет, вежливо, уважительно, но весьма непреклонно. Подозреваю, что, если бы она была нашей учительницей в приюте, я бы не питала такой ненависти к манерам. Преисполненная легкой завистью, я тайком изучала ее жесты, мимику, фразы, испытывая искренний детский восторг.

Тангавор хватал со стола очередную «добычу» и с улыбкой похитителя шутливо откланивался. В нем снова проглядывало что-то неуловимо мальчишеское. В такие моменты остро хотелось кинуть в него чем-нибудь. Исключительно из озорства. У Ханны-Мэй в отношении к аттару проглядывало что-то материнское, но задавать личные вопросы о семье и детях я не рискнула. А херрина сама в какой-то момент обмолвилась, что с аттаром она всю жизнь, с юности, не считая того времени, когда Тангавор уезжал учиться.

Учиться? Я вдруг подумала, что совершенно ничего не знаю про аттара, кроме очевидного факта, что он правитель нашей страны. Вернее, нашего осколка мира. Ох нет, он хранитель нашего мира. И больше ничего. Так странно, а ведь Тангавор был ребенком, у него была семья, он учился... Осмелюсь ли я задавать вопросы? Станет ли он отвечать?

Обед мы накрыли на террасе. На двоих. Непреклонная Ханна-Мэй, улыбаясь, четко дала понять, что ее присутствие неуместно. Прозрачный намек на пресловутый этикет заставил-таки меня пойти в комнату и достать платье. Красивое, когда-то любимое... купленное еще в те времена, когда я была невестой. Я не смогла его носить потом, но вот почему взяла с собой — объяснения у меня нет, может, потому что ткань немнущаяся... Сине-зеленая, цвета морской волны, она слегка переливалась при движении, словно вода. Плотный облегающий лиф и пышная юбка до колен. Деликатно открытая спина, сочетающаяся с воротником-стойкой. Собрала волосы в свободный низкий пучок, оставив около ушей несколько прядей. Туфли с собой не брала, но и темно-синие балетки показались мне вполне уместными. Довольная собой, я вышла в гостиную и направилась к стеклянной двери. Из кухни мне кивнула Ханна-Мэй, и показалось, в ее взгляде промелькнуло одобрение.

Аттар в брюках и белой рубашке стоял, легко опираясь на перила, и с улыбкой ждал меня. Меня охватило трепетное волнение, словно я на свидании.

Тангавор мягким движением приблизился ко мне, протянул руку, обдав ароматом сандала и горного меда, и легонько дернул за прядку.

— Прекрасно выглядишь.

Я зарделась и едва подавила порыв сказать грубое: «Я в курсе», чтобы скрыть свое смущение. Но день общения с Ханной-Мэй не прошел даром.

— Благодарю, — кивнула я.

Аттар проводил меня к столу и выдвинул стул, помогая сесть. Ели мы в тишине, которая, похоже, ничуть не тяготила Тангавора. Он разглядывал меня с задумчивой полуулыбкой, от которой тревожно и томительно ныло внутри. Игра не могла длиться бесконечно. Я боялась, что он прямо сейчас сделает предложение, которое мне не хочется принимать, и на этом все закончится. Сказка, которая меня окружает, завершится, осыпавшись пеплом воспоминаний. Не спорю, чудесных, волшебных, которые будут греть меня всю оставшуюся жизнь. Но так хочется продлить агонию еще чуть-чуть...

— Тут так тепло. — Как нас учили, тема о погоде самая нейтральная при светской беседе.

— В долину проникают только ветра с юга, там горы чуть ниже. И немного с запада. А с востока и севера долина надежно защищена. Тут практически вечное лето. Вина?

— Да, спасибо. Как же так получилось, что в долину до сих пор никто не проник? Скалолазы те же... туристы?

— Барьер. Он кольцом окружает долину прямо по склонам. Забирается такой искатель приключений все выше и выше, и вдруг его начинают одолевать сомнения и страхи. Медленно, исподволь. И вот он уже не уверен, что хочет рисковать и покорять вечно неприступные Такайямские горы.

— Хитро, — невольно восхитилась я, делая маленький глоток вина. — И никто ничего не заподозрит. Ну подумаешь, высоты испугался...

— Да, с морем-океаном по краям осколков пришлось сложнее. Там извечные бури и ураганы, штормы и прочие напасти... Плюс рифы, россыпи необитаемых островов, которые мешают навигации, магнитные возмущения. Ну и тот же страх, заставляющий искателей приключений

возвращаться домой, в спокойную гавань.

— Невидимые прутья клетки...

Тангавор промолчал. Я тоже обитатель этой клетки. И до вчерашнего дня даже не подозревала, что что-то не так. Мир казался полноценным и совершенным.

— Ты сказал, что осколков тринадцать, а что на других? И почему наш именно такой?

— Не знаю почему, могу только догадываться о некоторых причинах. Одна из них — ваш язык...

— Язык? В смысле?

— О, ты, наверно, и не знаешь, но в вашем мире было несколько тысяч языков.

Я раскрыла рот от удивления:

— Как же люди общались?

— Ну так и тот мир был больше вашего в несколько десятков раз. И жил один народ, у которого невероятно певучий и богатый язык. Ваш.

— Нас держат в заповеднике ради языка? — Мысль казалась мне абсурдной.

— Не думаю, что только из-за этого, — пожал плечами Тангавор. — Я бывал на некоторых других осколках во время практики. На одном восстановлена эпоха Возрождения. Время интеллектуального и художественного расцвета вашего мира. Там два языка — итальянский и французский. На другом — сплошные острова и дикие племена. Маори. Есть легенда, что они говорят на языке богов. Вполне возможно. Например, Моана на языке маори означает буквально «река». А «ава» — вода.

— Ава-Моана, — вспомнила я, — богиня воды! Остальные имена богов тоже как-то расшифровываются?

— Да. Ра значит солнце, Ранги — воздух.

— Это изумительно! — Я подалась вперед, жадно впитывая рассказ аттара о других Призрачных мирах.

— А еще в одном мире вовсе нет людей, зато живут самые поразительные создания. Предки драконов. Неразумные и кровожадные динозавры. Даже не верится, что мудрейшие произошли от этих монстров. Драконы сами не верят и всячески отрицают. Но каждый, кто видел динозавров, отчетливо замечает родственные черты. — В голосе Тангавора зазвучало веселое ехидство.

— Подожди, драконы существуют? — Я растерялась, не в силах осознать превращение чарующей детской сказки в восхитительную правду. Меня кружил водоворот непередаваемых чувств. Вчера я довольно легко приняла то, что мой мир — это лишь осколок, поддерживаемый магией... но драконы? Я закрыла лицо ладонями. Глупо и необъяснимо. Обида, детский восторг, головокружительное счастье от прикосновения к сказке, трепет и тоска по неведомым, недостижимым мирам, в которых оживают легенды.

Тангавор стремительно обогнул стол и опустился передо мной на колени. Схватил за руки и отвел их от лица.

— Варя, ну что ты?

— Ерунда, просто от нахлынувших чувств.

Я — девочка из мертвого мира далеко на периферии, а где-то живут драконы и...

— Колдуны и волшебники тоже не сказка? — спросила я и неловко рассмеялась. Надо же... драконы... Какая девочка в детстве не мечтала о драконах! И о принцах тоже...

— Колдуны и волшебники тоже есть, — ответил на мой вопрос Тангавор и нежно провел ладонью по моей щеке.

От его прикосновений по коже бежали мурашки и глупое сердце стучало быстрее. Тигр, прячущий когти. Ощущая, что по самоубийственной глупости кладу голову зверю прямо в пасть, я замороженно вглядывалась в рыжие всполохи внутри его темных глаз. Аттар неуловимо приблизил лицо и поцеловал меня в лоб. Так сладко и так горько. Губы предательски заныли.

— Только мы зовемся магами.

Магия, драконы... Сейчас я поняла истинное значение слов «мертвый мир», собственный родной мир вдруг показался примитивным и плоским... Как я после всего вернусь домой?

Тангавор встал и потянул меня за руку к перилам террасы. Послушно поднялась и вцепилась в теплое дерево, устремив взгляд на долину, залитую щедрым солнцем, и на величественное, непостижимое Идайн-Тсури. Вдохнула, пытаюсь утихомирить расшалившееся сердце. Манеры, контроль над чувствами. Мучительно и пьяняще.

— Расскажи мне о драконах.

Тангавор положил руки на перила по обе стороны от меня, заключая в незримые объятия.

— Мудрые и прекрасные даже для нас, — дыхание аттара шевелило волосы на моей макушке, — они живут в отдельном мире, куда нет ходу никому... Изредка они показываются нам. Живут невероятно долго, кто знает, возможно, и вечно. Они по-особому ощущают магию, могут пользоваться одновременно шестью стихиями. Среди них много прорицателей. Есть предание, что в свое время они предсказали обращение вашего мира в пыль. Но боги не послушали драконов. Когда же выяснилось, что они были правы, младшие боги-дети разгневались. Кто знает, может, просто нашли крайних в момент горя и отчаяния. Но мать Тьма и отец Свет укрыли драконов от необоснованного гнева детей своих. Они подарили драконам умение ходить по чужим снам, растворяться в свете и проникать сквозь тьму. Дары, которые сделали драконов невидимыми для всех, даже для богов.

Легкий ветер шевелил юбку платья. Мне казалось, я слышу далекую музыку, хотелось вдохнуть всей грудью и раскинуть руки. Идайн-Тсури, залитый солнцем, тонул в тонком мареве играющего воздуха. Вокруг него порхали едва различимые стайки белоснежных птиц. Древо Жизни. Небоскреб, заполненный жильцами. Сзади стоял Тангавор, не касаясь меня, но так близко, что я ощущала тепло, идущее от его тела, слышала запах, который волновал меня. Я была счастлива. Я тонула, растворялась в безмолвном празднике жизни, наслаждалась каждой секундой. Как же хорошо. Вдох-выдох. Вдох-выдох. И где-то, незримые и прекрасные, летали драконы... Я в блаженстве закрыла глаза.

«Чем этот финал лучше?» — спросила я вчера Тангавора.

«Надеждой», — ответил он.

ГЛАВА 12

Долина Идайн

После позднего обеда Тангавор уехал. Я нуждалась в тишине и уединении и, признаться, была этому рада. Он обещал приехать на следующий день до заката. Сутки наедине с собой. Сутки в обществе Ханны-Мэй, дарующей мне умиротворение, и с видом на Древо Жизни, наполняющим меня необъяснимым чувством надежды.

Ранний закат я встретила там же, где и рассвет, — на крыше дома, сидя с чашкой горячего какао и кутаясь в нежный плед. Передо мной разворачивался завораживающий спектакль: синие глубокие, отбрасываемые горами тени поглотили сначала наш дом, а потом неумолимо поползли к дереву. Дотронулись до его основания, прошмыгнули мимо корней и набросились на живой небоскреб, затягивая его в пучину темноты. Тьма ширилась, заполняла собой долину. Последние лучики мазнули по макушке Идайн-Тсури, прощально сверкнули на белоснежных вершинах восточных пиков и пропали, оставив после себя вязкую фиолетовую тишину вечера.

Я старалась ни о чем не думать, позволяя подсознанию самостоятельно справляться со всем навалившимся за последние дни.

Ужинали мы с Ханной-Мэй вдвоем, и я снова купалась в теплом очаровании ее рассказов.

А ночью мне приснилось белое огромное здание с черными дверями. Стоящее среди песков, вздымаемых сильным ветром, оно манило меня, приглашало шагнуть внутрь. Я поднялась по ступенькам и застыла перед открытыми дверями с ускользающими барельефами, не в силах войти в чернильную темноту, которую не могли разогнать тысячи горевших свечей. Огни словно плавали во мраке, совершенно не давая света, завлекали меня... и пугали. Как никогда я ощущала себя мотыльком, летящим на свет. Было в непроглядной темноте что-то настолько огромное и древнее, что волосы на затылке вставали дыбом. Я так и простояла на пороге, пытаюсь понять, отчего во мне растет чувство потери: оттого, что я так и не вошла в темноту, или оттого, что я не смогу не войти, ибо уже отравлена влекущим мраком.

На следующий день я не рискнула идти к дереву одна. Мне никто не запрещал, но так хотелось сделать это вместе с аттаром, что я терпеливо сидела то на террасе, то на крыше и просто смотрела. Ханна-Мэй нашла мне бумагу и карандаши, и я пыталась зарисовать Идайн-Тсури, чтобы навсегда запомнить каждую черточку исполина. Неровный бугристый ствол, словно состоящий из толстых жил и вен, мускулисто закручивался спиралью. Мощные раскидистые ветки, тяжело гнущиеся к земле, свисающие кольца лиан и причудливо приплюснутая макушка — все это делало дерево похожим на застывший фонтан. Вечнозеленый, цветущий, наполненный многоголосой жизнью.

Ханна-Мэй дала мне бинокль, и я хорошо разглядела лестницу, идущую прямо вдоль естественной спирали ствола. Она терялась среди веток и пропадала в кроне. Я вздрагивала от возбуждения при мысли, что скоро заберусь по ней на тающую в высоте верхушку.

К вечеру я написала список для Тангавора. Как только появилось время для размышления, из меня как из рога изобилия посыпались вопросы. И я надеялась, что аттар ответит хотя бы на некоторые.

Тангавор попрощался с Варварой, кивнул Ханне-Мэй и сел в машину. Вот только через пять минут после выезда на дорогу он свернул на незаметную просеку, идущую вдоль склона, проехал еще немного и заглушил двигатель. Впереди, увитый плющом, практически невидимый, стоял портик, скрывающий лестницу. Спиралью ввинчиваясь в землю, она спускалась в недра долины, где между корней сиял голубой источник хаоса — силы, что поддерживала этот мир. Лабиринт из древних стен и переплетенных корней вел в зал, в центре которого сверкал пульсирующий кристалл.

Нет нужды следить за ним. Идеальная сбалансированная система тысячелетиями питала сферу жизнью и не нуждалась в контроле. Аттар пришел сюда сегодня ради себя. Жизнь в мире, лишенном магии, выматывала. Жалкие крохи энергии хаоса позволяли лишь ментальное воздействие. Ему повезло больше остальных живущих тут айянеров — его силы тут приравнялись к силе слабеньких магов в настоящих мирах. Оттого острее он ощущал себя калекой здесь. словно со связанными руками. Тянущая дыра там, где должна пульсировать внутренняя сила. Удивительно, но рядом с Варварой ощущение пустоты пропадало. Аттар мысленно потянулся к ней... Варвара-вода.

Тангавор, привычно срезая по пути разросшиеся отростки корней, вышел в главный зал. К кристаллу корни никогда не приближались, образуя вокруг него плотный узловатый шар диаметром в несколько десятков метров. Каждый раз приходилось прорубать проход в центр заново. Хотелось прямо сейчас бросить надоевшее мачете и остановиться, купаясь в живительном источнике силы. Но лучше потом. Сейчас поворот налево и проверка южного тоннеля, ведущего к периметру и к располагающейся там аналитической комнате. При приближении аттара ожили прозрачные экраны, выдавая стройные колонки отчетов. Отсюда хранители могли влиять на погоду, климат, воспроизведение полезных ископаемых. Следить за биосферой. Следить за рождаемостью и смертностью. Следить за тем, чтобы подопечный мир не менялся. Не развивался, но и не умирал. Вот только даже удерживание осколка в точке равновесия не уберегало мир от саморазрушения.

Неприглядная правда Мертвых миров. Люди, лишенные борьбы и непредсказуемости будущего, словно сонные мухи грелись в тепличных условиях и не желали жить. Такие, как Варвара, были исключением, слишком малочисленным, чтобы на что-то влиять. Она бы, наверно, очень удивилась, если бы узнала, что традиция выдавать девочек рано замуж и всеобщая ненависть к маарам была искусственно привита самими Высшими. Ради культа семьи, ради рождаемости. Ради того, чтобы вяло живущие люди просто не вымерли. Не стоит об этом говорить нежной Варе.

Тангавор и сам часто задавал себе вопрос: зачем весь этот фарс, зачем играть в «спасителей»? Права Варвара — это жестокая легенда. Это даже хуже некромантии — не давать мертвому миру умереть окончательно, продлевая его агонию тысячелетиями. А все из-за драконов и их предсказаний.

«В смерти первого мира спасение последнего...»

Вот и спорили с тех пор теологи и, по слухам, даже боги, про что именно речь. Про пыль, что осталась после смерти, или про саму смерть, которая, пока существуют осколки, не окончательно наступила. Драконы хранят молчание и, кажется, происходящим довольны. А потому никто не решается объявить Призрачные миры ужасной пародией на зоопарк и уничтожить. Да как можно уничтожить то, в чем есть жизнь? Пусть и странная, местами

неполноценная...

Как можно превратить снова в пыль мир, где рождаются такие, как Варвара? Тангавор, вымещая сомнения и застарелые переживания на наглых, вездесущих корнях, заполняющих проходы, прошелся по периметру, вычистил северные и восточные проходы, не поленился заглянуть и в старые коридоры. И позже он, вспотевший и довольный, вернулся в центральный зал.

Лег рядом с голубоватым кристаллом прямо на холодные серые плиты и с наслаждением раскинул руки, позволяя чуждой ему силе проникать в тело и заполнять, медленно и неохотно, зияющую пустоту внутри. Увы, доступа к силе воды, родной стихии, здесь, в Призрачных мирах, нет. Может, за ночь накапает столько, что хватит на какой-нибудь фокус для Варвары?

Плохо быть магом воды в мертвом мире. Еще хуже знать, что ключ к спасению у пропавшей шаари-на.

Так и пролежал он всю ночь, не чувствуя ни холода, ни голода, освещаемый голубоватыми всполохами пульсирующего кристалла.

ГЛАВА 13

Кажется, я уснула в шезлонге, разморенная солнцем и послеобеденной сытостью. Проснулась от чьего-то присутствия. Вернувшийся Тангавор сидел на корточках рядом и с улыбкой читал мой список вопросов. Удивлен?

Увидев, что я проснулась, взял мою ладонь и поцеловал кончики пальцев. От простого, но такого интимного жеста я вспыхнула до корней волос. Вот зачем так? Все, что он делал до этого, можно было списать на дружескую заботу. Но это... Я смутилась и неловко вырвала свою руку.

Тангавор был какой-то мятый и в пыли.

— А ты не теряла времени даром, — ухмыльнулся он. — Ну что, пора подниматься на дерево, к звездам.

Что-то в нем неуловимо поменялось. И с этим новым аттаром я больше не ощущала себя в безопасности. Хотя, может, только кажется? Я встряхнула головой и с улыбкой закивала, вглядываясь в его глаза. Пьян? Вроде нет...

— Тогда выходим через полчаса, советую надеть брюки и удобную обувь. И захвати с собой что-то накинуть на плечи теплое.

Встал и стремительно ушел.

До дерева добрались довольно быстро, несмотря на мои постоянные остановки, во время которых голову приходилось поднимать все выше и выше, чтобы рассмотреть Идайн-Тсури. Чем ближе подходили к дереву, тем невероятнее казались его размеры. Вскоре я уже не смогла охватывать исполина одним взглядом. Зато стала видна царившая на нем жизнь. Море цветов и островки мха, возвышенности окаменелых грибов и многочисленные обитатели. Вокруг летали стайки различных птиц, какие-то мелкие зверьки мелькали меж ветвей. Над цветами порхали бабочки, едва слышно жужжали пчелы. Древо Жизни.

Несмотря на мои опасения, лестница при близком рассмотрении выглядела вполне надежной. Отдельные деревянные ступеньки и прочные канаты на толстых столбиках вместо перил.

Аттар всю дорогу молчал, погруженный в свои мысли. В руках он нес свернутые рулонами пледы и знакомую корзинку, видимо собранную Ханной-Мэй. Я взяла с собой теплую куртку и список. Не знаю зачем.

Солнце уже приближалось к западным вершинам, грозя вскоре за ними скрыться. На какой-то миг испугалась, что придется подниматься в темноте. Интересно, а фонари Тангавор захватил? Мысль о том, что вот спускаться точно придется в темноте, я старательно подавляла. Все равно пути назад нет. Ухватившись правой рукой за канаты, я ступила на первую ступеньку.

Я вообразила себе невесть что, боялась, что подниматься буду долгие часы. Но подъем был легкий. Идеальная высота ступенек, освежающий вечерний ветерок и острое желание добраться до вершины. Впервые я остановилась, когда преодолела, наверно, уже половину пути. Сердце стучало как сумасшедшее. И от быстрого подъема, и от подкравшегося страха перед высотой. Стоило взглянуть по сторонам, и коленки предательски ослабели. Я отшатнулась и прижалась к стволу, впитывая густой смолянистый запах и успокаивающий шелест листвы.

— Подъем вечером тем хорош, что ветра практически нет, — сказал поднявшийся на мою ступеньку аттар. — Испугалась?

— Есть немного.

— Давай поднимемся чуть выше, там будет скамейка.

Я удивленно посмотрела на него, но спрашивать не стала — проще самой добраться и увидеть. Он оказался прав, до так называемой скамейки мы добрались ступеней через двадцать. Застарелая трещина в коре, покрытая наростами и наплывами. Вот они-то и образовали своеобразный выступ, на котором действительно можно посидеть. Кинув на мох свернутую куртку, я села и с наслаждением вытянула гудящие ноги. Мы уже забрались в зону кроны, и вокруг поскрипывали корой причудливо изогнутые ветви невероятной толщины.

На них, как на клумбах, сидели незнакомые мне яркие цветы. Огромные, с толстыми лепестками и тяжелым запахом чашечки цветов были обращены к уходящему солнцу. От карусели ароматов немного кружилась голова. Аттар сел немного ниже, на соседний выступ. Я прикрыла глаза и пальцами зарылась в мох подо мной. Теплый, податливый, он расступался под пальцами и обнимал мою ладонь. Я не сразу поняла, что нащупала что-то другое. А когда вытащила, вскрикнула от удивления. На ладони лежали застывшие капли, удивительно похожие на янтарь, если не считать восхитительного голубого цвета с легкими золотистыми всполохами.

Аттар вскинул голову и обеспокоенно спросил:

— Что случилось?

Я показала ему находку. Не могла отделаться от ощущения, что они светятся. Наверно, лучи заходящего солнца играют.

— О, это Слезы Идайн.

Я непонимающе на него посмотрела.

— Застывший сок дерева, — пояснил аттар.

— Голубой? — недоверчиво переспросила я. — Это янтарь?

— Можно и так сказать.

— Надо же, какая красота! — Я зажала в кулаке голубые камни с отблеском заката, не желая расставаться с находкой, встала, убрала куртку и второй рукой снова залезла в мох. В результате я стала счастливой обладательницей пригоршни небольших, размером с жемчужины, неровных кусочков янтаря. И одного большого, с монету. Фантастически красивого, теплого и определенно светящегося, словно наполненного мириадами мельчайших золотистых светлячков. Я восхищенно перекачивала их в ладонях. Тангавор, наблюдая за моими поисками сокровищ, достал носовой платок и отдал мне. Я аккуратно ссыпала голубые янтарные будущие бусины в центр и завязала уголки. Надеюсь, удастся найти мастера, который сможет просверлить в них отверстия. Я тогда соберу браслет.

С лица не сходила счастливая улыбка, и я уже обращала мало внимания на гудевшие ноги и сбившееся дыхание. Шагала по ступенькам вверх и жмурилась от счастья. Не важно, как и когда закончится мое приключение, — с собой я увезу потрясающий сувенир, частичку самого дерева.

Ночь и правда застала нас на подъеме. Оказывается, ступеньки были предусмотрительно украшены люминесцентными полосками, которые хоть и не разгоняли плотную темноту, но помогали не сбиться с пути навстречу к звездам.

С наступлением сумерек я сбавила ход, да и ноги уже подрагивали от непривычной нагрузки. Приходилось все чаще останавливаться и переводить дух. Крона оказалась настолько густой, что едва ли можно было различить хоть что-либо вокруг. Ветви перестали быть столь угрожающе толстыми, но стали более частыми. Лестница неуловимой лентой ныряла между ветвей: то взбиралась вверх, то подныривала под очередной узловатой преградой и спускалась на пару ступеней вниз. С открытой стороны лестницы сетка из лиан становилась все плотнее, и вскоре стало казаться, что идешь по сумрачному петляющему тоннелю. Зато полностью исчез страх высоты — сложно пугаться того, что не видишь. Совершенной неожиданностью стало появление светлячков. Вот сгущаются сумерки, застревающие в переплетении веток и лиан, становится все темнее и темнее, и кажется, что едва светящиеся ступени — единственное, на что можно опираться при продвижении вперед. И вдруг, словно по неслышному щелчку, лестница сказочно преображается, наполняясь скромными и трепетными зеленовато-синими огоньками. Неуловимые, перелетающие с места на место звездочки. Фантастическое зрелище.

Я сбилась с шага и начала неловко, постоянно замирая, переступать со ступеньки на ступеньку. Впервые увидела светлячков и испугалась, что от моего неосторожного движения они могут улететь или погаснуть. Сзади раздался довольный смешок Тангавора. Я поняла, что выгляжу нелепо, и зашагала бодрее. И вдруг — раз, лестница, сделав последний поворот, закончилась на большой площадке, круглой, обустроенной, со столиком и какими-то сундуками. Все это я отметила вскользь, потому что с неописуемым изумлением всматривалась в настоящие звезды.

Небо, такое понятное и при этом совершенно незнакомое, раскинулось над нами черным таинственным шатром.

Не замечая ничего вокруг, я машинально опустилась на расстеленный плед, не отрывая глаз от небосвода. Так странно. Привычный недостижимый бархат с мириадами неизменных звезд. И

только по расположению понимаешь, что ты не дома. Вернее, дома, да только тот в другой галактике, в ином времени. Нет привычной полосы Млечного Пути, ярко расцвеченной разноцветными искрами. И созвездия другие. Четверть неба была занята невероятной радужной мерцающей пылью удивительной красоты, словно чье-то дыхание, застывшее на морозе. От острой смеси восторга и страха перед чуждой Вселенной щипало в глазах.

Тангавор достал подушки, видимо, из сундуков, удобно устроился и притянул меня к себе, прижимая спиной к груди. Я куталась в его теплые руки и цеплялась за недавние слова: «Ты живая, настоящая». Мой мир развалился на фальшивые осколки, и так сложно было удержать саму себя.

Я заставляла себя дышать медленнее, чтобы справиться с подступающей тошнотой от навалившихся эмоций. Небо нависало надо мной, давило своими настоящими и одновременно невероятными звездами. Так захотелось чего-то понятного и простого. Я извернулась в руках Тангавора и прижалась лицом к его груди. Мерный стук сердца и теплые объятия. Подожди, не разрушай хрупкое ощущение правильности и полноты.

Аттар долгое время не двигался, лишь медленно гладил меня по голове. Он неспешно прядь за прядью распускал заплетенную косу, бережно зарываясь пальцами в волосы. Голова кружилась от легких движений и терпкого запаха меда и сандала, исходившего от Тангавора. Его пальцы словно невзначай скользнули по затылку вниз и обрисовали чуть выступавший позвонок. Я судорожно вздохнула, а он успокаивающе стиснул меня и едва ощутимо поцеловал в макушку, потом в висок. Теплая ладонь накрыла подбородок, поднимая его вверх. Цепочка легких касаний по лицу, и прохладные губы мягко дотронулись до краешка моих губ, нежно, но уверенно. Бережная ласка пьянила, вызывая беспорядочную россыпь мурашек от шеи до самых пяток. Я таяла от неясного предвкушения, а сердце забилось в груди пойманной бабочкой.

— Варвара... — выдохнул Тангавор, покрывая мое лицо дорожкой нежных поцелуев.

— Мм... — Ответить что-то вразумительно я не могла, дрожа как осиновый лист, ощущая каждой клеточкой своего тела тепло и силу аттара. И он накрыл мой рот поцелуем, страстным, жадным. Губы заныли от напора, а низ живота стянуло сладкой судорогой. Я тонула в чувственных ощущениях, забывая дышать. Когда звезды замерцали и закружились в неясном хороводе под закрытыми глазами, аттар отстранился, и я тихо всхлипнула.

— Твои губы пахнут земляникой, — прошептал Тангавор хрипло, и его пальцы провели по ним.

Я вздрогнула. Я не знала, чего хочу больше: чтобы он прекратил или чтобы не смел останавливаться. Мои пальцы дрожали от напряжения, впиваясь в его спину. Я неотрывно смотрела в его мерцающие в темноте глаза. Наши дыхания смешивались. Вдох-выдох, и я, подчиняясь ладоням на спине, невольно подалась навстречу, снова теряясь в томительном и требовательном поцелуе. Казалось, что я падаю в пропасть, откуда нет возврата.

Неуловимое движение, и я оказалась лежащей на спине, а он навис сверху на локтях, надежно придавливая меня бедрами к полу. Его горячие губы блуждали по шее, сводя меня с ума. Обрывки мыслей растворялись в уплывающих звездах, я задыхалась от сладкой неги, что отзывалась в животе болезненным потягиванием, мое дыхание становилось тяжелым и неравномерным, тело — непослушным и невесомым. Огромное дерево, на вершине которого я тонула в запахе темной смолы и терпкого сандала, неслышно шелестело листьями и медленно качало нас под бархатом ночи.

В какой-то неясный момент настойчивые страстные поцелуи и ласки стали нежными и мягкими, бережно возвращающими меня из пропасти, куда я почти упала. Телом ощущая его возбуждение, грозящее поглотить нас без остатка, я гладила пальцами лицо аттара, доверчиво вглядываясь в глаза. Он, заботливо обнимая меня, шепнул одними губами:

— Не сейчас, — и аккуратно прижал к себе, обездвижив руками и ногами, позволяя нашим сердцам вернуться к прежнему спокойному ритму. Разбуженное тело болезненно ныло, но я была благодарна Тангавору. Он прав, не время, не сейчас. Не тогда, когда все так неясно...

— Хочешь увидеть другие осколки? — выдохнул он над ухом, посылая по телу прыгую волну.

— Да.

Аттар мягко отстранился, встал и подошел к одному из стоящих вдоль перил сундуков. В неясном свете звезд я увидела, как он достал мощную треногу, расправил ее и сверху закрепил огромный сложный телескоп. Повозившись с настройками и направлением объектива, Тангавор повернулся ко мне.

— Иди сюда, — шепнул он, протягивая руку.

Ослабевшие ноги плохо слушались меня, и, пошатнувшись, я практически упала в его объятия.

— Держись. — Его руки стиснули мою талию.

Я судорожно вздохнула.

— Смотри сюда.

Я склонилась над окуляром.

Тепло его рук мешало сосредоточиться на том, что вижу. Поморгав несколько раз, я наконец смогла сфокусироваться на картинке. Секунда, другая... и я ахнула: среди бескрайнего космоса была легко различима полупрозрачная сфера, внутри которой плавал неровный, грубо сделанный перевернутый конус, краями касающийся стен стеклянного шара. Словно гора, скрытая и опрокинута вверх подошвой, на которой покоился целый материк. Так вот ты какой, осколок Мертвых миров.

— А что там внизу у «тарелки»?

— Недра, полезные ископаемые, подземные воды...

— Там тоже есть Древо Жизни?

— Да, на каждом осколке.

— Это Невероятно...

Невероятно красиво и грустно...

ГЛАВА 14

Не помню, чтобы я так реагировала на других мужчин. Сердце, словно шальное, металось внутри. А губы горели от воспоминаний и расплывались в счастливой улыбке. Впервые после Романа поцелуи вдруг показались мне чем-то большим, чем простое влечение. Я мысленно

уговаривала себя остыть. Глупая, сказки не про таких, как я. Но робкая надежда уже поселилась в душе, качая меня в ласковых руках фантазий. Я стискивала пальцами окуляр и усиленно пыталась думать о том, что вижу, а не о том, что чувствую. Осколок Мертвых миров. Перед глазами прекрасный тысячелетний Призрачный мир. Старательно пыталась представить, что я стою в центре точно такого же мира. А потом не выдержала и нервно захихикала.

Аттар, выкладывающий еду из корзинки на низенький столик, замер и удивленно взглянул на меня. А я все смеялась от неожиданной мысли, неудержимо, почти истерично, до слез.

— Бедный Коперник! — Я задыхалась от смеха и едва могла говорить.

Но аттар сразу понял, отчего я развеселилась. Рассмеялся и добавил:

— Ну тогда уже и Птолемей с Аристотелем и Пифагором, да и со всеми остальными греками тоже.

Вот ирония, у богов, оказывается, есть чувство юмора! Человечество так мучительно долго сначала доказывало, что земля таки круглая, а не плоская. А потом, что она вовсе не центр Вселенной. Так тщательно бороться с ложным представлением о мире, где небо твердое, а звезды приколочены, и что в итоге? Я живу в мире, который с пугающей точностью воспроизвел представление древних непросвещенных людей об окружающем пространстве. Плоская земля, вращающийся купол неба с прикрепленным солнцем. Кита не хватает и трех черепах. Или наоборот? Трех китов? Черепаха вроде была одна.

Мы смеялись. Сидели под настоящими звездами, при неясном свете зажженных свечей на вершине Древа Жизни и безудержно смеялись.

— Как же вы умудряетесь скрывать такую потрясающую правду? — спросила я, переводя дух.

— По-разному, — поморщился Тангавор, видимо, тема не из приятных.

Я и не настаивала. Догадалась, что раз наш мир неизменен последние тысячи лет, значит, наука душат на корню. Задумываться об этом сейчас не хотелось.

Залпом выпила бокал вина и потянулась за курткой. Холодало, я подавила робкую мысль о теплой кровати и горячем чае. Мысль о простынях опалила невольными желаниями. «Не сейчас». Не уверена, что и «потом» будет правильно. Для меня, успевшей так влипнуть. Это не с Вадимом, чьи чувства меня мало волновали. Хотелось уже возвратиться в дом и запереться в тишине, но я ждала. Если Тангавор задумал мне что-то рассказать, то сейчас самое время. Оба ведь ощущали, что здесь, на макушке дерева, мы перед развилкой, которую не миновать.

— Мы выбираем пару немного не так, как вы, — издали начал аттар, вглядываясь в звезды. — У нас исключен брак по расчету или ради похоти. Даже простой симпатии мало. Шаари-на, — произнес Тангавор с неожиданной тоской. — Избранная, женщина, дарованная судьбой, отмеченная богами. — В его голосе чудилась горечь, от которой становилось еще холоднее. — Только с ней возможны брак, семья, дети. Избранной айянера может стать любая женщина всех миров, живых и мертвых.

«А как же генетика?» — подумала я. Аттар, видимо, догадался о ходе моих мыслей, развернулся ко мне и добавил:

— Воля богов. Родовая магия айянеров... Хочешь научное обоснование? Я попробую. У первых

людей самый простой генетический код. У нас, айянеров, самый сложный. Между нами существуют еще двенадцать рас, которые находятся в Открытых мирах. Сколько живет видов гуманоидов в Закрытых мирах, никто даже не брался подсчитать. Тысячи, а может, и миллионы. Многие миры закрыты наглухо.

Хотелось перебить его и спросить, что значит «Открытый» мир, но я прикусила язык.

— Если шаари-на тоже айянер, то помолвка носит символический характер. Многие ее даже пропускают — сразу заключают брак. Зачем ждать, если все и так понятно.

— Как понятно? — прошептала я.

— Я не уверен, что знаю ответ. Те, кто нашел свою избранную, говорят, что просто понимаешь, что это она, и все. Хотя нередко пары тратят годы на то, чтобы осознать очевидное. — Аттар замолчал, занятый какими-то своими мыслями.

— А если девушка не айянер, что тогда? — Я беспомощно вглядывалась в лицо Тангавора, а он словно не видел меня.

— Тогда помолвка обязательна. После нее организм избранной в некотором роде перестраивается, чтобы женщина могла выносить ребенка от мужа.

— Зачем такие сложности?

— Чтобы и через столетия женщина рядом была желанной и счастливой. — Аттар встал и подошел к перилам, вглядываясь в темноту.

— Сколько же вы живете?

— Слабые маги лет триста, самые сильные столько, сколько захотят. — Тангавор посмотрел на меня и ответил на вопрос, который уже был готов сорваться с кончика языка: — Шаари-на после помолвки становится долгожителем, как и муж. У айянеров чаще всего рождаются мальчики. Если бы не такие сложности, наши мужчины были бы обречены на долгие годы одиночества и невозможность обнять своего ребенка.

— Все ради продолжения рода?

— Дети — наивысшая ценность, — улыбнулся Тангавор, продолжая смотреть на небо.

Я вздрогнула и прижала стиснутые пальцы к животу. Задавать провокационный вопрос: «Нашел ли ты свою избранную?» — резко расхотелось. Не нужен мне ответ. Какие боги сведут айянера с бесплодной?

— Зачем тебе фальшивая шаари-на? — спросила я, чувствуя все нарастающую слабость. «Зачем ты так меня целовал?» — безмолвно кричала я.

— Настоящую найти не могу. Через несколько недель приезжает владыка Мертвых миров. Рядом со мной должна стоять невеста.

У меня кольнуло сердце. Робкая, непрошенная надежда на что-то прекрасное окончательно рассыпалась на мелкие осколки.

— Разве так плохо, что ты до сих пор не нашел избранную? Может, она в другом мире... —

почти прошептала я, окончательно растерявшись.

— Она точно здесь, среди вас, — невесело усмехнулся аттар. Он явно не хотел мне что-то говорить. Хмурился, задумчиво поглядывал на меня, словно что-то взвешивая про себя.

— Варвара, сейчас решается моя судьба. И если рядом не будет избранной, то... — Тангавор неприятно скривился.

— Я поняла, — оборвала его. Не нужны мне его скелеты. Видеть, как он мучительно подбирает слова, не желая ни лгать, ни правду говорить, больше не могла. Я злилась. На себя. Вся эта история изначально дурно пахла, надо было довериться своему первому порыву. А он хорош, я ведь практически поверила в его трепетное и бережное отношение, на секунду ощутила себя особенной. Но, похоже, моя особенность лишь в чертовом иммунитете, благодаря которому я способна изобразить его избранную. О, дивный мед с запахом полыни. Меня тянуло к этому мужчине, глупо отрицать очевидное. Сердце замирало и билось в паутине новых сладких эмоций. И так горько было понимать, что тебя тянет к тому, кто никогда не станет твоим. И теперь была не тысяча неясных причин, а одна. Он не выбрал меня. Не ощутил во мне свою единственную.

— Я помогу, — неожиданно произнесла я осипшим голосом вопреки самому здравому смыслу.

Сердце ухнуло в пропасть от нестерпимой тоски. Что я натворила? Зачем? Я дрожала от ужаса и понимала, что не могла сказать по-другому. Заботливый, умный и красивый Тангавор был предельно честен со мной. Изумительно бережен и терпелив, и не важно, какие скелеты он прячет за странной просьбой. Каждый что-то скрывает. Он не виноват, что я неосторожно увидела в его действиях что-то большее. Я отвернулась, чтобы он не заметил предательские слезы. Я путалась в собственных мыслях и переживаниях. Почему я не могу просто сказать «нет» и обрубить эту сказку, в которой не предусмотрен для меня счастливый финал? Что же я натворила?

Аттар обнял меня сзади, так щемяще крепко и надежно, и шепнул, не скрывая облегчения в голосе:

— Спасибо.

Боги знают, чего мне стоило не закричать и не забиться в его руках. Но он снова все сделал правильно — просто молча сидел, обнимал меня и не двигался. А когда догорели свечи и навалилась удушающая темнота, он сжал меня еще крепче и выдохнул:

— Прости.

Не знаю, за что он просил прощения. Но он снова дал мне то, в чем я нуждалась. Мне нужно было знать, что он не нарочно. Или хотя бы верить в это.

— Спускаемся? — спросил он, когда сумбур в душе устало прикрылся апатией. Запоздало вспомнила, что меня ждет длинная лестница в крошечной темноте и нелегкий спуск по ней на уставших ногах. С тяжелым вздохом поднялась и нерешительно замерла. Наверно, нужно убрать за собой?

— Варвара, доверься мне. — Тангавор развернул меня и подхватил на руки. Подошел к краю площадки и забрался на один из сундуков так легко, будто я ничего не весила.

— Прошу, держись за меня и ничего не бойся. — От его слов меня переполняло лихорадочное

предвкушение. — Варвара, не бойся...

И он взлетел.

Сердце замерло от ужаса и восхищения. Спасибо спасительной темноте, я ничего не видела и могла только по обдувающему потоку воздуха осознавать, что мы движемся. Сначала немного вверх, а потом бесконечно долго и мучительно вниз и, кажется, вперед. Не знаю, почему я не закричала, может, потому, что вначале забыла, как дышать, а потом забыла, что нужно бояться. Я обнимала Тангавора за шею, прижималась к сильному телу, дающему ощущение безопасности, и позволяла невидимому полету снимать слой за слоем пласты эмоций и переживаний, оставляя в конце звенящую тишину. Земля выбита у меня из-под ног, и мне остается лишь сказать «да» происходящему.

ГЛАВА 15

Семнадцать лет назад. Открытые миры. Аккалон

Академия хранителей Мертвых миров. Жилой корпус

В небольшой гостиной на пятом этаже общежития шла знатная вечеринка. Студенты отмечали успешную сдачу самого страшного выпускного экзамена — «История Первого мира». История мира, которого уже нет, и лишь осколки где-то там, на краю Вселенной, ждут своих новых хранителей взамен тех, кто отслужил положенный срок контракта и мечтает вернуться домой, в родной мир магии. Туда, где сила наполняет тело и пьянит голову, особенно тем, кто давно не прикасался к ней.

Сложно учить историю, переполненную невозможными и противоречивыми событиями. Апофеоз абсурдности и гениальности. История того, как самые первые творения божьи уничтожили сами себя. Не получалось любить ни этот предмет, ни тот мир, которому были посвящены выматывающие лекции на протяжении всех десяти лет. Жуткая муть, как сказал, криво усмехаясь, Камир. Остальные согласно кивали и поднимали бокалы за магистра Торангира Кивира, занимавшего первую строчку в рейтинге самых ненавистных преподавателей. Лекции, стоявшие неизменно первой парой, были тяжелым испытанием на прочность и умение не засыпать под монотонный и скучный голос лектора.

Вечеринка проходила у одного из студентов, коренастого добродушного Арстана, единственного из группы, кто мог позволить себе роскошь жить в двухкомнатных апартаментах с личной душевой. В комнате был накрыт большой сборный стол, из-за приоткрытой двери в крохотную спальню лилась музыка. Друзья веселились от души, выкрикивали короткие тосты, пьяно смеялись и радовались победе над скучнейшим предметом.

Бесстыжий Камир, стройный, высокий, с красивым живым лицом, смешно пародировал монотонную речь магистра Кивира, зажав между носом и губой пучок зелени со стола. Смуглый Девир, гибкий и с обаятельной улыбочкой, лихо отплясывал что-то свое, ассалийское, настолько виртуозное, что многим было трудно усидеть на месте. Подняв руки вверх и стремительно перебирая ногами, отчаянно и красиво вытаптывал он в танце мутные переживания, знакомые любому студенту во время сессии. Ребята хлопали в ладоши и подбадривали танцора криками «Хей-хо! Хасса! Хасса!». Дешевое вино лилось рекой, со стола исчезали нехитрые закуски, все громче раздавались хмельные песни.

Праздник был в самом разгаре, когда появились еще два студента.

— Я его нашел, — мрачно бросил Тангавор, буквально втолкнувший друга в комнату.

— О, Дейранг, дружище! — взревела пьяная толпа. Кто-то суетливо начал искать более-менее чистый стакан, чтобы от души плеснуть шипучее вино и протянуть трезвому и неуместно серьезному парню.

— А ты чего такой угрюмый, Дейр, не сдал? — Камир протиснулся к застывшим у входа друзьям и по дернувшейся щеке друга понял, что шутка не удалась.

Дейранг отвел глаза и досадливо скривился.

— Да ладно, не может быть! — опешил Камир.

В гостиной внезапно стало тихо. Ребята неверяще развернулись к стоящим у дверей парням. Дейранг, Камир и Тангавор — эта неразлучная тройца, по всеобщему мнению, была лучшей не только в первой группе, но и во всем девяносто восьмом наборе. Быть того не может, чтобы Дейранг не сдал...

Виновник всеобщего недоумения тяжело повел плечами, схватил протягиваемый стакан, выпил залпом, рухнул на стул и выпалил:

— У меня второй уровень.

Вечеринка разом закончилась. Веселье лопнуло неверным мыльным пузырем. Второй уровень — это страшно. Вернее, быть магом второго уровня — это невероятно круто, но только не в том случае, если ты будущий хранитель.

Арстан сходил в соседнюю комнату и выключил неуместную теперь музыку.

— Дейр, так ты даже на экзамен не ходил? — спросил кто-то.

— А смысл? — зло отрезал тот. — Я забираю документы.

Студенты ахнули. Осталось несколько экзаменов, практика — и лицензия хранителя в кармане. Вот так перечеркнуть десять лет обучения... Все потрясенно молчали. Но второй уровень...

— Я не хотел говорить, — подавленно начал Девир, — но Замирен из девяносто второго потока пропал. Друг брата. Буквально год назад подал заявку на первый уровень. Нет бы промолчать, дожидаться окончания контракта... Знал ведь, — зло добавил он.

«Девяносто второй поток» означал, что Замирен проработал хранителем уже тридцать лет — половину срока. Девир никогда не видел Замирена, но брат зачитывал письма, приходившие из далекого мертвого мира. Пока те не перестали приходить. Многочисленные запросы обеспокоенных родственников и друзей однажды натолкнулись на равнодушное «пропал без вести». А еще чуть позже Девир узнал от его близких, что Замирен поделился в последнем письме: мол, сила наконец достигла первого уровня, и теперь семье не о чем беспокоиться. Маг первого уровня, да с гонораром после работы в Мертвых мирах — это обещание сытной жизни. Многочисленная толпа родственников, едва сводящих концы с концами, стала с нетерпением ждать возвращения сына, который смог вырваться из нищеты.

— А что Доррейон? — спросил кто-то из студентов.

Девир в ответ молча пожал плечами.

— Эта скотина всегда выходит сухим из воды! — возмущенно выпалил Тангавор.

Студенты зашумели.

— Налей еще, — хриплым голосом попросил Дейранг Арстана, — хочу нажраться до посинения.

Остальные тоже подставили стаканы. Пузырящееся счастье лопнуло, и комнату наполняла тягостная безысходность.

На Аккалоне, да и во всех Открытых мирах ходил слух, что в далеких Мертвых мирах пропадали маги, вошедшие в полную силу. Оттого среди студентов бытовало мнение — быть хранителем шестого, ну пятого уровня вполне можно. Лучше, конечно, седьмого или вообще восьмого, так надежнее, вернее, безопаснее, сила все равно хранителям не нужна. В Мертвых мирах особо нет магии. Уровни у айянеров росли то медленно, то странными, непредсказуемыми рывками. Иные столетиями ждали перехода на новый уровень, другие входили в полную силу еще в начале жизни. Сколько ученые ни бились, так и не смогли найти хоть какую-то систему в росте уровней. И все же в среднем тот уровень, который получался к тридцатилетию, сохранялся потом на многие годы и за всю жизнь подрастал лишь пару раз.

Дейранг при поступлении имел пятый уровень. Уже к концу обучения вышел на четвертый и зябко поеживался, когда сокурсники в очередной раз обсуждали слухи о том, что бессмертный Доррейон уничтожает хранителей первого уровня, дабы присвоить себе их мощь. И как власти ни пытались пресечь разговоры, порочащие владыку Мертвых миров, слухи множились, обрастая жуткими подробностями. Едва маг, работающий на Доррейона, достигал первого уровня — он исчезал. Вот уже несколько последних столетий. А нестареющий владыка Исайя Доррейон, чья сила давно стала вне категорий, продолжал твердой рукой править в Призрачных мирах.

— Как теперь с долгом за обучение? — наконец не выдержал Тангавор и задал самый тяжелый вопрос, волновавший всю компанию.

— Не знаю! — рявкнул Дейранг и саданул кулаком по столу. Посуда жалобно звякнула. Девир сунул мрачному Дейру бутылку, тот сделал большой глоток из горла и передал рядом сидящему Камиру.

Десятилетнее обучение в академии стоило сумасшедших денег. Но гарантированный рабочий контракт в Мертвых мирах не только покрывал долг студента перед академией, но и предусматривал неслыханные выплаты по завершении работы. Именно этим пользовались отпрыски обедневших родов или младшие сыновья, лишённые достойного наследства. Любопытный мог потратить семьдесят лет на благо Мертвых миров и обрести целое состояние, дающее положение и статус в обществе. Вот только из-за гуляющих слухов рисковали сунуться в услужение к Доррейону исключительно слабые маги. Не важно, правдивы ли разговоры или просто злое совпадение, зря рисковать собой не хотел никто.

Вот и Дейранг решил, что лучше попасть в долговое рабство, чем раствориться в Призрачных мирах.

Тангавор молча подливал лучшему другу, не в силах ему чем-то помочь. На краю одурманенного алкоголем сознания зрела мысль, что через месяц после сдачи всех экзаменов он уедет в Мертвые миры на шестьдесят лет, а его друг Дейр останется здесь. Без специальности, с чудовищным долгом и смутными, тревожными перспективами. Но это лучше, чем ехать со вторым уровнем, за которым неминуемо последует первый, и многие годы бояться

выдать себя нечаянной оплошностью.

Кто ж мог знать, что буквально через полгода сам Тангавор на местном карнавале потеряет голову от какой-то девчонки и совершит то, что доступно лишь магу первого уровня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дорога недоверия и умалчивания ведет в руки тех, кто лживыми словами заполняет доверчивую тишину.

ГЛАВА 1

Долина Идайн

А ночью мне снова снился белый дом среди песков. Злой рой песчинок кусал за голые ноги, которые помимо моей воли уже поднимались по ступенькам к черному провалу меж открытых дверей. Я снова видела тысячи танцующих огоньков свечей, от которых тьма делалась лишь гуще и тяжелее. И снова ощущала, как меня зовет что-то невероятное и подавляющее, скрытое темнотой. Неясные тревожные шепотки и шорохи волнами перекатывали через меня и смешивались с гудением песка за спиной. Я, как и прежде, застыла в проходе, словно увязая в какой-то пелене, не в силах не то что шаг сделать — вздохнуть не могла от накрывающего ужаса. Всем своим нутром понимала: стоит мне пересечь порог, и назад пути уже не будет. А бархатистая тьма плескалась передо мной и манила в свои теплые влажные объятия.

И вдруг все закончилось. Отступила тьма, присмирел рой песчинок. Чьи-то ласковые руки обняли меня сзади, и ужас ушел. Кто-то неведомый взял меня за ладонь, даря уверенность и ощущение правильности. Преодолев последние сомнения, я сделала шаг вперед...

Я сидела на террасе, без настроения ковыряла золотистые блинчики, приготовленные Ханной-Мэй на завтрак, и смотрела на лежащий передо мной тот самый контракт. Рядом с ним на вышитой скатерти стояли хрустальные розетки с ароматным медом, клубничным вареньем и сметаной, тарелки с жареным сочным беконом, пиалы с оливками и горошком, вазочки с печеньем и конфетами. Так изысканно красиво. Но ничто было не в силах пробудить угасший при виде папки аппетит. Я с раздражением отодвинула тарелку с истерзанными блинчиками и взяла чашку с чаем. Тангавор сидел напротив, безмятежный и расслабленный, как хищник после охоты, лениво шурился, вглядываясь в туман. От него, свежего, наполненного неясной силой, веяло таким нескрываемым облегчением и довольством, будто своим согласием я ему жизнь спасла.

Туман ласково терся о перила, не смея подбираться ближе. Утренние сиреневые сумерки едва разгоняла лампа, вынесенная из дома. Я вдохнула душистый аромат чабреца, добавленного в чай, и попробовала мысленно настроиться на знакомство с договором, который уже заранее невлюбила.

Утром я проснулась очень рано и долго лежала, то ругая себя, то обманываясь смутными надеждами. Бестолково промаявшись, я вконец разозлилась и решила, что раз так опрометчиво пообещала помочь, то надо взять себя в руки и стать взрослой и последовательной. Я подписалась на эскорт-услуги, назовем вещи своими именами, и нечего строить из себя невинную дурочку и уж тем более питать лишние иллюзии. Раскопав на дне

души остатки цинизма, я сделала последний глоток чая, села ровно и открыла папку. Приступим. Первые две страницы на удивление совершенно невинные. Ни за что не догадаешься, о чем речь.

«В соответствии с условиями Договора Исполнитель обязуется по заданию Заказчика оказать Услуги (далее по тексту — Услуги), указанные в Перечне Услуг (Приложении № 1 — Перечень Услуг к Договору), а Заказчик обязуется оплатить Услуги. Приложение № 1 — Перечень Услуг является неотъемлемой частью Договора».

И дальше, как положено, срок действия договора, срок оказания услуг, права и обязанности сторон и прочие типовые пункты. Абсолютно нейтральные, общие слова, за которыми может таиться что угодно. Видимо, вся конкретика надежно скрыта в приложениях. Быстро пробежав глазами по пустым, ничего не значащим абзацам, я перешла к приложению. Страница, посвященная обязанностям аттара, меня успокоила. Первый же пункт четко говорил о том, что Тангавор обязуется ко мне не приставать, только в более заумной канцелярской формулировке.

А вот по мере прочтения следующей страницы, где были расписаны уже мои обязанности, постепенно меня накрывало замешательство. От казенным языком написанного списка «формы выражения чувств» мои уши горели в пламени стыда. Подробное описание нескольких видов поцелуев, разновидности объятий, взгляды, слова... От обескураживающей, откровенной инструкции меня одолевала злая истерика. Самоучитель для маар, не меньше. Поминутно то краснея, то свирепея, я едва сдерживалась, чтобы не послать аттара с его контрактом куда подальше. Какой умник писал эту чушь?

— Так все плохо? — спросил аттар.

Ох, кажется, я последнюю фразу произнесла вслух.

— О нет, все чудесно, — с едва сдерживаемым сарказмом ответила я. — Подскажи, о любезный жених, а вчера какие у нас были поцелуи? «Обычный поцелуй в губы, сопровождающийся сильным надавливанием» или «длинный поцелуй, когда губы влюбленных не могут оторваться друг от друга»? А еще тут есть «пульсирующий поцелуй», «посасывающий губы», «гладящий поцелуй»... Да здесь целых пятьдесят видов поцелуев! — Я возмущенно вскинула глаза на аттара, который в явном замешательстве смотрел на меня, вернее, на мои губы. — Мы должны все это делать на людях? У вас так принято? Дикарство какое-то. Ты вообще это читал?

Надо же, сама не заметила, как перешла на «ты».

— Нет, не читал и теперь жалею об этом, — медленно проговорил Тангавор и перевел взгляд выше. В глазах аттара бесились рыжие всполохи, а голос был полон шутливого сарказма. — Кто знает, может, вчера, моя шаари-на, я был бы более искусным.

Вот теперь щеки вспыхнули от смущения совсем другого рода. Надо привыкать, одернула я себя, закусив губу, и вернулась к изучению контракта, приложение к которому напоминало адскую смесь инструкций по флирту для девственников-перестарков и требований к наложницам гарема. На такое даже злиться не получалось. Едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, я сделала постное лицо, протянула контракт аттару и почти серьезно сказала:

— Я не буду это подписывать.

В глазах Тангавора на секунду мелькнула паника, но, видимо, я отвратная актриса, потому что

он тут же ехидно ухмыльнулся и подхватил контракт.

— И правильно, это мне за то, что поленился прочитать сам.

Вскоре мы оба вволю потешались над «карабкающимися объятиями» и «сигнализирующими поцелуями». Но когда дошли до пункта, цинично описывающего последовательность ласк, стало совсем не смешно. Скривившись, аттар захлопнул папку.

— Это совсем перебор! — досадливо воскликнул он и швырнул ее на стол. — Нам пора выезжать.

Когда мы подходили к дверям с террасы, Тангавор вдруг схватил меня за плечи, развернул и поцеловал, властно, горячо и умело. Одна его рука скользнула на талию, впечатывая меня в его твердое тело, вторая нежно и одновременно настойчиво обхватила затылок, зарываясь в волосы, лишая меня всякого шанса на отступление. Невольно подчиняясь, я выгнулась и подалась вперед. По телу пронеслась жаркая волна.

Оторвавшись от губ, Тангавор улыбнулся, не прекращая прижимать меня к себе, и прошептал, окутывая лицо горячим дыханием, словно невесомыми поцелуями:

— Мне кажется, мы справимся без всяких глупых инструкций. — Он пытливо заглянул мне в глаза. — Просто будь со мной рядом.

Ошеломленная, растерянно кивнула, и меня снова накрыл поцелуй, требовательный и томительный.

Теряя равновесие, я ухватилась за надежные плечи, не рассчитывая больше на ноги, ослабевшие от его слов и прикосновений. Но аттар держал крепко и уверенно, наверно, как и все в своей жизни. Тигр, не знающий промаха. И снова этот взгляд темных глаз, странный, словно ищущий что-то во мне. Казалось, Тангавор хочет сказать что-то важное. Но он лишь прижался губами к моему лбу, стиснул в объятиях и спросил:

— Часто тебе снятся кошмары?

— Я ночью кричала? — сообразила, почему он спрашивает.

— Немного.

Я вздохнула, пытаюсь вспомнить, почему же так испугалась. Сейчас, при сером свете туманного утра, сон казался мне совершенно простым и уж точно не страшным. Особенно в конце, когда кто-то сильный взял меня за руку...

— Ты подходил ко мне?

— Всего лишь подержал за руку, не о чем беспокоиться. Иди собирайся...

Через час мы уже покидали безлюдные Такайямские горы с затянутой туманом сердцевиной. Я зачарованно рассматривала неприступные склоны по обе стороны от дороги. В прошлый раз ехала через этот перевал в ночи, не имея возможности любоваться суровой горной красотой. Темнота, слезы и сон в тот раз надежно отгородили меня от невероятного вида петляющего серпантина между острых пиков. Теперь я хорошо различила, как Такайямские горы вздымаются двумя сложными кольцами вокруг маленькой долины Идайн.

Я вцепилась что есть силы в ремень безопасности и смотрела в окно, едва справляясь с адреналином, шумевшим в ушах. Машина то поднималась вверх по кольцам серпантина, то стремительно спускалась вниз. Казалось, что еще немного, и она не впишется в очередной резкий поворот дороги. Как же Тангавор ехал тут ночью? В темноте? То справа, то слева возникал пугающий обрыв; дорога словно висела в воздухе, едва касаясь краем крутого склона, грозя оторваться от чешуйчатого бока горы и сползти под тяжелой машиной. Мне было страшно, и одновременно я испытывала бешеный восторг.

Сразу после того, как мы выехали на обычную трассу, за нами пристроились темные машины, очевидно нас сопровождающие. Окончательно я занервничала, когда осознала, что мы едем не на север, а на юг. Еще дальше от моего дома.

Я хмуро посмотрела на Тангавора, а он поднял мою руку, которую всю дорогу держал, к губам и поцеловал кончики пальцев. А потом, едва улыбнувшись, спокойно и твердо сказал:

— Я не хочу тебя отпускать.

Можно было, конечно, истерику закатить, потребовать отвезти меня домой. Вот только подумав, я решила, что оно того не стоит. Нет ничего такого в моей квартире, что хочу забрать с собой во дворец. Ведь именно туда сейчас так стремительно увозила меня громадная черная машина. Нет у меня подходящей одежды, нет и каких-то особых для меня мелочей, которые я не смогу купить в столице. Все же в том забавном контракте, явно состряпанном каким-то студентом, не осведомленным об истинной задаче, был вполне приятный пункт о полном обеспечении всем необходимым. Уставшая во время работы выбивать из сестры-хозяйки новую медицинскую форму, я с особым злорадством подумала, что работодатель просто обязан обеспечить меня подходящей одеждой для выполнения контракта.

Столица Даэрстан располагалась на юге, в нескольких километрах от берега. И чем ближе мы подъезжали к городу, тем зеленее становился пейзаж вокруг. Робкие розоватые почки сменялись бодрыми первыми листочками. На полях все чаще встречались желтые кляксы мать-и-мачехи. Мы практически не разговаривали по дороге. Дежурные, ничего не значащие фразы. Тангавор так и держал мою руку, и вскоре я, утомленная длинным переездом, вовсе откинулась ему на плечо. Оправдывая себя тем, что нужно привыкать, я просто наслаждалась близостью его сильного тела. Какими доводами руководствовался аттар, рисующий у меня на ладони замысловатые узоры, я старалась не думать. В том, что происходило между нами, контракт казался чуждым и уродливым наростом.

К Даэрстану мы подъехали уже вечером, когда стемнело. Столица встречала нас заревом разноцветных огней.

Есть особая, трепетная радость — въезжать в чужой город вечером. Разглядывая, как светящиеся гирлянды окаймляют крупнейшие здания столицы, увивают мосты и отражаются в ночном зеркале воды, я забывала о болезненной ломоте в теле, накопившейся за целый день в машине. Улицы, заполненные нарядными прохожими, блестели и переливались в свете фонарей.

На одной из площадей развернулось заметное даже в ночи строительство. Тангавор рассказал, что там возводят сцену и лабиринты к Джунай. Праздник, что проводится раз в пять лет, отмечают с размахом во всех городах, но в столице особенно ярко. Неделя гуляний заканчивается знаменитым Маскарадом любви и шикарным фейерверком. Должно быть, и в этот раз будет грандиозно.

— Бывала в столице на Джунай? — Тангавор дотронулся до моей щеки ладонью, разворачивая лицо к себе.

— Да, один раз, — солгала я, глядя прямо в его глаза, что так странно и волнующе блестели в свете пролетающих огней, — пять лет назад, с бывшим женихом.

— И больше никогда? — Его рука вдруг показалась мне тяжелой, словно окаменевшей.

— Нет, больше ни разу. — Ложь за пятнадцать лет срослась со мной и давалась удивительно легко.

Тангавор не стал задавать вопросы про тот праздник и про моего жениха, за что я была ему благодарна. Меньше всего хотела вспоминать сейчас Романа, еще меньше хотела вспоминать оба свои визита в столицу на Джунай. Хотя вряд ли я смогу забыть оба Праздника любви. И тот, что был пять лет назад, и тот, что пятнадцать. Как будто все случилось вчера. Оба праздника подарили мне по большому куску любви с горьким привкусом беды.

ГЛАВА 2

Счастья никакими ухищрениями не добьешься.

Беды никакими стараниями не избежишь.

Хун Цзычен

Примерно пятнадцать лет назад. За две недели до праздника Джунай. Приют Святой Кассары

Обычно девочки входили в спальню шумной и веселой толпой. На этот раз они молча, с сосредоточенными лицами, тихо просочились и растеклись по своим постелям печальными ручейками. Воспитательница Марина Кирилловна, разглядывая понурые головы, вздохнула и, ни слова не говоря, прошлась по спальне, поправляя одеяла, целуя и нашептывая привычные пожелания доброй ночи. В любой другой раз она бы предложила девочкам потанцевать. Это всегда помогало справиться с маленькими детскими горестями. Но в этот раз Марина Кирилловна хорошо понимала неуместность такой идеи. Воспитанницы целый год готовили номер для участия в столичном карнавале на празднике Джунай. Старшие сами шили костюмы. Репетировали каждый день. Весь год их глаза горели как звездочки, освещая теплом персонал приюта. Эта была чудесная идея, признала даже директриса Маркова.

А сегодня утром пришел приказ попечительского совета, запретивший поездку в столицу на конкурс. Никто так и не смог понять, отчего люди, отлично знающие о репетиции и благосклонно ходившие на генеральные прогоны, вдруг отняли у девочек единственное, что действительно было важно для них сейчас.

Они не плакали. И это пугало больше всего. Марина Кирилловна ожидала слез и истерик. Но звенящая тишина, натянутая между кроватями, была поистине ужасна. «Ох, мои дорогие, — сердце воспитательницы пропустило удар, — как же быстро вам приходится взрослеть».

Лишь у старших — Кати, Сони и Вари — опасно поблескивали глаза. Как бы чего не учудили.

А как только вышла воспитательница, девочки больше не сдерживались. Тихо плакали, боясь,

что их услышат. Кусали подушки и сбивались в стайки, чтобы вместе справиться с постигшей бедой. Не хотели плакать при Мамике, слишком любили, слишком боялись ее расстроить, слишком хотели быть взрослыми. И как только дверь захлопнулась, разом превратились в маленьких и раненых девочек. Друг перед другом не стыдно.

Катя и Соня, не сговариваясь, залезли на кровать к Варе. У них был тот возраст, когда мало было просто плакать, хотелось сражаться. Отбить счастье, отнятое черствыми взрослыми.

— Сбежим? — озвучила хорошенькая Софья, с волосами золотистыми, как мед, то, что было очевидным и оттого пугающим.

— Я не представляю как, — прошептала в ответ Катя, расплетая огненную косу, — но найду способ.

Варя ничего не сказала. Она была младше их на полтора года, но пошла бы за подругами в огонь и воду. Она перебирала в уме варианты воплощения этой дерзкой идеи. И через пару дней нашла. Случайно услышала разговор поварих о бродячем цирке, который вечером уезжал из городка неподалеку в столицу, чтобы успеть на карнавал со своими выступлениями.

Удачное стечение обстоятельств или благословение богов, но уже ночью три девочки сидели в покачивающихся фургонах среди вонючих клеток. И никто не увидел, как они покинули приют, никто не заметил, как спустя два часа и двенадцать километров три фигурки с узелками забрались под штопаную ткань повозки, не потревожив сидевших в клетках попугаев. Словно сама удача вела девочек за руку навстречу желанному празднику. Седой Влас, обнаружив поутру нечаянных пассажиров, досадливо махнул рукой. Сдать бы их в первом городке страже, да сердце дрогнуло при виде их зареванных лиц. Чувал ведь, что обманывали девицы про возраст, но перспектива получить почти дармовую рабочую силу перевесила доводы разума. Рыжие сестренки-погодки, сказавшиеся совершеннолетними, радостно подписали рабочий договор, успокоив совесть старика, и с редкой самоотдачей бросились чистить клетки.

Идея сказаться сестрами принадлежала Варе. Ей давно хотелось попробовать покрасить волосы в рыжий цвет, и даже пакетик хны был заботливо припасен еще с прошлой осени — купила по случаю на ярмарке, потратив большую часть скромных сбережений.

Проблем с девицами не возникло. Покладистые и работающие, группе Власа они пришились по душе. Без единого слова поперек выполняли девочки всю возложенную на них грязную работу. И по дороге к Даэрстану, и всю праздничную неделю в столице, когда некогда было не то что по сторонам глядеть, даже поесть и то не хватало времени. Единственный уговор был у девушек с Власом — он их отпускает гулять в последнюю, карнавальную ночь. Старик, прикипевший к ним за полторы недели, не только отпустил их, но и разрешил им надеть костюмы, в которых выступали артисты. В цирковых сундуках даже маски нашлись. Тонкие, кружевные, аккуратно и плотно прилегающие к лицу. Мария, выступавшая с обручами, подобрала девочкам лучшие платья, длинные, с оборками и блестками, накрашила и даже накрутила рыжие волосы сестер горячими щипцами. Яркими бабочками выпорхнули подруги из круга фургонов, чтобы окунуться в финальное празднование долгожданного Джунай.

Улицы и дома столицы, украшенные цветами, флагами и разноцветными лампами, светились огнями праздничной иллюминации. Девочки быстро смешались с толпой таких же нарядных людей в самых причудливых масках и костюмах. Гремела и катилась по узким улицам несмолкающая музыка,плыли пряные ароматы традиционной тиммалы, повсюду звучали песни и радостный смех. Чем ближе девочки пробирались к площади, тем труднее было проталкиваться сквозь толпу. Горожане высыпали на улицы полюбоваться на

праздничные представления, окунуться в аттракционы и карнавалы шествия.

Варя не заметила, когда исчезла надежная рука Кати. Растерянную девушку людской поток вынес на площадь, где стояла гигантская арка с надписью «Джунай». Череду образов, музыки и людей закрутила Варвару в бесконечном водовороте безудержного веселья под открытым небом. Но не успела девушка испугаться, как оказалась рядом с мужчиной в маске, твердо стоящим среди шумной танцующей толпы. Она невольно замерла, ощущая удивительное чувство безопасности, исходящее от незнакомца. И рядом с ним больше не цепляла гуляющая толпа за платье, не задевали волосы случайные руки в неистовом танце. Вдруг незримая стена отделила хрупкую девушку от разнузданного гулянья, позволяя наблюдать за танцами, наслаждаться весельем и вдыхать праздник, не теряясь в нем.

Варвару переполняло обволакивающее чувство защищенности, она и сама не заметила, как они начали разговаривать, не понимала, почему они идут обнявшись и, главное, почему ей так хорошо с незнакомцем в маске. Они смеялись, танцевали, любовались фейерверками. Кидали монетки в фонтаны, ели пряную тиммалу. Юноша, позволивший ей насладиться лучшими моментами праздника, подарил Варваре и первый в ее жизни поцелуй. Не размыкая губ, чистый и невинный.

— Прости, я держался как мог...

Опьяненная нежностью и бережностью, с которой юноша обнимал ее талию, Варя тоже потянулась к нему, с восторгом ощущая, как он отзывается с неожиданной страстью. Они целовались, позабыв обо всем на свете, счастливые и юные, посреди шумной толпы, отмечающей праздник Джунай. Глаза светились сквозь тонкие маски восторгом первой любви. Юноша читал невероятно нежные стихи, от которых сердце билось быстрее, называл Варю единственной и неповторимой. Твердил:

— Я нашел тебя! Моя любовь, отмеченная богами.

Целовал и шептал:

— Ты — мое дыхание, ты — каждый удар моего сердца, ты — волшебство.

Сжимал в крепких объятиях и спрашивал:

— Ты будешь моей избранной? Станешь моей единственной, мой удивительный дар?

— Да! — робко шептала ему Варвара в ответ, впервые ощутившая столь трепетное счастье. И казалось, весь мир вглядывался в них в этот момент, соединяя двух влюбленных навек.

Варвара не осмелилась признаться нарядному юноше в золотой маске, что она спит среди цирковых клеток. Боялась его разочаровать, разрушить хрупкую сказку. Глупая, застенчивая девочка притворилась постоялицей одной из гостиниц. А когда маленький обман удался, она, счастливая и усталая, брела по опустевшим улицам в предрассветном сумраке в сторону окраины, где надеялась встретить подружек и рассказать о своей невероятной ночи.

Но среди спящих фургонов Варвару поджидала беда, отодвинувшая все ее детские переживания первой любви далеко на задворки.

Подруг она нашла не сразу — лишь по тихим сдавленным звукам рыданий поняла, куда они спрятались. Катя сидела в ступоре, стиснув дрожащие руки, и раскачивалась вперед-назад,

вперед-назад, жутко, словно болванчик. Ее безжизненный взгляд был направлен куда-то в пространство. Рядом, обнимая ее за колени, билась в мелкой истерике Соня, зажимая рот кулаком. Варвара в ужасе рассматривала разодранное платье, ободранные локти и ссадины на лице подруги. И ни одной слезинки. Варя бросилась к подругам, лепеча что-то бессвязное, отчетливо понимая — случилось страшное, непоправимое, что простыми словами не склещишь.

Не сразу Соня смогла говорить. Поминутно срываясь на сухие рыдания, она путано и бестолково роняла обрывки фраз, что сплетались в кошмарную историю. Потухшая Катя молчала до самого приюта.

Девочки, потерявшие Варю в толпе, долго пытались ее найти. Но, осознав тщетность своих поисков, махнули рукой и включились в общее веселье. Ну что может случиться плохого в средоточии всеобщего счастья! Под утро, когда до рассвета было еще далеко, но темнота уже сменилась плотными сумерками, девочки заблудились. Они наугад шли по какой-то узкой извилистой улице, насквозь пропахшей рвотой и мочой, когда из подворотни вывалился вдребезги пьяный парень, одетый в шикарный бархатный камзол. Кто знает, зачем он вышел, нужду ли справить или просто подышать. Но не сообразили девочки развернуться и убежать от пьяного, непредсказуемого типа. Торопливо попытались просочиться мимо, да не успели. Захмелевший мужчина загоготал и схватил Соню, тут же принимаясь лапать хрупкую девушку потными руками, задирая платье и слюнявить ей шею. Катя бросилась на негодея, визжа и вопя от ужаса. Но никто не вышел на крики о помощи. А они отчаянно дрались с неожиданно сильным и грубым подонком. Соня кусалась и царапалась, Катя била и толкала его, пытаясь вырвать из рук пьяницы свою подругу. Девочки так и не поняли, что произошло. В какой-то момент он вдруг неловко упал, угодив головой прямо на выступающий угол каменного цоколя. Раздался чавкающий, хрустящий, тошнотворный звук, и парень затих.

— Мы его убили, понимаешь? Убили, — тихо и страшно выла Соня, до крови кусающая руки.

И Варвара не знала, что больше ее пугало — тихие завывания Сони или молчаливое раскачивание Кати. В состоянии тяжелого отупения она тихо принесла их одежду, терпеливо переодела подруг и себя. Собрала узелки, взяла девочек за руки и увела прочь. Прочь от доброго Власа, прочь от нарядной столицы, прочь от ужасного события, спрятанного на время в грязной подворотне. Подруги, мало что соображающие, послушно шли за ней до самого вечера, до самых кровавых мозолей, до дикой усталости, от которой мушки плясали перед глазами.

Девочки добрались до приюта через несколько дней. То шли пешком, то ехали на попутных автобусах. Шестнадцатилетняя Варя крепко держала за руки обеих подруг и вела в единственное место, где их могли выслушать.

Мамика их ждала, словно знала, что они вернутся. Скрывала, как могла, от попечительского совета их побег, сказав, что девочки в больнице. Варвара едва только увидела доброе лицо любимой воспитательницы, так сразу свалилась без сил. Долгую неделю она пролежала в бреду в той самой больнице, где, по бумагам, оказалась двумя неделями ранее. Сестра Марины Кирилловны, работающая там, укрыла возвратившихся девочек и написала каждой убедительную историю болезни, словно никуда и не ездили подруги, словно пролежали они там целых три недели, тяжело болеющие, укрытые в отдельном боксе. Всего несколько человек знали причину вынужденного обмана. И никто даже ни на секунду не подумал, что Кате и Соне стоило сдать страже, ведь они, по сути, не виноваты. Нарядный юноша в бархатном камзоле, навсегда уснувший в той подворотне, оказался сыном известного промышленника. Громкое убийство студента двумя рыжими девицами, вероятно, легкого поведения, гремело на всю страну. Даже свидетели обнаружили.

Варя очнулась через неделю после возвращения. Они ничего не обсуждали и никогда на эту тему больше не разговаривали. Крепко-накрепко придерживались своего алиби, навсегда вычеркнув из памяти тот визит в столицу. Неизменное «болели, лежали в больнице» на любые вопросы, затрагивающие даже косвенно этот временной отрезок.

ГЛАВА 3

Скромное белое платье длиной до колен, с низким вырезом лодочкой.

Элегантное визитное до пола из нежно-розового шифона.

Голубое ситцевое с нежнейшей вышивкой.

Темно-серое, от пояса до верха расшитое изумительно красивым узором из бисера и пайеток.

Изумрудное, простого покроя, но с невероятно дерзкими вставками на плечах.

Тонкое шелковое шоколадное в белый горох...

Если в первый час я ощущала себя принцессой из сказки, то к обеду восторг поутих, уступив место ровной усталости. Казалось бы, вот тебе и принц, нежно держащий за руку, и наряды, от которых захватывает дух. Туфли в коробках дожидаются, украшения скоро принесут. А радоваться не получалось. Наверно, от понимания, что это все не взаправду и не навсегда. Фальшивая сказка.

И девушка, отражающаяся в зеркале, была словно не мной. Отчего-то моложе и как будто даже красивее. Стройная, с хорошей осанкой, в зеленом платье с глубоким квадратным вырезом. Ханна-Мэй встала рядом и кивнула с довольной улыбкой. Она удивительная женщина, ураган, закрутивший меня с раннего утра. Не успела я позавтракать, как в комнату вкатили четыре стойки с одеждой. Каждый предмет, который снимала херрина и предлагала мне примерить, поражал изысканностью и уместностью во дворце. Я даже не сразу поняла, что эта великолепная подборка еще и сидела на мне идеально. С каким удовольствием я бы оставила себе все! И не важно, что не успею даже по одному разу надеть. Но непреклонная Ханна-Мэй по одной ей ведомому принципу отметала почти каждую вещь.

Вначале я, конечно, стеснялась. Сложно ощущать себя уверенно, стоя в одном белье перед безупречной женщиной с придирчивым взглядом. Даже когда понимаешь важность и необходимость происходящего процесса. С трудом представляю, чего стоило в такие краткие сроки организовать примерку не просто «всего подряд», а действительно изумительных вещей. Но мудрая херрина не позволила моей скованности помешать примерке: она незаметными и простыми словами избавила меня от ненужных комплексов. Обволакивающие комплименты: «Посмотри, какой правильный цвет у этого платья, с ним твои глаза сияют. Этот костюм оставляем, он подчеркивает твою тонкую талию». Ласковые руки, незаметно раз за разом расправляющие мои плечи. Вскоре я уже видела в зеркале роскошную красавицу, которой все наряды к лицу.

Последнее, что я примерила, — облегающий вечерний наряд цвета бургунди из тафты и шелка. И вдруг почувствовала себя собой, а не улучшенной версией, что натянуто улыбалась мне все утро из зеркала. И даже строгая, сдержанная Ханна-Мэй вдруг улыбнулась и сказала мне:

— Вы прекрасны, Варвара!

Я счастливо рассмеялась, едва сдерживая порыв закружиться в танце. Это платье просто создано для меня. Оказывается, я боялась потеряться во всем этом непривычном великолепии! Тряхнула головой и как можно веселее поинтересовалась:

— Что у нас по плану дальше? Обувь?

А внутренне тихонечко содрогнулась от ужаса. Больше всего мне хотелось сбежать и прогуляться по дворцу, только уважение к Ханне-Мэй удерживало меня в рамках приличий. Я ведь обещала себе быть сдержанной и взрослой. Еще раз посмотрела на себя в зеркало. Надеюсь, мне разрешат это платье забрать с собой. Нехотя сняла его и отнесла в гардеробную к другим одобренным нарядам.

Во дворец вчера мы приехали так поздно, что единственным моим желанием было лечь спать. Машинально отмечая про себя невероятно роскошный интерьер, по-настоящему я обрадовалась только ванной комнате и мягкой перине. Уснула моментально, обещая себе рассмотреть выделенные комнаты потом, на следующий день.

Вопреки ожиданию увиденное с утра не привело меня в восторг. Было в интерьере зеленых покоев что-то враждебное, хищное. Дерзкая роскошь подавляла, незримо подчеркивая, что я на чужой территории.

После основного раунда примерки, оказывается, по расписанию у нас был обед, который, как и завтрак, накрыли тут же, в гостиной. Правда, по моей просьбе в этот раз на двоих. Ханна-Мэй не отказалась составить компанию, чему я была очень рада. Надеюсь, мне не придется провести все дни, положенные по контракту, в этих неуютных вычурных стенах. Надо спросить Тангавора, может, во дворце найдутся другие свободные покои? Да и многое другое стоит обсудить. Я, бесспорно, была очарована долиной Идайн, неожиданным приключением и волнующей близостью красивого мужчины. Но полутона и недоговоренности ощутило накапливались, тревожа и без того натянутые нервы.

Когда основные блюда унесли и наступило время неспешного чаепития, я снова попросила рассказать Ханну-Мэй о бабушке-травнице, удивляясь, как же можно лечить одними растениями. Херрина странно посмотрела на меня и огорошила:

— В моем родном мире так и лечат, с помощью трав и магии.

Я застыла. Нет, я точно помню, как она рассказывала, что росла здесь. Или мне хотелось так воспринять ее историю?

— Я с Аккалона, с самого детства работала горничной в доме Скай-Дарао. А когда младший сын рода, Тангавор, закончил обучение, попросилась вместе с ним.

— Но вы же человек, — выпалила я и невольно прикрыла рот рукой.

— Люди живут ведь не только в Мертвых мирах. Первые люди живут на самом деле везде. И только здесь они практически единственные.

— Зачем же вы попросились сюда... — От волнения я не могла подобрать слова.

— Здесь лучше.

— Вы, верно, шутите! — перебила я и с недоверием посмотрела на херрину, пытаюсь понять, как можно наш мертвый осколок, лишенный магии и всякого будущего, считать лучшим

вариантом для жизни, чем... неведомые мне Живые миры, где есть даже драконы. Ханна-Мэй смотрела на меня с доброй снисходительной улыбкой и не обижалась на мое осуждающее возмущение.

— В Открытых мирах, конечно, нет рабства. Но что могут противопоставить магам обычные люди, да еще так мало живущие? Второй сорт... вот кто мы там. А здесь мне хорошо, будто я дома, среди своих.

Я не стала ее расспрашивать дальше. Так странно было сидеть с Ханной-Мэй, родившейся в мире магии, и пить обычный чай с ромашкой. С человеком, который считает мой мертвый мир лучшим местом во Вселенной. Ох, теперь понятно, откуда ее невероятные манеры. Нереальная и безупречная херрина, рядом с которой мне хотелось быть лучше.

А после был второй раунд примерки и третий... Все сильнее я ощущала себя куклой, которую одевают, крутят и бесцеремонно рассматривают. Когда появились девушки, призванные привести в должный вид мои руки и волосы, я оценила утреннюю деликатность херрины. Насупленно смотрела на себя в зеркало и выслушивала неодобрение, слабо прикрытое вежливостью:

— Вашим рукам нужно больше ухода, не стоит ногти обрезать так грубо.

— Ничего, сейчас вернем вашим волосам блеск и силу.

«Я хирург!» — хотелось ответить. Но сдержалась. Они совершенно ни при чем. Злилась я на себя. За то, что ввязалась в эту сомнительную, дурно пахнущую аферу. Не учла, как сильно происходящее ударит по моей гордости. Даже добровольность и осознанность согласия не избавляли от ощущения мерзкой липкости, будто я недаленовидная, безмозглая особа, которую интересуют только наряды и маникюр. Все это так унижительно. Я закрывала глаза и твердила про себя: «Я помогаю, я всего лишь помогаю...»

От утреннего восторга не осталось ни следа. Какая сказка? Если я и принцесса, то только царства фантазий. Там, в долине, смотрела на Тангавора и ощущала правильность своего решения. А сейчас едва сдерживалась, чтобы не послать все подальше. Загоняла свое раздражение внутрь в надежде, что не взорвусь при людях.

А ночью я металась по гадким зеленым комнатам, терзала тяжелые шторы, то закрывая их, то отдергивая, двигала кресло, переставляла статуэтки, хотя мечтала их швырнуть в стену. Душно, как же душно мне было среди ядовитого великолепия змеиных апартаментов. Даже распахнутые окна не дарили долгожданный покой. И когда я уже отчаялась успокоиться и уснуть, в мою гостиную через не замеченную раньше дверь вошел Тангавор, решительно, без стука.

— Эй, как ты? — поинтересовался он и тут же безошибочно определил мое состояние: — Паникуешь?

— Я так не могу. Я не справлюсь! Я не понимаю, что делать. Ну какая из меня невеста аттара... — Я умоляюще посмотрела на него.

— Очень красивая, — совершенно искренне ответил Тангавор, разглядывая меня.

Я поморщилась:

— Это все унижительно. И что я должна делать? Одеваться как кукла и сидеть... здесь...

— Тебе не нравится эта комната. — Тангавор хмыкнул скорее утвердительно, чем вопросительно, и окинул мою комнату скептическим взглядом. — Тем лучше! Переезжаешь ко мне, — обрадовал он меня, схватил за руку и потащил к той самой двери, через которую вошел.

Мое чувство самосохранения шепнуло: ничем хорошим это не закончится.

— Может, не надо? — Я упиралась и пыталась вырвать свою руку.

Тангавор ничего не ответил, досадливо поморщился, подхватил на руки и понес, ногой распахивая дверь. Через мрачную гостиную с пылающим камином в темную спальню, залитую лунным светом.

— Отпусти, пожалуйста, я тебя очень прошу.

— Обязательно, подожди немного.

Он поставил меня на ноги уже у самой кровати. Рывком сбросил покрывало, откинул одеяло и скомандовал:

— Забирайся.

— Ты же обещал! — Я запаниковала, вспоминая, что контракт так и лежит неподписанный в моей сумке.

— Да ляг ты уже, не собираюсь я тебя трогать! — вдруг рявкнул Тангавор.

Я испуганно юркнула под одеяло, не понимая, что происходит. Аттар мрачно, скупыми движениями укутал меня и лег рядом, поверх одеяла.

— Все, успокойся. Дай мне пять минут, я соберусь с мыслями. Нам о многом надо поговорить.

«Не то слово», — подумала я и зарылась в одеяло по самый нос. И все же он был прав. В его спальне я моментально расслабилась. В едва пробивающемся свете из соседней гостиной я видела стены, обшитые деревянными панелями. Картины на морскую тему. Кажется, на самой большой был изображен шторм. Огромная кровать под балдахином...

Под тяжелым одеялом было так тепло и уютно, что я почти задремала, когда лежащий неподвижно аттар вдруг заговорил:

— Во-первых, тебе снова снился кошмар. Бегать по ночам из своего кабинета до твоей спальни удовольствие маленькое. Ничего не хочешь рассказать?

Я мотнула головой. Признаться, и не помню прошлую ночь.

— Раз я спасаю тебя от твоих кошмаров, значит, будешь спать у меня под боком. — Он махнул рукой куда-то в сторону, видимо обозначая, где находится упомянутый кабинет. Аттар что же, и ночью работает?

— Второе. Я пока плохо представляю, как убедить весь двор, что у нас все всерьез, не раскрывая при этом полностью карты и не портя тебе дальнейшую жизнь. Над убедительной легендой еще работать и работать, но ночи в моей постели однозначно пойдут нашему спектаклю на пользу. И никого не касается, что на самом деле тут происходит.

Я растерянно слушала его сухой и четкий голос, понимая, что о жизни «после» совершенно не подумала. Нет, я точно безмозглая особа. И вдруг снова ощутила себя на краю пропасти. Тангавор перевернулся на бок и прижался ко мне, обняв рукой. Я ощущала его твердое тело даже через слои толстого одеяла.

— Третье. У меня настолько много сейчас работы, что я даже ем на ходу. А ты до сих пор шарахаешься от меня. Напряженная вся. Это никуда не годится. Варя, мне некогда сейчас ухаживать за тобой... — Он зарылся носом в мои волосы и тихо выдохнул: — Не бойся меня, прошу.

Я зажмурилась. Что ж все так сложно?

— Ты должен мне рассказать о владыке, — прошептала я самое очевидное. Весь дворец встревоженно шумел в ожидании приезда Доррейона. Общая нервозность и возбужденность просочились даже в мои зеленые покои.

— Я много что должен тебе рассказать, и ты мне тоже...

Тангавор не договорил, тяжело вздохнул, стиснул крепко и поцеловал меня в висок.

— Спи. Я пока полежу рядом, подумаю.

Тангавор откинулся на скрипнувшую спинку кресла и потер глаза. «Скоро рассвет», — отметил он и закрыл очередной отчет. Через открытую дверь была видна спальня, где так волнительно разметалась на его кровати девушка с карамельными волосами. Варвара, которая доверчиво согласилась принять участие в его афере. «Отвратительно состряпанный карточный домик, вот что это, — поморщился Тангавор, — ведь разрушится от одного неловкого движения».

Лучше, конечно, чем ничего. Сейчас, когда решилась первая задача — найдена актриса, со всей очевидностью стало понятно, насколько смешон и глуп весь спектакль. Ну кого он хочет обвести вокруг пальца... Исайю Доррейона? Лишний вопрос, случайное событие... всего не предусмотреть.

Раздался стук в дверь, и вошел советник. Аттар встал, закрыл дверь в спальню и мрачно посмотрел на друга. Им предстояло проработать все нюансы предстоящей встречи.

Спустя три часа и километры исписанной бумаги аттар почувствовал, что дышать стало как будто легче. Он встал, потянулся, шагнул к стоящей в углу груше и провел серию быстрых ритмичных ударов.

— Хоть бы перчатки надел, — проворчал Сотар.

— Да уже через час заживет, — отмахнулся Тангавор, мягко отстранился и ударил еще.

— Это потому, что у тебя первый уровень, — язвительно отрезал советник.

Аттар отшатнулся от груши и зло посмотрел на сбитые костяшки.

«Карточный домик, готовый рассыпаться от малейшего промаха».

Здесь, в мертвом мире, никто не способен увидеть уровень другого мага, даже Доррейон. «А ему и не надо видеть, — зло подумал Тангавор, — я сам на блюдечке все преподнесу». Бессильная ярость встала комом в горле, от усталости заныли спина и плечи.

— Так. Пиши все, что ты можешь и умеешь сейчас, — сказал он советнику, — а главное, то, что не можешь делать из того, что делаю я.

Сотар склонился над столом, а Тангавор подошел к высокому окну, прижался лбом к стеклу и едва слышно прошептал:

— Не представляю, о чем думали боги, соединяя меня со случайной женщиной. Чудовищная ошибка. Злая насмешка судьбы. — Он повернулся к советнику и махнул рукой в сторону спальни. — Она удивительная. С ней сильнее начинаю жалеть, что не свободен.

— Ну и ну, надо же, — советник осуждающе поморщился, — в вопросах любви ты как мальчишка! Помнится, несколько недель назад ты и Алию к храму потащил...

— Здесь другое, — упрямо ответил Тангавор, — да и кто бы говорил о вопросах любви. Твой контракт... Ты вообще о чем думал, когда такое писал?

— А что там? Я посмотрел, вроде все в порядке, — недоуменно пожал плечами Сотар.

— Посмотрел? Дай угадаю: первые два листа? А составлял кто?

— Михаил, практикант. Хвастался, что может составить совершенно любой контракт, вот и поймал его на слове. Попросил составить контракт об эскорте. А в чем дело-то? Стандартное же все...

Тангавор досадливо махнул рукой. Толку ругать советника, сам тоже хорош, поленился прочитать полностью.

— А ты Варвару спрашивал о карнавале? — прервал молчание Сотар.

— Спросил аккуратно, ненароком. Ответила то же, что у тебя в этих чертовых отчетах: не была, лежала в больнице у себя там, недалеко от приюта. Да и честно, от мысли, что я чуть не затащил в постель шестнадцатилетнюю девочку, меня мутит.

— Вот и надо было затаскивать ту на карнавале и не отпускать. Так, глядишь, и не оказался бы в столь глупой ситуации. Через год у тебя истекает обязательный срок. Как раз сделал бы своей жене ребенка и убрался из Мертвых миров куда подальше.

Тангавор ничего не ответил, было заметно, как сжались его челюсти. Циничная правда. Хранитель может расторгнуть контракт и вернуться в Открытые миры лишь в одном случае — при рождении ребенка. Чтобы дитя росло в Живом мире, среди своих. Варваре не понять, но у айянеров и правда дети — наивысшая ценность. А для Тангавора — билет на свободу. Аттар глубоко вздохнул, чтобы подавить остатки злости. Даже при наличии ребенка подать заявку на прекращение договора можно только после отработки обязательного шестнадцатилетнего минимума, который идет на покрытие долга за учебу. Абсурдный вариант — хранитель в таком случае возвращается домой таким же нищим, каким был до поступления в академию. Тангавор вздрогнул. Еще неделю назад он думал, что найдет однажды пропавшую невесту, максимально быстро женится и... Сделает все, что нужно, чтобы убраться из Мертвых миров. Пусть даже без денег, с женой и ребенком на руках. Но сейчас...

Тангавор закрыл глаза.

«Варвара-вода. Что ж все так сложно?»

ГЛАВА 4

Мозоль на указательном пальце, хоть и совсем затвердевшая, побаливала. Очередной черновик проекта лежал на столе. Можно теперь и с советником обсуждать. Снова. Я жаловалась, что мне скучно? Боялась, что буду нарядной куклой томиться в зеленой клетке? Даже смеяться нет сил.

Неделя пролетела, как сон. А я подписала контракт. Правда, другой. Теперь я внештатный сотрудник управления социальной защиты детей. И моя задача — воплотить дипломный проект в жизнь. Сказать-то легко, а вот сделать... Вначале Сотар принес мою студенческую работу, присланную по факсу из архивов моей альма-матер. И разгромил в пух и прах. От его безжалостной критики пылали уши, хотелось и вовсе психануть и не ввязываться в то, в чем я, оказывается, так плохо разбираюсь. Позже аттар сказал мне:

— Не переживай, это нормальный процесс. Он в этом лучший, раз верит в тебя, значит, есть за что.

Справедливо. Наверно. Мысли о том, что он мстит за скандал в ресторане, я даже не допускала. Почти. Мы ведь взрослые люди. Правда, извиниться за явно излишнюю эмоциональность не смогла себя заставить. Мы оба сделали вид, что ничего не было.

Так и началась моя ни на что не похожая жизнь во дворце. С утра завтрак вдвоем с Тангавором. В прозрачной тишине. Не знаю, как ему, а мне было очень уютно просто сидеть за одним столом и молчать. Единственный час, когда я была счастлива. Днем я работала в кабинете у Сотара. Временно, пока проект не будет готов к представлению. Столько новых знаний — даже в студенчестве мне было не так тяжело. Зато прикрытие хоть куда. Если кто-то и спросит — откуда я такая взялась, спокойно отвечу — по работе. А что касается аттара — так у нас любовь. С первого взгляда... и ведь даже не совру.

Я очень старалась быть сдержанной, воспитанной. Все время смотрела на Ханну-Мэй и впитывала ее невозмутимость и изящность. Непривычная элегантная одежда, прямая спина. Не уверена, что справилась бы без нее. Потому что иногда волком хотелось быть. Забыться в уголок и поскулить от проникающего в сердце холода. Я все время мерзла. Особенно по ночам. Не спасало ни толстое одеяло, ни объятия аттара. Мы спали вместе — и так бесконечно далеко друг от друга. Я словно горела в персональном аду. Вот оно, желаемое, только руку протяни. Но, увы, я с горечью понимала: секс не излечит меня, а лишь усилит агонию. Уйти бы в отдельную комнату, разорвать странную связь между нами. Ведь в моем распоряжении был весь этаж. Но я не могла. Злые шепотки, презрительные взгляды, едва ощутимые намеки на мой статус, неприветливые стены роскошного дворца. А потом один теплый взгляд Тангавора... Сколько ни уговаривала себя, что происходящее ненормально, вечером я со странным облегчением позволяла себе забыться в нежном бархате ночи рядом с ним.

Я словно шла между двух стен: одна грозила спалить меня своим жаром дотла, а другая — заморозить в ледяных объятиях. Лишь тяжелая, изматывающая работа с раннего утра и до позднего вечера спасала меня от бесполезного самокопания.

Иногда я проводила время с Ханной-Мэй. Она рассказывала мне о Мертвых мирах. Скорее всего, чтобы отвлечь. Вряд ли для нее остался незамеченным мой взгляд побитой собаки. Женщины, особенно такие мудрые, как Ханна-Мэй, отлично считают невысказанные мечты глупых девиц.

Я не была уверена, что подобная эрудированность — необходимая черта для невесты из мертвого мира. Но согласилась, что так всем будет спокойнее, и мне в первую очередь. Чем меньше вопросов, которые смогут выбить из колеи, тем лучше. Да и время с Хан ной-Мэй лечило лучше всяких мысленных пощечин самой себе.

Сэрд [8] Доррейон. Владыка Мертвых миров. Маг вне категорий и очень древний. Ему больше шестисот лет, точнее уже никто не знает, даже он сам. Исая Доррейон был сильным и удачливым юношей, любимцем богов, как про него говорили. Однажды познакомился с сейди [9] Марилей и влюбился без памяти. Счастливый брак и аж четверо детей, что невероятная редкость для айянеров. Все сыновья, а вот это уже типично — девочки, как мне объяснили, у них рождались очень редко.

Недолго длилось счастье Исая — его любимая Марилей была убита. Доррейон жестоко наказал всех виноватых. Решительный, уверенный в себе мужчина, всегда привыкший побеждать, смириться с утратой не смог и принял поразившее всех решение. Он отказался от своего титула в пользу старшего сына и занял пост владыки Мертвых миров. Как мне объяснили, для магов пожизненная ссылка на край Вселенной — это страшная участь. В Мертвых мирах магия чуждая, поддается плохо, да и существует только в оазисах, наподобие нашей долины Идайн. Поэтому владыке приходится привязывать свою силу к хаосу, отрезая себе всякую возможность вернуться домой. Теперь только в Мертвых мирах он был магом.

Утром Тангавор предупредил, что по плану сегодня у нас прогулка к храму. Фиктивная поездка, как и я сама. Я скучала по долине Идайн. По дереву. По настоящим звездам. Я тогда была настоящей. А сейчас и вовсе не уверена, кто я здесь...

— А где храм? — спросила я Тангавора. Он зашел в кабинет, где сидели мы с советником, и прервал мои мучения. Взял меня за руку и повел за собой по длинным переходам, казалось, глубоко под землю.

— Далеко в песчаном краю, добраться можно только порталом.

— У вас есть портал? Разве они тут работают? Тут же нет магии. — Ко мне снова вернулось то ощущение, что, казалось, осталось в долине. Сопричастности к чудесному.

— Еще как работают. Заряжаются на редкость долго и только в долине Идайн. Ваш мир как пустыня: воды нет, но это не значит, что ее нельзя принести с собой. При желании можно даже оазис организовать.

— Долина Идайн — оазис?

Тангавор кивнул, и мы вышли в абсолютно пустой зал, выложенный незнакомым мне зеленым камнем.

— Так, вставай сюда. Сейчас настрою, и шагнем.

Он выдал мне амулет, который нужно надеть на шею, — без него, по его словам, я не смогу увидеть порталную арку. Сам Тангавор положил на землю ярко-синий плоский камень и встал над ним. Как только амулет оказался на моей груди, я сразу увидела, как из пальцев аттара идут тонкие, как паутина, голубые линии и сплетаются в сложную схему над камнем. Завораживающе красиво. Как только последняя светящаяся нить заняла свое место — над Тангавором распахнулась огромная серебристая арка, упирающаяся в самый потолок.

— Идем?

Я дрожала от безотчетного страха и предвкушения. На негнущихся ногах подошла к аттару и встала рядом с ним, вплотную к перламутровой пелене, переливающейся внутри арки. Тангавор схватил меня за плечи, втолкнул в мерцающее серебро портала... и мы оказались посреди пустыни. Так странно, совершенно никаких ощущений перехода. Неуловимое движение ресниц — и я в другом месте.

Мы стояли на огромном каменном круге, испещренном какими-то символами. Вокруг нас расстилались песчаные барханы пустыни, медленно вздымающейся в лучах тусклого солнца, без единого зеленого пятнышка. Давящая тишина, нарушаемая шипением беспокойного песка, обжигаяще горячий воздух, висящая в воздухе желтая пыль. Не сразу я увидела вдаль, почти у горизонта, белый храм, практически скрытый танцующими песчаными смерчами. Как я ни старалась, разглядеть его не получилось. Неясное белое здание, чей образ словно ускользал от меня.

— Мы к нему пойдем?

— Нет смысла. Просто посидим тут, а я расскажу все, что знаю о ритуале.

Аттар сел на край каменного круга и приглашающе похлопал рукой рядом. А меня неимоверно тянуло к храму, едва виднеющемуся среди песков. Нестерпимо хотелось его разглядеть, а еще лучше — потрогать.

— Почему? Давай сходим!

— До него идти часа два, по жаре и топкому песку, и обратно столько же. Нет времени. Да и ты все равно войти внутрь не сможешь.

Его голос казался тусклым, а сам Тангавор был хмур и сосредоточен. Недовольно вздохнула и села рядом с ним.

— Этот белый храм принадлежит Тьме, богине-матери, что отвечает за брак, семью и материнство. То, что происходит внутри, — дело весьма интимное. Есть общее мнение, что у каждой пары свой обряд. Так что не бойся, что Доррейон задаст тебе вопрос, на который ты ответишь неверно.

Станный отрешенный тон аттара, тишина и спокойствие пустыни, призрачный храм, паривший в облаке песка, — все создавало ощущение нереальности.

— Одно неизменно: там внутри мужчина-айянер читает возлюбленной клятву своего рода. У каждого рода своя особая, о ней опять же не принято расспрашивать. Женщине же достаточно просто сказать «да». Мужчина в ответ дарит ей украшение. Тоже регламентов особых нет. Хотя все привыкли к браслетам. В Открытых мирах на них накладывают множество полезных заклинаний, превращая украшения в полезные артефакты.

— А женщина дарит украшение?

— О да. — Тангавор невесело усмехнулся, потирая плечо, — в тот момент, когда избранная принимает клятву айянера, у него появляется особая татуировка. Прекрасное, неснимаемое украшение. Знак зрелости, знак того, что мужчина готов остепениться и нашел ту, с которой готов прожить всю оставшуюся жизнь. Символ того, что мужчина скоро введет в род свою жену.

А его голосе была непонятная мне злость. Тангавор вдруг обнял меня и притянул к себе, уткнувшись носом в волосы. Мы сидели на теплом камне. Как же, наверно, здорово ощущать, что за тобой целый род, семья, которая тебя ждет и любит.

— А у женщины? Появляется татуировка у невесты?

Аттар покачал головой:

— Только после свадьбы. Знак того, что она принята в род.

Тряхнула головой, пытаясь сбросить наваждение. В храм по-прежнему тянуло невероятно. Глупая, аттар не выбрал тебя, нечего тебе там делать!

— Я все поняла. Мы вошли в храм, ты прочитал мне слова клятвы, я ответила «да», все остальное никого не касается. Мы вышли из храма. У меня... и где мое украшение?

Тангавор залез свободной рукой в карман и достал темно-синий бархатный мешочек. Лукаво улыбнулся и протянул мне.

— Как раз из-за украшения мы не поехали сразу. Хотелось подарить тебе что-то особенное.

Я осторожно приняла подарок, развязала тесемки и перевернула мешочек. На подставленную ладонь выпал кулон: крошечный серебристый дракон, обвивающий полупрозрачный голубой камень.

— Это?..

Я ошарашенно посмотрела на Тангавора.

— Да, это Слеза Идайн.

Я в восхищении рассматривала тонкую резьбу. Изящный кулон был сделан из незнакомого мне металла. Казалось, что я вижу каждую чешуйку на длинном теле дракона. Янтарная голубая слеза была отполирована. И мне снова казалось, что внутри сияют золотистые искры.

— Варвара. Пусть обряд у нас фальшивый, но подарок настоящий, слышишь?

О мой ласковый тигр, безошибочно угадывающий мое состояние. Тебе даже не надо выпускать когти, я сама рву свое сердце на части.

— Спасибо!

В моих глазах стояли слезы, когда дрожащими руками я пыталась застегнуть цепочку кулона. Я отвернулась, чтобы Тангавор ничего не заметил, и спросила, снова разглядывая плывущий и манящий образ храма:

— А татуировка?

— Пусть тебя это не беспокоит.

ГЛАВА 5

Где-то среди заброшенных осколков Мертвых миров на краю Вселенной

Выжженная черная пустыня вздрагивала и стонала под резкими ударами ветра. Как ненасытный зверь, он проносился над безжизненной равниной и с резким свистом летящего кнута бросался на голую землю, покрытую трещинами. Не всходило солнце над черной пустыней, не согревало ее своими лучами. Вечная ночь и бесконечные пытки острым злым ветром лишь изредка нарушались срабатывающим порталом каменного круга.

Мужчина, что вышел из распахнувшейся серебристой арки, привычным движением накинул капюшон, чтобы скрыть лицо от колючего ветра, подхватил порталный камень, стирая единственный источник света, и направился в сторону стоящего неподалеку мертвого леса. Дорога вела к отвесной скале, где в окружении высохших корявых деревьев высился мрачный замок. Тайное убежище вот уже последние четыреста лет.

Мужчина прошел совсем немного по направлению к замку, когда навстречу ему выехал отряд всадников в полном боевом облачении. Путник хмыкнул, остановился и сел на ближайший валун спиной к ветру. Конная группа подъезжала молча и степенно. Вскоре в неверном свете звезд стали различимы расслабленные фигуры, опущенные копыта и черный конь без седока, чьи поводья крепились к седлу последнего всадника.

Остановившись в десяти шагах от путника, наездники спешили, перехватили лошадей под уздцы и резко опустили, встав на одно колено. Торжественно, под хлопки развевающихся плащей они поклонились своему господину, вернувшемуся домой. Ветер подхватил лязгающий звук удара доспехов о камни и сдержанное приветствие:

— Рады приветствовать вас, господин.

Мужчина устало поднялся с валуна и нетерпеливо махнул рукой. Ему тут же подвели богато убранную лошадь. Вскоре отряд всадников, возглавляемый господином, стремительно мчался к темной громаде крепости.

Миновав открытые ворота, путник спрыгнул с коня, кинул поводья подбежавшему слуге и скрылся в замке. Вверх по лестницам, вглубь по темным коридорам к высокой башне, где хранилось его сокровище. Вот она, тяжелая резная дверь, потемневшая от времени. Мужчина распахнул ее и застыл на пороге, с тоской и нежностью разглядывая хрупкую фигуру белокурой девушки внутри сияющего прозрачного кокона. Спящая красавица дочь, вот уже несколько столетий ждущая, когда отец сможет избавить ее от недуга. Сплетенный из тонких силовых нитей кокон, словно нераскрывшийся бутон, скрывал девушку от злого мира, оберегал от старения и сохранял жизнь. Ножка сверкающей колыбели уходила далеко вниз сквозь старые камни к сердцу осколка — к сверкающему синему источнику силы хаоса. К погибающему кристаллу, чье время было на исходе. Прекрасный цветок, защищающий жизнь красавицы, иссушил некогда прекрасный мир, выпил досуха, выжег дочерна. Ничего живого более не осталось в этом мире, кроме мрачного замка и его обитателей.

Мужчина жадно вглядывался в безмятежное лицо дочери.

— О моя Лалиней... — в голосе было столько тоски и отчаяния.

Убедившись, что за время его отсутствия ничего не изменилось и девушка все так же спит, господин устало пошатнулся и сел на ближайший стул у двери.

— Как твои поиски, Бранд? — раздался низкий бархатный голос, и в углу шевельнулась фигура, скрытая мраком.

Мужчина перевел тяжелый взгляд на сидевшую там женщину:

— А твои?

Она не ответила, встала, подошла к столу и зажгла свечи одну за другой. Нехотя отступая, сумрак сжался по углам. В свете огней стала видна женщина со смуглой кожей и темными волосами.

— Практически ничего интересного. — В чувственном голосе послышались нотки усталости.

Мужчина внимательно посмотрел на сестру.

— Практически? — холодно и почти безразлично поинтересовался он, вставая и подходя к столу. — Ну же, дорогая, что ты нашла?

— Право, это какие-то бесполезные легенды.

Бранд плеснул себе в бокал янтарной жидкости с терпким запахом, терпеливо дожидаясь, когда Маритта перестанет жеманиться. У нее — он всегда это признавал — есть нюх на стоящую информацию. Именно поэтому он отдал ей второе свое сокровище после красавицы Лалиней — ключ от библиотеки ушедших драконов. Прозрачно-алмазный порталный камень, ведущий в давно утерянное хранилище запретных знаний. Утерянное для всех, но не для него. В самом начале, когда он миры переворачивал в поисках лекарства от недуга, завладевшего дочерью, ему посчастливилось раздобыть ключ от дверей, за которыми могла быть спрятана полезная информация. Библиотека была столь огромна, что и нескольких жизней не хватит, чтобы прочитать хотя бы названия книг. Но Маритта... Невыносимая сестра, которую он иногда мечтал выпороть за раздражающую нелогичность. Ведьма и святая дрянь. У нее был странный дар ощущать связи между настоящим и будущим. Она была «ищейкой», идущей по запаху судьбы. И если на что-то обратила внимание, значит, это важно.

Женщина грациозно повела тонким плечом под струящимся шелковым платьем и нехотя рассказала:

— Мне в руки трижды попадались книги, разные, но в то же время в них было нечто схожее. В каждой на разный лад упоминалась история о том, как обычные средненькие маги влюблялись в женщин среди первых людей, и их сила неожиданно возрастала в момент помолвки. Я пыталась найти в библиотеке более подробную информацию, но остальные книги молчали. Так что, скорее всего, это байки.

Маритта безмятежно наклонила голову и посмотрела на огонь сквозь стенки бокала.

— Одна история была в стихах — так красиво... Хочешь, прочитаю?

Ей нравилось бродить по бесконечным залам библиотеки. Сухой воздух, наполненный запахом истории. Язычки вечного огня в бронзовых канделябрах. Кто создал эти чудесные чертоги памяти, в которых она ощущала себя как дома? Она никогда не искала в библиотеке книги. Лишь шла, танцевала, кружилась и пела, пока руки сами собой не накрывали нужный корешок с выдавленными буквами. А как волшебнo взлетали призрачные чешуйки пыли, когда она распахивала страницы, жаждущие поведать миру очередную историю. Трепет и восторг. Не все, что раскрывала ей библиотека, она после рассказывала Бранду. Но эти три истории предназначались именно ему. Кто знает почему? Простые истории о великой любви. Разве есть что-то особенное в любви к женщинам из первых людей?

— Какие-то «особенные» женщины, — нахмурился Бранд, понявший смысл историй совсем иначе.

Маритта удивленно посмотрела на него. О жестокий брат, не верящий в любовь. Он готов сам сочинять сложное и многосоставное объяснение, лишь бы избежать даже намека на реальность силы любви. Сестра мягко возразила:

— В двух историях говорилось о «даре любви».

— Значит, у них есть какой-то дар усиливать выбранного мужчину, — гнул свою линию Бранд. — Видимо, речь шла о катализаторе или о какой-то особой крови. И сильно менялся уровень мага?

— На несколько уровней.

Маритта не стала спорить. Бранд — великий ученый, чье имя известно во многих мирах, ему виднее.

Глаза же мужчины жадно заблестели. Вот оно! Значит, среди первых людей есть женщины, чья кровь может усилить лучше, чем даже кровь магов первого уровня! Несколько уровней... этого должно быть достаточно, чтобы наконец вывести силу Бранда на высочайший уровень. Перешагнуть через грань между первым уровнем и силой вне категорий. Невероятно! Маритта ничего не понимает.

«В смерти первого мира спасение последнего...»

Пророчество драконов. А не о забытом ли даре оно? Спасение в первом мире. В мире, который, судя по найденным историям, скрывает в себе источник могущества аяянеров — последних творений богов. Может, ради этого давным-давно возродили первый мир из пепла после смерти. Разве это совпадение, что найденные истории в библиотеке драконов наполняют их же пророчество новым смыслом?

Кто другой бы отмахнулся, но не Бранд — он знал, что Маритта ничего не находит случайно. Кулаки его хищно сжались. И раз она нашла «подсказки» именно сейчас, значит, такая особенная женщина ему обязательно встретится. Главное, не пропустить, а он умеет ждать и наблюдать.

— И как найти этих самых «одаренных»? Что говорится о ритуалах? Что нужно сделать, чтобы сработал этот их дар?

— Любить, — прошептала Маритта, но брат ее даже не услышал.

— Ничего, с этим я разберусь. Сначала надо разыскать.

Не счесть ритуалов, кровавых и черных, проведенных им твердой рукой. Наверно, нет ни одного темного заклинания, что не попробовал, не испытал жадный до знаний и власти мужчина, ищущий способ излечить дочь. Пусть только попадется ему в руки девушка с непонятным «даром любви». Он был уверен, что при необходимости разработает нужный ритуал сам.

— При чем тут любовь? Странное название дара.

— Вероятно, нужна искренняя любовь?

Бранд досадливо поморщился. И снова Маритта про свою «любовь». Про великую, якобы

сокрушающую любые преграды. Сказки для бедных и слабых. Биология, особая игра гормонов, и ничего больше. Ему известно доподлинно, как меняется состав крови тех, кто испытывает первые сильные чувства влечения и сопричастности к великому «чуду любви». Наука, точная система химии и магии — и никакого волшебства.

Бранд тяжело опустился в кресло и задумчиво уставился на танцующие огни свечей. Маритта села рядом на подлокотник и тихо спросила:

— Ты будешь продолжать выезды? Ведь судя по всему, ты еще долго будешь иссушать магов первого уровня, чтобы обрести силу вне категорий. Хотя не думаю, что и это тебе что-то даст.

— Молчи, — вяло отрезал Бранд, — не твое дело.

Маритта едва слышно вздохнула. Одержимость брата уже мало удивляла. Она была уверена, что Лалиней ничего не поможет. Даже если Бранд достигнет силы богов. Нет от подобного недуга лекарств, не существует заклинаний.

Мужчина шурился на огонь в камине. Он сам затеял инспекцию Мертвых миров. Ненужная процедура, по мнению многих. Миры работали как часы, не нуждаясь в проверке. Прекрасно обученные хранители отлично справлялись со своей работой. Нет смысла их проверять и контролировать. Несколько отчетов в год для профилактики, пересылаемых по эль-связи, было всегда достаточно. Никто не знал, что Бранду было наплевать на работу хранителей. Он искал незащищенных в Мертвых мирах магов первого уровня. Зло и отчаянно. И потому что сильные маги теперь не жаждали стать хранителями, и потому что даже такой мощи Бранду все равно стало недостаточно.

Маритта устало спросила:

— И какой мир следующий?

— Краор. Там руководит Тангавор Скай-Дарао. Пятый уровень, по последним данным. Думал, что будет очередная трата времени, но теперь... — Мужчина посмотрел на безмятежное лицо дочери, застывшей вне времени, и нежно прошептал: — Я тебя вылечу, и ты снова будешь совершенной девочкой, моей Лалиней.

Маритта отвернулась, чтобы он, не дай боги, не увидел выражение ее лица.

— Скай-Дарао? — переспросила она.

— Да, сын нашей племянницы. — Судя по голосу, Бранд был не в восторге от перспективы встречи с родственником.

— Возьми меня с собой. Я умираю в этой темноте.

Даже так? Бранд ухмыльнулся. В мире Краор определенно надо будет внимательно смотреть по сторонам, раз даже Маритта туда просится. Сладкое предвкушение сгущало кровь и ударяло в голову.

ГЛАВА 6

Одиночество — это то, что мы сами придумываем, когда нам никто не говорит три простых слова...

— Для кого весь этот грандиозный прием? — поинтересовалась я у Тангавора за завтраком.

— Для Круга Посвященных. В основном это перспективные ученые. А также творцы, дельцы, те, кто нас заинтересовал. И мы не против, чтобы они покинули Мертвые миры.

— Да? Можно уехать?

— Можно, но существует столько условий, что покидают осколки буквально единицы.

Я нахмурилась:

— То есть вы решаете, кто достоин жизни в Открытых мирах, а кто нет?

Тангавор улыбнулся:

— Там огромный и жестокий мир, основанный на кастовости и магии. Глупо вывозить людей отсюда, чтобы они пополнили армию нищих. Поэтому главное условие — наличие рабочего контракта. Больше всего везет ученым — мы ежегодно отправляем научные проекты в Высший Совет Мертвых миров. Случается, что автор идеи признается перспективным — тогда ему предлагают должность в каком-либо научном центре, что дает приличное положение в обществе.

Я насупилась, вынужденно признавая его правоту.

— То есть вы забираете у нас лучших людей?

— Да. — В его усмешке мне слышался подвох.

— И многие уехали за твое правление?

— Один ученый.

— Всего один? За... — Я неопределенно повертела рукой, сообразив, что совершенно не знаю, сколько правит тут Тангавор. Я секунду назад злилась, что они забирают у нас лучших, а теперь расстроилась, что всего одного.

— По моим данным, в среднем уезжает один человек за полстолетия.

— Тогда зачем весь этот Круг Посвященных? Раз вы точно знаете, что там нет никого «достойного».

— Это стимул для людей развиваться.

Так легко забывается, что рядом не обычный мужчина, а Высший. Айянер, присматривающий за глупыми людьми, умудрившимися уничтожить свой мир. Вправе ли Высшие решать, кому и где жить? А заслужили ли мы право на свой выбор?

— Вы настолько нас лучше?

— Я так не считаю, — ответил аттар тихо и совершенно серьезно.

Где он, свободный и разумный человек, в которого я верила с детства? Ханна-Мэй, выбравшая жизнь здесь, наверняка понимала, что домой уже не вернется. Она сознательно выбрала жизнь в клетке. Но не выглядела как человек, отказавшийся от свободы. Да что там, большая часть

живущих во дворце людей оказались иммигрантами из Открытых миров. Они решили, что жизнь в Мертвых мирах лучше, и переехали прочь от магии и прочь от драконов.

К тому же Тангавор недавно сводил меня в библиотеку и показал, как на самом деле жили первые люди. Разве справедливо было называть клеткой мир, где нас берегли от войн, эпидемий, диктатуры, голода и нищеты?

Я бродила между идеально подстриженными кустами в дворцовом парке и подглядывала за сосредоточенной суетой профессионалов. В центре парка собирали из зеленого камня порталную площадку. Оказывается, подвальная не выдержит такого сильного портала.

Чем больше я пыталась понять мотивы Тангавора, тем очевиднее для меня была в его желании иметь невесту мальчишеская прихоть. Вот только в картину пошлой бравады не укладывались затраченные ради достоверности спектакля усилия. Видимо, у Высших свои непонятные мне игры. Тангавор к каждому жителю дворца применял ментальное внушение. Легкое надавливание, постепенное, и вскоре все уже видели во мне исключительно невесту. Законную и уместную.

Я свернула в закрытую часть парка и направилась к стеклянному розарию. Мое любимое в последние дни место. Внутри теплицы стояла влажная жара, такая же как в долине Идайн. С наслаждением распустила волосы и двинулась вдоль кустов.

Тангавор не удивился, когда пару недель назад я переехала в персиковые покои на другом конце этажа, — до меня дошли слухи, что он сбил руки до крови, когда ушла Алия. С тех пор ночи стали для меня мучительно бесконечными. Мне снова и снова снился храм. Я стояла на пороге, ощущая, как клубившаяся меж свечей тьма сердится на меня. Непонятное чувство вины душило и вызывало слезы. Отчаянно рыдая, я молила темноту... и каждый раз при пробуждении не могла вспомнить — о чем. Что выпрашивала у суровой и непреклонной тьмы? А еще ждала. Ждала, когда меня кто-то неизвестный коснется теплой ладонью и поведет за собой. Поможет переступить порог и пройти непонятную дорогу до конца.

Я просыпалась в поту, среди смятых простыней. Отчаянно хотела, чтобы он был рядом и согревал в объятиях. Но он не приходил.

А Тангавор, наверно, вернет Алию, когда отпадет нужда в этом странном фарсе, и будет согревать ее в своих руках. Ведь не случись этого визита владыки, девушка по-прежнему была бы в его жизни. Жила бы в тех зеленых покоях, где я остро ощущала себя чужой. О боги, выставить ту, с которой прожил столько лет, ради трех дней спектакля? Чудовищный цинизм или действительно желание выжить? А в моем желании довести дело до конца чего больше — гордости или глупости?

Я стояла среди красоты роз, закрыв глаза. Запах — вот что было самым удивительным и драгоценным для меня. Точно так же пахло среди ветвей дерева Идайн. Тяжелый волнующий аромат, вызывающий лучшие воспоминания. Не глядя, провела рукой по сочным бутонам, наслаждаясь бархатом нежных лепестков. Правильно ли то, что я задумала?

Завтра приедет владыка Доррейон. Три дня странного спектакля, в котором я не вижу ни малейшего смысла. И все. Я смогу вернуться к своей прежней жизни. Будет ли моя жизнь на самом деле прежней?

Не важно, правильно или нет то, что я задумала... Я хочу. Сумасшедшее желание оставить себе

на память хоть что-то. Я уверена, он не откажет. Не оттолкнет.

Смеркалось. Я вышла из розария и пошла в сторону дворца. Солнце уже скрылось за крышей, и тень от здания была густой и блаженно-прохладной.

Декораторы с наступлением темноты зажгли развешенные ранее гирлянды, чтобы убедиться, что все огоньки горят и переплетения светящихся линий создают гармоничную картинку. Я невольно замедлила шаг, пораженная, насколько сказочно выглядит парк вечером. Аккуратно подстриженные деревья, увитые лентами. Робкая полупрозрачная весенняя зелень завтра будет дополнена венками из цветов. Ажурные арки, увитые плющом, вынесенные из теплиц экзотические пальмы в изящных горшках, богатое убранство и тысячи словно паривших в воздухе огней — все сплеталось в удивительную сказку. Как же красиво! Я кинула последний взгляд на сверкающий парк, похожий на шкатулку с сокровищами, и бросилась в спасительную тишину своих комнат.

Тангавор обычно заканчивает работу около полуночи. У меня еще несколько часов, за которые нужно не растерять решимость. Мне становилось все холоднее, и я то пыталась согреться под горячим душем, кусая губы от стыда, то сидела на подоконнике, прижимала лоб к оконному стеклу и вглядывалась в темноту.

Чем ближе подступала полночь, тем сильнее меня трясло от волнения и страха, а сердце начинало биться как бешеное. После разрыва с Романом пустота, поселившаяся внутри, скребла и терзала душу, ни на миг не отпуская. В моей жизни было немало мужчин, хороших и плохих, но лишь Роман смог разрушить во мне веру во что-то неосязаемое, что я сама себе с трудом могла объяснить. Может, поэтому я так боялась аттара — рядом с ним рушились тщательно возводимые стены. Меня одно утешало — он был честен со мной, не обещал ничего и не дарил ложных надежд. И тем не менее я сама, словно мотылек, летела на его огонь. О мой ласковый тигр...

Я запретила себе думать, прошла через весь этаж, погруженный в темноту, и открыла дверь покоев, которые занимал Тангавор. Опасалась, что он будет спать и у меня не хватит решимости его разбудить, но он сидел, глубоко задумавшись, перед камином. Я замялась на пороге, страшась, что он не поймет мою невысказанную просьбу. По телу пробежал холодок сомнений. Он медленно повернулся и посмотрел на меня. Тишина и спокойствие, царившие в его гостиной, желтоватый отсвет от иллюминации в парке — все создавало ощущение нереальности. Вглядываясь в его темные глаза, где бушевали рыжие всполохи от огня в камине, я неторопливо развязала пояс халата. Ткань тяжело скользнула по ледяной коже и упала к ногам. Холодный воздух обжег словно огонь. Страх, желание и стыд — все это перемешалось внутри, меня трясло, и хотелось сбежать.

Его взгляд блуждал по моему телу, словно Тангавор был не в состоянии понять происходящее. Но не успела паника накрыть меня, как я оказалась в его объятиях. Он жадно впился в мои губы, а его руки, большие и сильные, обхватили талию. Я никак не могла унять бившую меня дрожь.

— Варва-а-ра, не надо, не бойся, — прошептал он, подхватил на руки и понес в спальню.

Бережно опустив меня на кровать, он медленно расстегнул пуговицы на рубашке, а затем ремень брюк. А я лежала и смотрела, не в силах отвести взгляд. Луна неровным светом скользила по его плечам. Он присел рядом и нежно поцеловал мое колено. Его широкие теплые ладони начали медленно скользить по моей коже. Он не спешил.

— Вар-ва-ра. — Тангавор словно смаковал мое имя, его голос проникал во все клеточки моего тела, горячим дыханием обволакивая кожу. Жарко, пьяняще.

Он гладил ноги, бедра, живот. Шептал, какая я красивая. Целовал мои холодные руки, жадными поцелуями покрывал каждый сантиметр моей шеи. Томительное тепло зародилось в груди и распустилось по всему телу. Моя тревога отступала. Я всхлипнула, ощущая долгожданную свободу от колючего холода, что поселился в сердце. Расслабилась и отдалась воле волн, которые начали захлестывать меня. Сколько раз мечтала провести руками по шелковистой коже аттара, скрывающей твердость мышц, погрузить пальцы в смоляные волосы. Я обхватила его лицо руками и припала к его губам крепко и страстно, вкладывая всю боль и страсть в желанный поцелуй. Тело пронзил сладкий ток. Движения Тангавора были мягкими и медленными, словно он боялся сломать что-нибудь очень ценное. Тело уже не слушалось меня, выгибалось дугой, и я растворялась в чувственном ощущении наполненности. Я сгорала от близости крепкого мужского тела, от нежных поцелуев. Ощущала себя желанной, а не куклой. Во мне поднималась целая буря, сметающая остатки сомнений и стыда. Я с головой ринулась в сумасшедший танец обнаженных слившихся тел...

В этот раз сон был совсем другим. Ни тени сомнения, ни капли страха. Подхваченная сильными руками, я была словно внесена сразу в центр чернильной тьмы внутри храма. Кто-то невидимый произносил слова на незнакомом мне языке, а я в ответ одну за другой гасила свечи. Ладонью, совершенно не ощущая огня. Пламя ласково льнуло к коже и, угасая, теплой нежностью наполняло меня. Вскоре мне стало казаться, что внутри уже не хватает места распирающему меня восторгу. Переполюющий жар впитанного огня пьянил, голова шла кругом, и хотелось петь от счастья. Непонятные слова вдруг обрели значимость, и я услышала: «Ты — мое дыхание, ты — каждый удар моего сердца, ты — волшебство». Невидимые ладони еще крепче сжали мои плечи, подводя к последней свече. «Ты будешь моей избранной? Станешь моей единственной, мой удивительный дар?»

— Да! — с облегчением ответила я, сняла огонь со свечи и приложила к груди, внося его в самое сердце, растворяя в себе без остатка. Довольная тьма хлынула и укрыла нас непроницаемым бархатом тишины и покоя...

Солнце влезло в окно и разбудило меня своими свежими лучами, пахнущими радостью. Тело приятно ломило после долгой ночи без сна. Воспоминания о том, каким жестким и одновременно нежным был Тангавор, опаляли щеки румянцем. Бархатная южная ночь. Сладостные судороги сплетенных тел. Тяжелое дыхание одно на двоих. И как здорово было засыпать кожа к коже. Надо же, как удивительно спит аттар — оплетая женщину руками и ногами, словно добычу. Мои утренние попытки выскользнуть и спастись бегством потерпели поражение. Стоило шевельнуться, и он, сонный, шумно втянул воздух носом, словно вдыхал аромат волос, и спросил едва слышно:

— Варвара, в чем дело? Что тебя беспокоит?

Невыносимо нежно. Мне хотелось заплакать, когда я услышала тревогу в его голосе. Разве я могла ему рассказать, что люблю? Себе самой едва осмелилась признаться. Я лишь улыбнулась и провела ладонью по его щеке, покрытой утренней щетиной. Мой терпкий мед с запахом полыни.

Каждую минуту утра он обнимал меня, целовал и шептал глупости. Разве я могла ему рассказать, что мечтаю о взаимности? Он однажды выберет другую и назовет ее своей

избранной. Мой ласковый тигр найдет свою шаари-на. А мне останутся слезы. Голубые слезы Древа Жизни. И маленький серебристый дракон. Я сейчас сожалела лишь о том, что мне не хватило цинизма и равнодушия прийти раньше. Пусть это прозвучит банально, но так хорошо мне не было ни с кем.

ГЛАВА 7

Тангавор стоял перед порталной площадкой и ждал.

Время тишины. Даже ветер присмирел и не шумел листвой. Через несколько минут начнется действие, внутри которого аттар запрятал свой маленький спектакль. Три дня — много или мало? Все зависит от цели Доррейона. Если действительно затеяна простая инспекция — то время пролетит незаметно. Придаться не к чему. Но если владыка приедет с подозрениями и жаждой найти мага первого уровня — три дня растянутся до бесконечности.

Солнечные лучи проскальзывали сквозь робкую зелень, игриво огибали тонкие ветви и падали на застеленную коврами дорожку, ведущую к порталному кругу в тени шатра. Воздух ласкал сладкими ароматами проснувшейся земли и сорванных цветов. Шелковые шатры, ковры, гирлянды, ленты, цветы и обязательная торжественная музыка.

Тангавор терпеть не мог всю эту показную роскошь, но советник верно сказал, что простота и естественность — не лучший фон для маленькой фальши. Обман удобнее всего прятать среди шума и суеты.

Рядом стояла Варвара, скованная, напряженная. Вряд ли она подозревает, какая мешанина чувств прячется за маской невозмутимости Тангавора. Страх и надежда, любовь и тоска. Решимость и отчаяние. Понимание, что в самую важную минуту он думает не о прибытии важных гостей, а о ней. Об удивительной женщине, которая была найдена для спасения его жизни, а теперь, сама того не ведая, губила его сердце. Все недели сбегала от него, просачивалась сквозь пальцы обманчивой водой, а вчера сама пришла. Хрупкая, открытая, дрожащая словно натянутый нерв. И вдруг все стало не важно. Ни приезд владыки, ни страх за собственную жизнь. Впервые он воспринимал женщину как дар, как великое сокровище. Он пил ее и погибал. Варвара-вода, столько дней казавшаяся холодным морем, вдруг обрушилась на него сносящим цунами.

Он по-прежнему мечтал найти ту неизвестную с карнавала, вот только теперь он хотел разорвать с ней помолвку.

Открывшаяся арка портала сверкнула молочным перламутром. Шагнули охранники, оценивающим взглядом просканировали местность. Следом вышли улыбающиеся магистры.

Вот и время встречать страх.

Тангавор так стиснул зубы в ожидании Доррейона, что лишь спустя несколько секунд осознал, что смотрит в серые и равнодушные глаза сейра [10] Бранда Гильфонда. А за ним с привычной странной улыбкой вышла Маритта, его сестра. Арка схлопнулась. Владыка Доррейон не приехал. Вот уж точно, жизнь полна внезапных и странных поворотов. Вместо высокопоставленного противника приехали заклятые родственники.

Неспешное шествие по ковровой дорожке. Приветствия. Бранд ни словом, ни жестом не показал, что узнал в Тангаворе родственника, и с наслаждением наблюдал за едва

различимыми признаками внутреннего смятения на лице внучатого племянника. Бранд в последнюю секунду передумал предупредить Тангавора об изменениях в составе делегации. Хотел взглянуть, как тот справится с ситуацией. Не без злорадства отметил, что тот вырос, но не повзрослел. Совсем еще щенок, играющий в правителя. Впрочем, все хранители таковы — вчерашние дети, сменившие одну песочницу на другую. Бранд снисходительно выслушивал приветственные речи и терпеливо ждал, когда этот никому не нужный фарс закончится.

Тангавор произносил заученные слова и ощущал себя донельзя глупо. Словно он мальчишка, испугавшийся своей тени. И злость на себя и всю ситуацию грозила выплеснуться по любому поводу.

А значит, время держать лицо.

Сейр Бранд Гильронд. Тангавор внутренне зло усмехнулся: боги проучили его. Вместо воображаемого страха бросили в лицо настоящий. Огромная Вселенная со свойственной ей настойчивостью столкнула их именно в этой точке. Он ненавидел и боялся своего дядю. Потому что когда-то восхищался им, почти боготворил.

Гостей увели в приготовленные для них покои, где они могли отдохнуть перед вечерним приемом. Принимающая сторона во главе с Тангавором ничем не выдала, что ожидался другой гость. Лишь на секунду мелькнуло испуганное выражение на лице Ханны-Мэй. Одно неумовимое движение ее руки, и по парку пронеслась волна едва видимых изменений, учитывающих вкусы неожиданных гостей. Декораторы спешно заменяли в композициях белые лилии на свежесрезанные орхидеи.

Тангавор убедился, что все идет как надо, и подошел к стоявшей неподалеку Варваре.

— Ты хорошо держалась.

Она неопределенно пожала плечами и улыбнулась ему. Варвара вряд ли бы смогла объяснить ему, что ожидала чего-то другого. Посреди сказочного великолепия первый акт встречи прошел буднично и обескураживающе быстро. Она ощущала легкое разочарование. В памяти остались лишь свой заученный почтительный реверанс да приклеенная улыбка. Никто ни о чем ее не спрашивал, и, как ей показалось, никто на нее и не смотрел. Лишь глава делегации мазнул равнодушным взглядом, и все. Варвара теперь стояла у шатра, украшенного вставками из полупрозрачной ткани, и пыталась вспомнить лицо сейра Бранда Гильронда. Невыразительное, неприятно размытое.

— Идем. — Аттар потянул ее за руку. Мимо шатров, фонтанов и арок в розарий. Тангавор подвел Варю к скрытой плющом скамейке и усадил себе на колени.

— Я бы все отдал, чтобы узнать, о чем ты думаешь, — прошептал он.

— Где Доррейон? — тихо спросила она.

Тангавор рассмеялся:

— Политически вежливым языком мне объяснили: сэрд Доррейон еще после визитов в первые два мира сказал, что с него достаточно. Мол, сейр Гильронд с командой вполне справится без него. — Аттар намотал на палец прядь Вариных волос.

— Тебя это беспокоит?

Тангавор криво усмехнулся:

— Сейр Бранд Гильронд — известный ученый, уважаемый айянер и... мой родственник. Догадываюсь, почему он не предупредил меня. Не уверен, что факт родства на что-то повлияет. Моя матушка про него много рассказывала. Наша семья гордится им. Хотя на самом деле мы для него всегда были пустым местом. Седьмая вода на киселе. После смерти жены Бранд работал как иступленный. Сделал ряд важных открытий для наших миров. Биолог, гематолог, инфекционист. Говорят, в прошлом столетии только благодаря ему смогли остановить страшную эпидемию Кранзиц. Но больше всего он известен своими работами по исследованию крови. Законы, магия, наследственность, болезни...

— У вас все айянеры после смерти жены спасаются работой?

— Это хороший способ скоротать время.

— Скоротать? — удивленно выпалила Варвара.

Тангавор притянул ее к себе и зарылся лицом в волосы. Спустя несколько минут он отпустил Варвару, и они поднялись со скамейки. Когда уже почти подошли к выходу из розария, аттар остановил девушку за руку, развернул к себе и сказал серьезно:

— Бранд Гильронд — невероятно известный ученый, его все уважают, если не боготворят. Но ты должна знать, что у него хватает странностей и эксцентричных привычек, о которых, правда, не принято говорить. Попрошу Ханну-Мэй тебя до вечера подготовить.

— Ты про лилии?

— И это тоже. Сама увидишь.

Тангавор поднес ее руку к губам. Сердце Варвары забилося быстрее, когда он нежно поцеловал ладонь, а перед тем как выпустить, сжал пальцы.

— Отдохни немного перед приемом...

Тангавор проводил взглядом хрупкую фигуру Варвары в золотистом платье и шумно вздохнул. Хотелось броситься вслед за ней и запереться вдвоем в спальне. Хотелось убедиться, что ночь не привиделась, что девушка наконец пришла...

Нежность к Варваре щемила и перехлестывалась злостью к своей нелепой судьбе. Он боялся, что из-за случайной девчонки с карнавала однажды раскроется тайна его уровня. Но он и представить себе не мог, что опасаться надо иного. Что однажды он встретит ту, которая живительным дождем омоет его сердце и перевернет все с ног на голову.

Аттар тряхнул головой и направился в кабинет к советнику.

— Немилость? — Сотар с ходу озвучил недавние мысли Тангавора.

— Не знаю. Может, это действительно рутинная инспекция и мы зря переполошились?

— Стоит ли опасаться сейра Гильронда? — спросил советник, просматривая в который раз список гостей, меню, программу вечера. Так много всего нужно держать в центре внимания. Все должно пройти на высшем уровне.

— Ты знаешь, кто он?

— Ученый, знаменитость в определенных кругах, жесткий, беспринципный гений. — Сотар пожал плечами.

— Он брат моего деда по материнской линии.

Советник удивленно вскинул брови:

— И где же бурный восторг и теплые объятия с похлопываниями по спине?

— Ты серьезно?

— Понял, родственные связи не учитываются. И все-таки стоит ли его опасаться?

— Не уверен, что знаю ответ. Если только его привычек, — зло усмехнулся Тангавор.

Сложно о чем-то рассуждать, когда дело имеешь лишь с неподтвержденными слухами. Сейчас ему пришла новая мысль, что пропажа магов первого уровня действительно случайность, совпадение. И он зря испугался неожиданной инспекции.

Тангавор тщательно отгонял мысли о будущем. Рядом с Варварой оно вдруг утратило свою ясность и определенность. А вот его подсознание, похоже, знало точно, какое будущее теперь желанно. Иначе с чего вдруг такой удивительно странный сон, где он назвал девушку своей шаари-на? Тангавор настолько опешил утром от привидевшейся картины, что потерял бдительность и позволил проступить вензелью татуировки, которую привык прятать от людей. Но Варвара лишь провела рукой по его спине и ни о чем не спросила.

Тангавор наклонился над столом и сказал Сотару:

— Проследи, чтобы на приеме не было ни одной незамужней девушки. Мне не нужны неприятности.

— Объяснишь?

Тангавор раздраженно передернул плечами. Как облечь в приличные слова все те скабрзные слухи, что с таким смаком он обсуждал с приятелями в детстве? Мальчишек не интересовали достижения гениального ученого. И сейчас Тангавор испытывал смешанное чувство досады и безгливости.

— У него специфические вкусы в постели.

Однако советник ничуть не смутился:

— Так надо, наоборот, подложить под него сразу кого-нибудь подготовленного и не дергаться! Пусть удовлетворит темную сторону своей натуры. Глядишь, и для нас все пройдет максимально гладко.

— Я не сутенер. Пусть ищет любительниц особых приключений в других мирах.

ГЛАВА 8

Солнце нырнуло за крышу дворца, оставляя после себя синие сумерки. Парк погрузился в

уютный свет вечерних огней. Подхватив бокал вина, я спряталась за арками, украшенными цветами, и из полумрака разглядывала прибывающих гостей, особенно иномирян.

Первой в парк вышла Маритта Гильронд — сестра Бранда. У меня дыхание перехватило от ее красоты. Гибкая пантера с бронзовой кожей. Мне так хотелось увидеть ее глаза, но они все время были скрыты за полуопущенными черными ресницами. Она ходила и с наслаждением то трогала тонкими пальцами все вокруг, то подносила разные предметы к лицу, с удовольствием вдыхая. В ней ощущалась странная надломленность, и я не сразу поняла, что она не столько «знакомится» с вещами, сколько прощается. Тщательно запоминает образ и отпускает. Было в этом что-то тревожное.

Парк постепенно наполнялся людьми в роскошных вечерних нарядах. Из белой открытой беседки неслась приятная музыка, вплетаясь в оживленный гул разговоров. Приехавших Высших, магистров-айянеров, сразу окружили мужчины во фраках из нашего мира. Видимо, будут обсуждать перспективы переселения. Между столами в центре оставили свободную площадку. Здесь выступали танцовщицы в откровенных костюмах. Зрители благосклонно взирали на чаровниц, покачивающих бедрами в разноцветном свете огней, и кивками выказывали свое одобрение.

Бранд Гильронд присоединился к гостям одним из последних. Меланхоличный и до зубовного скрежета манерный, в перчатках. В отличие от Маритты он старался ни к чему не прикасаться. Говорил с людьми с брезгливой презрительностью, будто терпеть не мог собеседников, но вынужден был с ними общаться.

Тангавор вывел меня из моего укрытия, обнял за плечи и подвел к Бранду.

— Сейр Гильронд, позвольте представить вам мою шаари-на — Варвару Лайя.

— Прекрасный выбор, — равнодушно отозвался Высший, уделяя больше внимания бокалу, зажатому пальцами в белоснежных лайковых перчатках, чем мне.

Вот и все, абсурдный спектакль ради единственного «здравствуйте». В душе поселилось ощущение липкой гадливости. Высшие играют в свои странные игры, а я всего лишь пешка. А чего я ждала? Сложного действия с фанфарами? Допроса? Интриг? Едкая смесь разочарования и облегчения. Я потратила целый месяц ради этого момента.

Склонилась в глубоком реверансе, прижалась губами к щеке Тангавора, улыбнулась своему «жениху» и с облегчением сбежала.

А вечер тем временем шел своим чередом. Безупречно одетые мужчины в темных фраках и их яркие спутницы пестрой толпой заполняли уже, кажется, все уголки дворцового парка. Великолепные платья, сверкающие драгоценности. Незаметные официанты разносили бокалы с дорогими винами, музыка играла все громче.

Никому не мешая, не задевая гостей, почти из воздуха посреди толпы возникла золотистая арена на возвышении. Начинаясь ритуал вручения подарков. На сцену вышли мужчины с обнаженными торсами. В музыке сильнее стали звучать барабаны. Я вздрогнула от предвкушения. Плавные безупречные движения совершенных тел сплетались в завораживающий танец-борьбу. Невозможные изгибы и невероятные прыжки гипнотизировали. Мерный ударный ритм постепенно убыстрялся, заставлял меня нервно сжимать кулаки. Я переживала за актеров, показывающих мастерство на грани возможного.

Барабаны били все быстрее и быстрее, и скоро движения рук и ног слились в единые

смазанные тени. Зрители застыли, впитывая каждое мгновение удивительного поединка-танца. Стояла напряженная тишина, разбиваемая лишь четкими и стремительными ритмами. Громкий удар. Бом! И мир словно замер. Мастера, тяжело дышащие после сумасшедшего танца, стояли на одном колене, держа на вытянутых руках катаны в богато украшенных ножнах. Подарки гостям из другого мира. Мне даже со своего места было видна изысканная резьба на гардах. Зрители взорвались аплодисментами. Бранд и магистры поднялись по ступенькам на сцену и с поклоном приняли подарки из рук мастеров. Гильбронд потянул из ножен катану, осмотрел тонкий клинок, взгляделся в узор на лезвии и благодушно кивнул Тангавору. Дар принят.

Аттар обнимал меня за талию, и я кожей ощущала, насколько он доволен приемом. Кажется, все шло так, как надо. Гости снова расходились по парку, возбужденно обсуждая недавнее шоу. Музыканты вернулись к легким и игривым мотивам, на месте арены сноровисто устраивали танцплощадку. В моей крови бурлило вино. Я наслаждалась теплом тела аттара.

Вдруг почувствовала, как замер Тангавор, и проследила за его взглядом. По другую сторону от сцены стояла изящная девушка. На нее с восторгом смотрели многие мужчины, не отрывая алчных глаз. Я вдруг ощутила себя бледной и невзрачной по сравнению с этой дивой, освещающей все вокруг. Длинное алое платье едва держалось на тоненьких бретельках, сквозь ткань отчетливо просвечивали острые соски. Хрупкая, с копной белокурых волос и невинным лицом, она была воплощением провокации в своем волнующем наряде. Не сразу был замечен мужчина, который собственническим жестом придерживал ее талию. Девушка поймала взгляд Тангавора, развернулась к спутнику, что-то сказала, тот улыбнулся в ответ и повел ее по кругу, вдоль края арены. Я вздрогнула... Прямо к нам.

Девушка подходила все ближе, и я поразились жгучей ненависти, отразившейся в синих глазах, скользнувших по мне. Вдруг показалось, что все наблюдают за моей встречей с этой женщиной. Это же она! Я вижу ее впервые, но собственнический взгляд на Тангавора не оставляет и тени сомнения. Алия. Девушка, которая долгие годы была подле аттара и сейчас откровенно и жадно тянулась к нему всем телом, выставленным напоказ. Самодовольный и на редкость близорукий, ее спутник явно не замечал, что Алия им пользуется как поводом оказаться здесь, на закрытом приеме. Он приосанился и представился, а после добавил:

— Прекрасный вечер, уважаемый Тангавор Скай-Дарао. Позвольте представить мою спутницу — Алияра Ванлей.

Рука Тангавора, лежавшая на моей талии, сжалась, причиняя боль. На долю секунды мне показалось, что отсвет ярости проскользнул по лицу аттара, прежде чем на него легла непроницаемая маска равнодушия. И все равно я физически ощущала волны гнева, доходившие до меня вместе с теплом его тела. Казалось, он готов открутить мужчине напротив голову. Время вдруг застыло тягучей смолой. Жадные взгляды, шепот, тяжелый запах духов, спиртного, разгоряченных тел. У меня закружилась голова, потому что я не могла найти иной причины для злости Тангавора, кроме как ревности к мужчине, обнимавшему его Алию. Мне потребовалась вся выдержка, чтобы хотя бы выглядеть спокойной. Слезы так и просились на глаза, но я решительно поморгала и выпрямила спину, произнесла с вежливой улыбкой: «Добро пожаловать». Я статуя с каменеющим сердцем.

— Если вам дорога ваша спутница, советую увести ее с этого приема. — От слов Тангавора несло леденящей стужей.

Дородный мужчина глупо открыл рот, явно растерявшись от столь грубого ответа. Невозможно

кукольные глаза Алии наполнились болью и слезами:

— Why are you doing this to me? [11]

— You mustn't stay here. [12] — Голос аттара был абсолютно невозмутимым и в то же время неуловимо заботливым.

Непонятные слова между мужчиной и женщиной сплетались в нечто интимное, сокровенное, вызывая у меня ощущение, что существует отдельная вселенная, где есть место только для них двоих. Я видела, как двинулся в нашу сторону Сотар, как впервые промелькнул интерес на лице Бранда, и наконец увидела глаза Маритты, черные, влажно блестящие любопытством. Меня охватило желание немедленно разбить этот водоворот алчущих глаз. Повинуясь неясному порыву, я схватила Тангавора за руку. Заставляя кривиться в улыбке застывшие губы, произнесла, глядя мужчине в глаза, практически не моргая:

— Любимый, разреши пригласить тебя на танец.

Тангавор взглянул на меня. Ну же! Тебе же был нужен весь этот спектакль! Я томно улыбнулась. Вернешь свою Алию потом, когда Бранд и его свита уедут. Я мысленно молилась, чтобы аттар поскорее пришел в себя. Он наконец отмер, подхватил меня за талию и увлек на танцпол.

— I miss you! — полетело отчаянное нам вслед. — It's not over yet, Tann! [13]

Я ощущала ладонями его окаменевшие плечи. Мы улыбались и танцевали, как положено влюбленной паре. Двигались по кругу молча, не отрывая друг от друга глаз. И, сдается мне, каждый из нас прятал за стеклянными счастливыми лицами свои горькие переживания. Я краем глаза видела, как херрина и Сотар уводили Алию прочь. Вскоре Тангавор уткнулся носом в мои волосы и прошептал едва слышно:

— Спасибо.

Это моя работа, уважаемый аттар, убедить всех и каждого, что у нас идеальный союз. Не позволять вам, Тангавор Скай-Дарао, все испортить. Я запуталась и не понимаю ваших мотивов. Но отлично знаю, что моя роль — всем улыбаться и быть неприлично счастливой, невзирая на собственное так глупо и безнадежно влюбленное сердце. Вы же сами меня учили, что эмоции нужно держать под контролем.

ГЛАВА 9

Покои Маритты Гильронд

Густой травяной запах массажного масла плыл по комнате, потрескивая в огнях многочисленных свечей. Распустив шнуровку на белом шелковом платье, Маритта скинула его, оставшись лишь в тонкой полоске нижнего белья. Алиа съежилась в кресле и заплаканными злыми глазами смотрела на Высшую. Высокая грудь, бронзовые плечи. Красивая, не то что эта мымра, которая смеет называть Тангавора «любимым». Алиа досадливо зашипела — так сильно сжала кулаки в гневе, что проколола кожу ладоней. Прижав покрасневшие от капелек крови пальцы к губам, она исподлобья продолжала рассматривать спасительницу. Маритта втирала масло в свою медовую кожу, заставляя ее неприлично блестеть в свете свечей.

Алие стоило огромных трудов проникнуть во дворец. Недели ушли на то, чтобы узнать о

готовящемся большом приеме, найти подходящего мужчину, достаточно глупого, чтобы управлять им. Спать с ним. Алию передернуло от воспоминаний, как этот жирный боров наваливался на нее и мял своими липкими руками. В последний момент все чуть не пошло прахом — на время приема незамужних объявили нежелательными персонами во дворце. Пришлось спешно устраивать феерическую мелодраму. Мужчина даже не понял, в какой момент он сделал Алие предложение. «Ах, дорогой, да почти уже женаты... к чему нам формальности».

Маритта, словно не замечая гостью в своей комнате, промокнула кожу белоснежным полотенцем и надела черный шелковый халат. Прекрасная богиня, от которой не хотелось отводить взгляд, наконец повернулась к Алие. Темным горьким медом потек низкий голос:

— Нет закона превыше страсти, да, девочка?

Маритта сразу заметила оживший взгляд брата, когда тот увидел Алию. Маленькая белокурая гибкая орхидея в красном платье... Сложно было не увидеть ее сходства с погибшей Орилией, женой Бранда. Тот же цвет волос, те же изгибы тела. А тут еще и такие эмоции, исходящие от малютки. Это будет чудесный подарок. Выкрасть ее у охранников было так... забавно.

Алия дернулась от столь прямого вопроса, ее глаза заблестели гневом. Что этой богине известно об унижении — разве хоть кто-то осмелился бы выгнать Высшую, как ненужную шавку?

Ей все говорили, что не стоит раскатывать губу на аттара, что он пустил ее в свою постель на пару ночей, и это ничего не значит. Он не признает привязанностей. До чего же было здорово потом смотреть сверху вниз на всех злопыхателей, когда она выходила из его постели через неделю и спустя месяц. Алия покорно согласилась со всеми его условиями, лишь бы въехать полноправно во дворец. Не просить большего, не рассчитывать на будущее, исчезнуть по первому его слову. Неужели эта снулая девка тоже согласилась на такое? Где она теперь спит? В ее покоях? Алие хотелось выть от злости. Она рассчитывала, что придет на прием, затмит всех вокруг. И Тангавор вспомнит, как хорошо было с ней, и сам попросит вернуться. Она даже согласна снова не просить и не надеяться на большее. Меньше всего Алия ожидала увидеть рядом с ним другую. Ей потребовался час в дамской комнате, чтобы сначала успокоиться, дать остыть заплаканным глазам, а потом привести себя в порядок.

А он... Алие хотелось завопить от горя. Аттар смотрел на нее с такой злостью! И выставил на глазах у всех. Второй раз. Сволочь.

— Не плачь, милая... Я знаю, кто тебе поможет.

Алия не сразу сообразила, что давно уже в голос рыдает, размазывая косметику по лицу. Ей пришлось несколько раз поморгать, чтобы избавиться от радужной пелены перед глазами.

— Пойдем, дорогая. Давай приведем тебя в порядок.

Маритта потянула заплаканную девочку в ванную комнату. Пусть умоется и придет в себя. Бранд не любит косметику на лице у игрушек. Да и наряд надо подобрать менее пошлый. Маритта задумчиво застыла перед гардеробом: платьев было больше, чем нужно для трехдневной поездки. Но ничего подходящего для ее идеи. Наконец она остановила выбор на тонкой полупрозрачной сорочке для сна. И нежно-голубом пеньюаре с кружевными вставками и с шелковым широким поясом. Она отнесла выбранный комплект девушке, закрывшейся в душевой кабинке. И выглянула в коридор. Покои брата находились напротив. Сделав несколько шагов, она оглянулась и лукаво посмотрела на охранников, которые пытались быть

незаметными. Соглядатаи. Маритта фыркнула про себя и постучала в дверь. Бранд открыл сразу. Он взгляделся в ее глаза и, видимо получив ответ на немой вопрос, хищно улыбнулся и спросил:

— Не спится?

Маритта пожала плечами, еще раз бросила взгляд на охранников из-под полуопущенных ресниц и громко ответила:

— Скучно, я, пожалуй, посижу в библиотеке. Мне днем попались там весьма интересные книжки. Кстати, одна любопытная история лежит сейчас у меня в комнате. Можешь зайти. Мне кажется, она тебя заинтересует.

Маритта провела ладонью по плечу брата и плавной походкой ушла к лестнице, приковывая взгляды охранников.

— Стоит взглянуть, что там за «история». — Бранд распахнул двери комнат напротив и уставился на стоявшую у кресла Алию в полупрозрачных одеждах.

Светлые влажные пряди выбились из ее прически, скулы горели лихорадочным румянцем, глаза блестели от недавних слез.

Он слишком долго жил в этой вселенной, чтобы те, кому положено, были не осведомлены о его привычках. В любом мире по приезду его ожидала девочка, готовая к его играм. Но не здесь. Мальчишка Тангавор попытался выразить свое презрение к его привычкам, нарочно удалив всех подходящих особ из дворца и с приема.

— Ты прекрасна, — ласково сказал Бранд Алие, закрывая глухие двери.

Девушка ошарашенно замерла. Не давая ей ни секунды на раздумья, он в несколько размашистых шагов подошел к ней и захватил в плен своих глаз.

— Ты прекрасна, — еще раз повторил он с особой интонацией. — Ты мне веришь?

Бранд с удовольствием отметил про себя, насколько же она невинна и порочна одновременно. Как и его драгоценная Орилия. По-детски округлые щеки украшал персиковый румянец, непослушные пухлые губы манили... Орхидея, нежная и хрупкая до неприличия, до желания выпороть, сорвать с нее маску непорочности и вытащить наружу всю ее алчную похотливую натуру.

Как удачно. Как восхитительно он сейчас проучит Тангавора, сыграв с той, кого мальчишка так глупо пытался выпроводить. Короткая сцена на приеме хорошо показала, насколько девочка Тангавору безразлична.

Алия же ощущала себя словно на краю пропасти. Понимала, что нужно его оттолкнуть, но не могла. Высший внушал ей страх, но в то же время противостоять его обаянию и сексуальности она была не в силах. Его теплая ладонь нежно погладила ее щеку, а пальцы коснулись губ.

— Ты мне веришь? — Он снова повторил свой вопрос, прозвеневший по всему ее телу.

— Да, — невольно прошептала она, не сводя с него глаз. Вся воля девушки растаяла, как воск от огня.

— Хочешь, я освобожу тебя от сжигающей ненависти?

Девушка затрепетала, подаваясь навстречу этому голосу всем телом, едва понимая, о чем ее спрашивают. Ненависть? Казалось, все было так давно и уже не важно.

— Да, — едва слышно слетело ее согласие. А вдруг он и правда сможет ей помочь?

Высший провел перчаткой по ее нежной шее, погладил грудь, задевая торчащие сквозь тончайшее кружево твердые маленькие бутончики. Девушка возмущенно дернулась и прошептала что-то неразборчивое. Цинично наблюдая за смятением девушки, мужчина усмехнулся. В нем нарастало желание причинить ей такую боль, чтобы она кричала и молила не останавливаться.

— Ты мне веришь? — в третий раз спросил Бранд у Алии, выжигая остатки сомнений. Продолжая одной рукой придерживать ее подбородок, он второй развязал шелковый пояс халата.

— Да! — ответила девушка, не отрывая восторженных, исступленно сияющих глаз от его лица.

— Вытяни руки вперед. — Бранд отступил на шаг. Его недавно ласковый голос теперь наполнился стальными нотками.

Алия послушно закивала и неловко подставила запястья. Он умело связал их поясом и повел девушку к дивану.

— Встань на колени, — приказал он, — руки вперед, ложись.

Девушка покорно и даже улыбаясь выполнила его просьбу... Или это был приказ? Она потерялась в собственных ощущениях, от его голоса сладко звенело внизу живота.

Бранд вытащил ремень из брюк и с удовольствием щелкнул полоской выделанной кожи по воздуху. Потом встал около трепещущей Алии и задрал на ней одежду, оголяя белоснежные бедра.

— Мы сыграем с тобой в игру. Я сделаю ровно семь ударов. А ты на каждый скажешь по одной фразе, в которую вложишь всю свою злость и ненависть. Не смей орать или кричать. Думай хорошенько, за всякую ерунду я сделаю дополнительный удар. Поняла меня?

У девушки явно участилось дыхание, раздалось приглушенное:

— Поняла.

Бранд чуть по привычке не поправил ее: «Поняла, господин», но сдержался. Не все сразу. Маритта не стала бы просто так называть ее «историей». Пусть сначала выговорится, кто знает, вдруг ей действительно есть что сказать.

Алия выгнулась, ожидая удара. В воздухе разливался тяжелый запах страха и вожделения. Бранд жадно облизывал ее глазами. Пора начинать.

Раздался свист, и по выставленным ягодицам прошелся обжигающий удар кожаного ремня. Алия глухо всхлипнула, все же успев сдержаться, чтобы не закричать.

— Говори! — раздался напряженный и властный голос Высшего.

Бранд задумчиво стоял у окна. До чего же безупречный у Маритты нюх на стоящую информацию! Ведь сама не понимает, как и что делает. И совершенно не умеет пользоваться даром себе во благо.

Между искренними стонами боли, смешанными с блаженством, эта девочка сказала нечто весьма интересное. Оказывается, Тангавор возил ее, свою любовницу, к храму Семи богов, а та не смогла войти. И как только пришло уведомление о визите владыки Доррейона — выгнал ее. И вот что удивительно, за столь короткий срок нашел избранную и совершил обряд. Его аура четко показывала наличие татуировки, наполненной силой. Одно важное «но»: есть только одна причина, по которой Алиа не смогла войти в храм, — место шаари-на было уже занято. Так когда же он ее нашел, до или после Алии? Зачем же Тангавор повез туда свою любовницу, и где в этот момент была его избранная? Кажется, у этого щенка есть несколько подозрительных секретов. Хищный ум ученого выстраивал уже таблицы возможных вариантов, которые могли привести к столь удивительному казусу. Нужно больше информации, пора подключать Маритту.

Он развернулся к Алие. Она, все еще связанная, покорно лежала на ковре, куда сползла после финального удара, ее влажные глаза сверкали, а губы алели, словно спелые ягоды. Воспоминания о том, как она всхлипывала под ремнем, наполнили его удовлетворением.

Орилия, драгоценная нежная тварь, посмела погибнуть раньше, чем он узнал о ее предательстве. Жена избежала наказания. И теперь Бранд, встречая нежных блондинок, так похожих на его любимую, срывал на них свой невысказанный гнев и нерастраченную страсть.

— Спасибо... Господин.

Бранд хищно улыбнулся, стянул перчатки и расстегнул брюки. Кажется, в скучном и предсказуемом мире Краор его ждал целый букет восхитительных сюрпризов.

— Продолжим...

ГЛАВА 10

Каждому человеку, которому ты даришь свое доверие, ты даешь в руки меч. Им он может тебя защитить или уничтожить.

«Наруто. Ураганные хроники»

Я пряталась. Ходила по ночным коридорам дворца и искала место, где меня не будут трогать. Едва стало возможным покинуть прием, не нарушая приличий, я тут же бросилась прочь от Тангавора, сводящего меня с ума запахом горького меда и сандала.

Вся сцена на приеме была сродни отрезвляющей пощечине. Ни его рассказ о шаари-на, которая где-то рядом, ни его нарочито вежливое обращение, без единого намека на будущее, ни моя «ущербность» — ничто не могло задавить теплящуюся надежду. Сколько я ни пыталась урезонить себя, что эта сказка не про меня, — раз за разом уносилась в страну фантазий. Превращалась в безразличную глину, из которой чужие руки лепили все, что угодно. В какой момент личные непонятные игры аттара вдруг стали важнее меня самой?

А вот разъедающая ревность, на которую я не имела права, жестко вернула меня на землю. Я металась по погруженному в темноту огромному дворцу, шарахалась от невозмутимой стражи, искала место, где смогу остановиться и найти во всем этом хаосе саму себя. Избавиться от

тошнотворного чувства беспомощности.

Я распахнула двери библиотеки и с наслаждением вдохнула запах пыльных полок и старых переплетов. Еще со времен студенчества аромат книг в моем сознании связался с ответами на все волнующие вопросы. Тишина, еле слышный стук часов, лунный свет, прочерчивающий дорожки между стеллажами. Я с предвкушением водила кончиками пальцев по корешкам, загадывая, какая же книга «попросится» мне в руки. Какие слова помогут мне вернуть самоуважение и подлатать переломанный внутренний стержень. Я не верила в знаки свыше. Просто знала, что в чужих словах увижу то, о чем хочет сказать мне собственное подсознание. Разговор с самой собой через слова случайных историй.

Молчаливые тени охраны остались за порогом, давая мне долгожданное чувство уединения. Знают, что даже спустя месяц я тяжело воспринимаю их вынужденное присутствие.

Через несколько минут я сидела в огромном кожаном кресле, подобрав ноги, и с трепетом рассматривала незнакомую и явно очень старую книжку «Сказки Ганса Христиана Андерсена». Почему она? Не знаю. Теплый свет настольной лампы высветил название первой истории — «Русалочка»...

Принц не выбрал героиню...

Даже сказки не гарантируют, что безрассудное самоотречение обернется желанной наградой. Так прямолинейно и так просто. «Не стоит идти на поводу у эмоций», — с самого начала говорил Тангавор.

В голове наступала холодная ясность.

Я сидела и придумывала, чем буду заниматься «после», когда в библиотеку вошла Маритта. Гибкая пантера, сверкая шоколадными глазами из темноты, сразу направилась в мою сторону.

— Доброй ночи, вы не против моей компании? — Приятный бархатистый голос заполнил библиотеку, отражаясь от тисненых переплетов.

— Нет, прошу вас, присоединяйтесь. — Я спустила ноги на пол и выпрямилась. Но увидев, как изящно Маритта забралась в кресло напротив и свернулась подобно кошке, я вернулась в прежнюю позу. Гостья долго разглядывала меня, смущая откровенным любопытством в глазах.

— Любовь — жестокая подруга, не так ли? — вдруг произнесла Маритта. Моя ладонь, поглаживающая книжку, замерла. Высшая усмехнулась. — Одной рукой любовь дает, а другой отнимает. Знакомо?

— Да, — ответила я, гадая, отчего в голосе Высшей звучит такая злая горечь.

— О чем книга? Вижу, ты расстроена. Грустная история?

— О несчастной первой любви. — Я постаралась придать голосу больше равнодушия, чем ощущала на самом деле.

Маритта понимающе улыбнулась:

— Дай угадаю. Героиня безумно любила и готова была отдать все, что у нее есть, ради него. А он предал. Ушел и оставил после себя пепелище.

Тревожная у нее все-таки красота. Пантера, скрывающая под бархатистой шкурой застарелые шрамы прошедших лет. Было в ней что-то созвучное мне самой. Ощущение родства, которое не успокаивало, а, наоборот, шевелило невольным резонансом внутренние занозы.

— В юности я влюбилась, как кошка. Горела в агонии страсти, готова была бежать за ним на край земли, целовать его ноги, носить ему воду. Я умоляла его взять меня с собой. Капитан из другого мира, он казался мне самым совершенством. Но ему было нужно лишь мое тело. Трахнуть самую айянеру, дочь гордого, высокомерного народа — вот какую зарубку он сделал на рукояти своего меча.

Я вздрогнула от грубых слов, идущих словно со дна души. Так не подходили они аристократичному облику Маритты, что лишь сильнее подчеркивали злую горечь в ее голосе.

— Бесчувственная скотина, он брал меня по несколько раз за ночь, сводя с ума. Я была на седьмом небе от счастья и не замечала отсутствия ответной любви. Мне казалось, моей нам хватит на двоих с лихвой. Глупая девочка, подарившая невинность недостойному, сильно поплатилась. Он улетел в свой мир, а я осталась отвергнутой, использованной маарой с плодом внутри.

Маритта невидящими глазами смотрела в окно, а я потрясенно молчала.

— Наверняка ты уже знаешь, что у мужчин-айянеров дети могут появиться только в браке, после того как его избранная шаари-на сможет принять его семя и понести. Похотливые самцы могут сколько угодно таскать в свои постели женщин и при этом оставаться чистыми и благородными. Потому что у них не бывает бастардов.

Я кивнула. Что-то похожее мне рассказывал Тангавор.

— А знаешь ли ты, что дочери нашего народа могут зачать от любого мужчины из всех миров? Мы редкие, оберегаемые жемчужины. На десяток мальчиков рождается лишь одна девочка. Нас холят и лелеют, прячут до совершеннолетия от чужих глаз... чтобы потом подарить. Ради политических, экономических или каких-то личных выгод. Ведь мужчине не требуется наша любовь, чтобы сделать нас матерью своих детей. Редкие девушки имеют право выбора. Жестокая любовь дарит и отнимает. Айянерам подарила право искать свою любовь среди всех женщин мира, у женщин же это право отняла, взамен дав брак по расчету.

Я боялась, что меня убьют, когда узнают о беременности. Полукровки — страшное пятно на репутации рода. Особенно в те времена. Знак того, что вместо гордой и послушной дочери они воспитали шлюху, раздвигающую ноги перед первым встречным. Полукровок айянеры презируют. Мой ребенок был бы обречен на изгнание, если не на смерть. Моя семья отличалась особой ненавистью к полукровкам и выступала за «очищение рода». Я нашла ведьму, которая обещала мне помочь.

Маритта снова замолчала. Мне хотелось подойти к ней, обнять... но я не осмелилась.

— Она помогла. Избавила меня от беременности, а заодно и возможности познать счастье материнства. Боги умеют карать.

Стремясь скрыть смятение от ее рассказа, я неловко выбралась из кресла и подошла к застекленному бару. Не особо разбирая в темноте, что за напитки там стоят, схватила первую попавшуюся бутылку и налила в бокалы. Мне было стыдно, что в ответ на откровенность Маритты я малодушно прячу свое точно такое же горе. Нам обеим не суждено познать радость материнства. Я подошла к ее креслу и протянула бокал, сверкнувший жидким золотом. Она

благодарно улыбнулась и залпом выпила. Я же осторожно понюхала неизвестный мне алкогольный напиток. Аромат горького апельсина и шоколада подсказал мне, что в бокале ликер. Вслед за Мариттой сделала большой глоток и поморщилась.

— Презираешь меня? — вдруг глухо спросила она.

— Нет.

— Вижу, — невесело усмехнулась Высшая, разглядывая блики от хрустального бокала. Сложно было представить, что эта грустная красивая женщина — в некотором смысле бабушка Тангавора. Она выглядела едва ли старше меня. Маритта поднялась, принесла бутылку с ликером и снова наполнила наши бокалы. Две женщины в темноте библиотеки при лунном свете. Мы видимся с ней в первый и, скорее всего, последний раз. Я внимательно слушала и незаметно напивалась. А пантера делилась своей жизнью. Она так и не простила себе тот глупый тщеславный страх, толкнувший ее на порог к ведьме. Ее дважды выдавали замуж за безразличных ей мужчин. Богатых и влиятельных, как водится. Но вскоре мужья возвращали ведомой с клеймом «пустая». Родители были так разочарованы, что вычеркнули ее из своей жизни. Она превратилась в живой призрак самой себя. Пока не приехал старший брат и не забрал Маритту с собой. Он единственный заботился о ней.

Мой стресс расплавился в душистом ликере, тревоги и стеснительность рассеялись в неожиданной откровенности. Я искренне сочувствовала Маритте — мне знакомо чувство, когда тебя отвергают из-за «ущербности». Я делала маленькие глоточки и вспоминала свой второй карнавал Джунай. Я и Роман. Мой бывший жених организовал для нас поездку в столицу. Я думала, что боги смилостивились надо мной и снова подарили мне любовь посреди праздника. Неделя пролетела как сон, а в последнюю маскарадную ночь Роман сделал мне предложение. Я была невероятно счастлива. А уже через несколько недель он ударил меня и выгнал, потому что я тоже «пустая».

Невесело про себя усмехнулась. И в третий раз я умудрилась влюбиться неправильно.

— Расскажи мне о своей первой любви, — вдруг попросила Маритта, разрывая повисшую между нами тишину.

Я со смущением посмотрела на женщину. Остро понимала, что рассказывать про Романа не могу и врать не получится. Мне очень хотелось отплатить за ее откровенность. С трудом подбирая слова и отсеивая ненужные подробности, я рассказала о ночи на первом карнавале. Максимально абстрактно, лишь намеками и образами, без упоминания места и времени, замалчивая многие обстоятельства. О незнакомце в маске, о первом волнующем поцелуе. О том, как таяло сердце от его горячих губ, шептавших восхитительные слова. Как невозможно уютно было в его руках. Впервые в жизни я позволила облечь в слова свои запрятанные воспоминания. Даже подругам не смогла рассказать. Из-за чувства вины. Кто знает, может, если бы я их тогда не потеряла, то они бы не оказались у той подворотни. Как я могла рассказать о своем счастье им? А остальным и тем более не осмеливалась. Боялась лишних вопросов, уточняющих место и время. Но Маритты я не опасалась. Высшая, лишь на секунду заглянувшая в наш мир, действительно не стала выпытывать подробности. Крутила опустевший бокал в тонких пальцах и задумчиво улыбалась.

Не знаю, сколько мы еще просидели в уютных креслах за неспешными разговорами. Может, час, а может, всю ночь. Время словно перестало существовать.

подчиненных. Разве могут вырасти нормальные бойцы в кастрированном мире? Разве можно срываться на людей, которые всю жизнь росли в блаженном покое и не знают, что такое настоящая опасность? Аттар ненавидел, когда приходилось полностью полагаться на других, но такова роль руководителя. Он долгие годы учился доверять своим подопечным, а теперь снова убедился, что первые люди, сонные мухи Мертвых миров, так и не смогли «вырасти».

Сразу после окончания приема Тангавор устроил разнос абсолютно всем своим подчиненным, невзирая на ночь и тщательно скрывааемые зевки. Повезло лишь тем, кто нес караул во дворце и охранял Варвару. Аттар едва сдерживался, чтобы не перейти на крик. Но понимал, что вспышка ярости перед лицом людей, которых он же и «воспитывал», ничем не поможет. Во многом виноват сам. Узнав месяц назад, что Алия успокоилась в чужих объятиях, он побрезговал узнать имя ее нового любовника. Лишь с особым рвением подчищал воспоминания всех жителей дворца, чтобы образ его недавней пассии стерся до едва различимого. Словно Алия была очень давно. Тангавору хотелось сбежать в спортивный зал и отметелить грушу до струек песка, вытекающих из порванной мешковины. Беспомощная злость вызывала нестерпимый зуд в кулаках.

Коварная девчонка провела всех. Один идиот повелся на ее прелести и потащил на прием, невзирая на запрет. Два других не разглядели опасность в Алие и счастливо распихали по карманам взятки. В ней они видели лишь старую знакомую, когда-то жившую во дворце. «Она ведь неопасна». А третий тупица — он сам. Не предусмотрел. А все потому, что размяк, обленился, расслабился. После коварного и подлого Аккалона новое место работы казалось раем. Ни политики, ни войн, ни революций. Даже преступность была невероятно низкой. Он был богом здесь, на которого все поголовно смотрели снизу вверх. В полной безопасности и абсолютном покое он потерял хватку и теперь, похоже, жестоко поплатится.

Мир, полный сонных мух. Люди работают спустя рукава, даже лучшие из лучших. По-настоящему живых, активных — единицы. Он с таким презрением смотрел на опекаемых первых людей в первые годы. Обещал себе не позволить местной лени и апатии испортить и его. Куда же испарилась решимость сохранять острый ум за это время? Тангавор стиснул кулаки так, что побелели суставы. Сам хорош. Он ведь даже свою шаари-на искал вполсилы. Надо было... Ох, много чего «надо было». Позор ему и всей его системе безопасности, если даже Алия смогла так легко проникнуть на прием! В глазах темнело от бешенства.

После того как кабинет покинул основной состав службы безопасности, Сотар и Дрей хмуро ждали, когда стиснувший челюсти аттар велит продолжать. Начальник охраны не мог припомнить, чтобы Тангавор Скай-Дарао был в таком гневе. Впрочем, странно, что не уволил на месте. Его подчиненные, взяточники-разгильдяи, нарушили приказ и пропустили незамужнюю девушку. Дрей вздохнул: пора попрощаться с должностью. Даже если не уволят, самому нужно по совести уйти.

— Докладывай, — наконец смог выдать аттар.

— Варвара покинула библиотеку и вернулась в свои покои.

— О чем говорили с Мариттой, удалось услышать?

Дрей замялся. Приказ не спускать глаз со всех членов делегации его изначально смутил своей двусмысленностью. В чем задача — оберегать гостей или беречься их? В итоге он решил делать все по максимуму, и его люди получили четкое распоряжение отслеживать даже разговоры.

— В основном сияра Гильронд рассказывала о своей юности. Слышно было плохо, но ничего,

кроме воспоминаний, они не обсуждали. Немного выпили и разошлись, судя по докладу, довольные беседой.

— Хорошо. Где Бранд?

— Все это время был в комнатах Маритты. Но вы же понимаете...

Тангавор все понимал. Если у всей делегации уровень силы был недостаточен, чтобы пользоваться крохами сил хаоса, то мощь Гильронда, по последним данным, была второй ступени, а значит, он мог легко отвести глаза. Его дядя мог творить что угодно, и обычные люди перед ним беззащитны. Нелепо ставить овцу охранять волка. Но и подставлять своих подчиненных айянеров с Аккалона Тангавор не хотел.

— Алия? — спросил аттар.

— Сикорский и Юдин повезли ее домой. Приказал следить за ней.

— Свяжись с ними. — Аттар мрачно взирал на Дрея. Нужно было лучше учить людей, а не позволять им смотреть в рот в попытке угадать, какой ответ будет правильным. Учить думать, действовать, а не бежать к Высшим за советами или, что хуже, не делать ничего, надеясь, что айянеры все в конце концов исправят.

— Сотар, что заметил?

— Сейр Гильронд, похоже, не особо заинтересовался маленьким инцидентом, вопросов не задавал, выглядел по-прежнему скучающим. Ублюдок, притащивший Алияру на прием, сидит в карцере за нарушение приказа. Вместе со всеми провинившимися. Мне кажется, ты зря беспокоишься.

Тангавор обессиленно опустился на стул. Интуитивное осознание, что карточный домик обречен, не покидало его. Вот только непонятно, в каком месте случилась катастрофа. Если рассуждать логически — его паника совершенно безосновательна. Руководство посетило его подопечный мир. Скучающее, равнодушное руководство. Слухи о пропаже магов так и остались слухами. На Варвару никто не обратил внимания. Все идет рутинно и спокойно. Даже инцидент с Алией не выглядит опасным. Но звериным чутьем Тангавор ощущал, что на горизонте сгущаются невидимые тучи и, сколько ни выставляй щиты — невозможно защищаться от неведомой опасности.

Дрей ерзал на сиденье и пытался понять, чем же так обеспокоен аттар. Ощущал, что от безобидной инспекции Тангавор ждал проблем. Вдруг на коммутатор пришло сообщение.

— Что там? — требовательно спросил Тангавор.

— Сейр Гильронд хочет встретиться с вами, — растерянно ответил Дрей, поднимая глаза на аттара.

ГЛАВА 11

Фальшь и лицемерие производят большее впечатление, чем истина.

Эрих Мария Ремарк

Бранд сидел в Морской гостиной, напротив горящего камина, и ждал Тангавора. Выставлял

белые фигуры на шахматной доске и едва сдерживал улыбку, что прорывалась сквозь привычную маску скуки. Мир Краор при ближайшем рассмотрении оказался полон занимательных открытий. За простым рядом пешек скрывались интересные фигуры. Порадовала нежная орхидея, что так сладко стонет под свист ремня. И все же главным сюрпризом здесь оказались внучатый племянник с его избранной. Маленький король и его ферзь. Бранд перевернул доску и принялся за черные фигуры. Пешка за пешкой, слон, ладья...

Вначале история, рассказанная Алией, не стыковалась. Метка на ауре однозначно показывала, что Тангавор произнес слова отделения от рода и принятия ответственности за новую ветвь. Мальчишка, стремившийся стать взрослым. Похоже, он встретил женщину, в которой признал свою шаари-на и произнес родовую клятву. Вот только когда? Бранд взял белого ферзя в руку и задумчиво повертел. Шаари-на.

Свободная жизнь холостяка, длящаяся годами. Где же все это время была невеста? Очевидно, что не с Тангавором. И похоже, он не просто ее потерял, но уже отчаялся найти. Иначе зачем повторная попытка прийти в храм с любовницей? Несложно сделать вывод, что Тангавор совершил обряд помолвки, минуя храм.

Бранд поставил ферзя на место и слегка качнул фигуру короля. Вот он — важный вывод: мальчик достиг первого уровня, раз смог обратиться напрямую к богам. И неужели настолько лень было дойти до храма, или все произошло случайно?

Скачок уровней был слишком стремительным. Бранд закрыл глаза и глубоко вздохнул. Слишком уж все складывается, до мурашек, до дрожи.

Значит, Тангавор совершил помолвку случайно и потерял девушку. И, чтобы никто не заподозрил у него первый уровень, подобрал актрису. Бранд мысленно отдал мальчику должное — если бы не Алиа, он бы ни о чем не догадался. После общения с «орхидеей» Бранд уже было сделал вывод, что Варвара прекрасная актриса, и начал хищно примериваться к силе Тангавора. Но пришла Маритта и принесла забавные истории, которые высветили происходящее совсем иначе.

«О глупый мальчишка. Судьба дважды сводит тебя с девушкой, которая подарила тебе первый уровень, а ты дважды не смог разглядеть этот дар. Наверно, будет справедливым отнять ее у тебя, раз не смог оценить».

Бранд вздрогнул от предвкушения. Ему хотелось поскорее выяснить, что же такое есть в Варваре, что спровоцировало рост уровней у средненького мага Тангавора. Можно ли это обернуть себе на пользу? Получится ли с ее помощью перешагнуть непреодолимый барьер между первым уровнем и безграничными возможностями мага вне категорий?

Самым очевидным было просто выкрасть Варвару. Но он видел разницу между признанной невестой и обычной, не скрепленной никакими клятвами девушкой. Да и ее защита от ментального влияния сейчас весьма мешала. Покладистая, она будет гораздо удобнее. Не говоря уж о том, что по закону он имеет право забрать с собой любую свободную человеческую женщину. И если вдруг Тангавор захочет с ним побороться — у него не будет рычагов.

А еще хотелось щелкнуть по носу мальчишку, в свое время наговорившего много дерзостей.

Маритта умница. Подобно ассалийской ведьме, она всегда вытаскивала из информационного хаоса ценные крупы. Странно играющий дар пророчества — предвидеть встречи и события и притягивать истории, которые рассказывают о будущем или прошлом. Не зря, ой не зря она

нашла слухи о неизвестном «даре любви» в бездонной библиотеке Хаоса. Маритта словно существовала вне времени, одновременно сейчас и никогда. Как славно, что он в свое время позаботился о ее уровне силы, доведя до второго. Никем не замеченная, она провернула похищение Алии забавы ради, потому что ощутила, что к ней тянутся важные нити. Бранд попросил ее поберечь остатки сил для финального представления. Удобно, когда Маритту считают слабой и неопасной.

Осталось только убедить мальчишку разорвать помолвку.

А вот и он.

Бранд приветливо улыбнулся собранному и мрачному аттару, вошедшему в комнату.

— Доброй ночи, сейр Гильронд, что-нибудь желаете?

— Всего лишь поговорить с племянником, не возражаешь? — Бранд пытался понять, что за мысли гуляют в голове аттара, скрывающего эмоции за маской невозмутимости, но тот лишь учтиво кивнул:

— Сочту за честь.

Бранд расцвел в улыбке — такого скрытного особенно интересно обыграть.

— Я на рассвете покидаю ваш гостеприимный край. Прошу, потешь старика, расскажи о себе.

На лице Тангавора не отразилось ничего, кроме легкого удивления. Сейр Гильронд хоть и жил уже несколько столетий, все еще не перешел ту черту, за которой мужчина превращается в старика. Подтянутый, худощавый. Морщины выдавали скорее привычку думать, чем приближающуюся старость.

Бранд удовлетворенно отметил, как разжались кулаки аттара. Мальчишка грамотно держит лицо, но совершенно не следит за руками. И пока не доверяет.

— Мой приезд — утомительная для обеих сторон формальность. Не будем же затягивать никому не нужные церемонии. Я подготовил отчет, можешь взглянуть. Закончим с делом, а потом посидим уже спокойно и пообщаемся, если ты не против моей занудной компании.

Лттар почтительно склонил голову и прошел к столу. Медленно, будто не веря, что так быстро все заканчивается, он просматривал скрепленные между собой листы с красивыми фразами. Блестящая характеристика, благожелательный отчет. Лучшего и желать невозможно. И при этом, как ни странно, не было ощущения лжи. Сейр Гильронд на самом деле нашел за что похвалить. Когда только успел написать? Может, это заранее составленный шаблон? Лишь на последнем листе, где указывается текущий уровень всех айянеров в этом мире, был пропуск напротив его имени.

— У тебя ведь первый уровень, не так ли?

Мысли Тангавора хаотично метались: «Невозможно!»

— Нет, вы ошиблись. Всего лишь четвертый, — как можно спокойнее ответил аттар, медленно кладя отчет на стол.

Бранд улыбнулся ему:

— Допустим, именно это я и напишу в отчете. А также не укажу, что ты нашел шаари-на. И ты сможешь дальше скрывать свою маленькую тайну. Но ответь мне: когда закончился срок покрытия твоего долга перед академией, почему ты просто не уехал?

Слишком уверенно говорил его дядя. Тангавор молчал. Когда и как он умудрился так проколоться?

Бранд же с удовольствием смотрел, как опасно мерцают темные глаза внучатого племянника. Гильронд незаметно сжал записывающий кристалл.

— Вам не о чем беспокоиться, — невозмутимо ответил Тангавор, не поддаваясь на провокацию. Если дядя и правда напишет то, что обещает, тогда он вне опасности. Прожил же как-то пятнадцать лет, никем не замеченный. Странно только, что Бранд так быстро раскусил его. Или это блеф? Что за игру затеял родственник?

— Если бы Варвара была твоей настоящей невестой, то я действительно бы ни о чем не беспокоился.

— Вы ошибаетесь, Варвара моя шаари-на, — сухо отчеканил аттар.

«Ох, мальчишка, далеко тебе еще до игр с непроницаемыми лицами. Если бы ты узнал в ней свою невесту, не реагировала бы девушка так остро на историю про бесплодность». Бранд с наслаждением наблюдал за едва улавливаемыми всполохами эмоций на лице внучатого племянника. А слова правильные. То, что надо для записи.

А Тангавор пораженно понял, как же правильно отозвалась внутри только что произнесенная им фраза.

— Как ты умудрился потерять свою настоящую шаари-на? — продолжал гнуть свою линию Бранд, не обращая внимания на слова Тангавора. Он нарочито укоризненно вздохнул, словно отчитывал нерадивого ученика.

— Укажите в отчете, что у меня четвертый уровень. — Тангавор ответил тихо и совершенно спокойно.

— Хватит, — вдруг жестко оборвал его Бранд. — Терпеть не могу, когда меня считают за идиота. Я точно знаю, что у тебя первый уровень и Варвара не настоящая шаари-на. Ты можешь сколько угодно настаивать на своем. Твое дело. Я закрою глаза и напишу все, что скажешь. Ради тебя и ради своей племянницы, которая не простит мне, если с тобой что-то случится.

Бранд поднялся, подошел к столу и с обиженным видом вписал в отчет недостающие строки. Потом подошел к столику с напитками и налил в два бокала янтарного коньяка.

— За родных. — Он протянул аттару его порцию.

Тангавор согласно кивнул и выпил, испытывая легкое смущение от слов дяди.

— Что ж, я хотел предложить тебе помощь в расторжении помолвки прямо сейчас, пока я здесь, но, видимо, у тебя своя голова на плечах. Только пообещай мне, что будешь сидеть тихо и не высовываться.

Тангавор, из последних сил пытаясь выглядеть равнодушным, смотрел на дядю в священном

ужасе. Мало того что тот читал его мысли, словно раскрытую книгу, так и предлагал невообразимое.

— А разве такое возможно?

— Для меня — да. Раз ты не можешь найти свою невесту, значит, она не была в храме. Это можно использовать. Вся хитрость в крови. Я смогу устроить подмену с помощью Маритты. Я выступлю старшим рода, ты расторгнешь помолвку. И все. Свободен.

Тангавор сжал кулаки. Кровь застучала в висках. Неужели это правда? Можно прямо сейчас освободиться от навязанных уз... О Варвара-вода. Воспоминания о прошлой ночи сбивали с мысли. Вот где он должен быть сейчас — рядом с ней. Не позволять ей в одиночестве бродить по замку, не отпускать. «Она в своих покоях, — только сейчас дошло до аттара, — снова закрылась в броню. Неужели из-за Алии?» Тангавора вдруг накрыло ощущение, что она, словно вода, проходит сквозь пальцы и исчезает из его жизни.

— Я же помочь хотел. По-родственному. — Бранд вернулся к шахматной доске.

Он неспешно переставлял фигуры, с легким стуком опуская их на доску. Играл сам с собой, не обращая внимания на Тангавора.

Тот стоял, стиснув каминную полку руками. Слова Бранда просачивались ядом и отравляли ум. За этот длинный тяжелый день уже столько всего произошло. Надежда ворвалась в распахнутое эмоциями поле и заполонила собой сознание. Не будет больше страха за свою жизнь, не будет нерешенных проблем. И каждую ночь он сможет засыпать рядом с любимой. Сможет вернуться на Аккалон, прикоснуться к живительному источнику магии. Как же тяжело жить здесь среди колкой пустоты! Тангавор замотал головой. Вдруг это игра?

Он столько лет ненавидел дядю, видел в нем только плохое. Но ведь, в сущности, в каждом человеке сочетается многое из того, что и не может быть вместе. Правильно ли в слепой ненависти, растущей с детства, отрицать право дяди на добрые поступки?

Да и Бранд, как ни ужасно признавать, прав. Разорвать помолвку возможно только в присутствии старшего рода. Мужчина, назвавший себя взрослым и готовым начать новую ветвь, должен был покаянно попросить старшего рода принять его обратно, как недостойного и неготового к женитьбе. И старший рода примет заблудшего обратно в род, сотрет татуировку зрелости и разорвет помолвку. Таков обряд. Вот он, Бранд, готовый выступить старшим рода. Где он найдет его потом? Так вот о чем говорил дядя, когда просил не высываться. Если Тангавор захочет разорвать помолвку, когда найдет пропавшую невесту, ему придется посылать запрос Доррейону, чтобы тот позволил визит старшего рода. Он может продолжать упорствовать в своем, не обращать внимания на провокации дяди. Или воспользоваться предложением родственника и вернуть право самому с открытыми глазами выбирать себе шаари-на. Он ощущал себя на краю высокой башни, охваченной огнем. Останешься — сгоришь. Прыгнешь — разобьешься. Мысли беспорядочно метались в тяжелой голове.

— Судя по всему, ты не очень отдавал себе отчет в творимом, когда обручался с неизвестной?

Тангавор, сражаясь с сомнениями, наконец хрипло выдавил, признавая свое поражение:

— Да, та помолвка была ошибкой.

— Так хочешь ее разорвать или нет?

— Хочу. Та девушка пострадает?

— Та девушка обретет свободу и проживет нормальную человеческую жизнь.

Слишком легко. Аттар отчаянно вглядывался в огонь камина, не ощущая ни тепла, ни холода. Он так боялся, что у него вот-вот все отнимут. И вдруг тот, кого он столько лет презирал, предлагает больше, чем можно было представить. Освобождение. От позорного страха за жизнь, от случайных сковывающих уз. Перед ним словно открывали двери темницы.

— Как это все будет? — глухо спросил Тангавор. Хотелось выспаться, а потом уже на свежую голову все обдумать. Но события сносили его лавиной, не давая опомниться.

— Ты переместишься к храму сейчас и начнешь ритуал. До зари ты должен хранить молчание. Я подъеду чуть позже с Мариттой. Она будет стоять на месте твоей шаари-на. Я ее подготовлю, чтобы ритуал прошел как надо. Ты ведь знаешь, что нужно делать?

Тангавор мрачно кивнул:

— Дай слово, что никто не пострадает.

— Даю слово рода Гильронд, что разрыв помолвки не будет отличаться от настоящего. Я хочу тебе помочь. Дать возможность убраться из Мертвых миров. С твоим уровнем ты теперь прекрасно устроишься и на Аккалоне. Заодно передашь привет моей племяннице.

Аттар потрясенно посмотрел на дядю. Клятва рода. После такого нет смысла сомневаться.

Бранд ласково улыбнулся. Если у Маритты был дар задавать правильные вопросы и нащупывать стоящие истории, то он сам умел жонглировать словами и так морочить собеседнику голову, что тот начисто забывал, о чем идет речь. Он следил за застывшим племянником. Удивительно, что тот сразу не уцепился за столь соблазнительную идею решить все свои проблемы разом.

— Хочешь поговорить с Варварой?

Тангавор не шевельнулся, но по напрягшимся плечам Бранд понял, что попал в точку.

— Хочешь переложить на нее ответственность за решения. Хочешь ее одобрения? И пусть всю оставшуюся долгую жизнь знает, что не она выбрана богами для тебя. Пусть при каждой малейшей ссоре или проблеме ощущает неуверенность. Плохо же ты разбираешься в женщинах.

Бранд подошел к Тангавору и вложил в его ладонь белого ферзя.

Тот стиснул фигуру. Неприглядная правда. Он избегал малейших привязанностей во время учебы — не дай боги влюбиться. Ведь впереди его ждала длительная работа в далеких Мертвых мирах. А с первой же женщиной, на которую он обратил внимание, его немедленно связали боги. Незнакомка скрылась, оставив его, несвободного и неженатого. И Тангавор закрылся. Подпускал к себе только тех, кому нужны были тело и деньги. Даже Алие он просто позволял себя любить. И вот теперь, найдя ту, ради которой хочется перевернуть весь мир, он осознал, что ничего не понимает в женщинах. Сколько раз вглядывался в глаза Варвары и пытался разгадать, о чем же она думает. Бранд прав, нельзя с ней сейчас говорить. Лучше прийти свободным.

— Мне нужно подумать.

ГЛАВА 12

Я стояла на пороге храма. Он действительно оказался почти таким же, как в моих снах. Белые величественные стены. Древние двери из черного дерева. И точно так же мне было страшно шагнуть внутрь. Там ждет меня мой ласковый тигр, чтобы отречься. Сколько слоев было в спектакле, затеянном вокруг приезда гостей?

«Бойтесь своих желаний, ибо вы не ведаете, о чем просите».

Думала, что мечтаю быть избранной Тангавора, а на самом деле хотела быть любимой и нужной.

И вот я шаари-на, и мне это не принесло счастья. Вдох-выдох. До сих пор не могу осознать.

В голове нескончаемо звучит сухой уверенный голос Тангавора из записи:

— Варвара моя шаари-на.

— Судя по всему, ты не очень отдавал себе отчет в творимом?

— Да, та помолвка была ошибкой.

— Хочешь ее разорвать?

— Хочу.

— Я выступлю старшим рода, помогу тебе вернуть свободу...

Там, в темноте храма, стоит мой любимый и хочет отречься от меня. Осознала, что это конец. Отчетливо и так ясно. И вдруг из ниоткуда пришло облегчение. Высшие. Высокомерные лживые твари, чьи игры мне всегда были совершенно непонятны. Всю долгую дорогу к храму через коварные пески пыталась понять их мотивы. Тщетно. С самого начала проигрывала Тангавору на каждом ходу, путаясь в собственных глупых догадках. Все оказалось гораздо сложнее и в то же время проще. Я дам ему сейчас то, что он мечтал получить с самого начала. Свободу. И выйду наконец с шахматного поля. Я не игрок.

Маритта вдруг пришла посреди ночи, с грустными глазами сунула мне бокал ликера в руку и настойчиво попросила выпить. Высшая знала, что делает. Спиртное надежно притупило эмоции, позволяя мне справиться с происходящим. А потом она рассказала мне правду: давным-давно Тангавор случайно произнес слова родовой клятвы мне, сделав своей шаари-на. Он сразу выяснил, кто я, но ему было удобно делать вид, что меня не существует. Наслаждался независимостью и вереницей женщин. Скотина, отобравшая у меня всякую возможность на счастье. Я ведь сложила два и два и поняла, что мое бесплодие связано с неоконченным ритуалом.

— Выпей еще. — Маритта подлила мне ликера в бокал. Я никак не могла понять, добрая она или невероятно жестокая.

Как много у меня было вопросов к Тангавору! Я едва слушала Маритту, не веря в происходящее. Хотела услышать все сама от него лично. Выпила обжигающий ликер до дна и вырвалась из ее рук, пьяно шатаясь. Мне нужно было увидеть его глаза, пусть сам все скажет.

Объяснит свою невероятную жестокую игру. А там, в его спальне, на простынях разметалась Алия. Разглядывая спящую блондинку, умиротворенно и расслабленно улыбающуюся во сне, я вдруг отчетливо поняла, что ничего больше не хочу слышать. Ему нужна свобода? Мне теперь тоже.

— Почему же он сразу не попросил разорвать помолвку?

— Ждал приезда старшего рода. Но не был уверен, что сейр Гильронд согласится сделать это тайно. Хотел избежать огласки и скандала.

Не думать, не думать, не думать. Просто сделать шаг вперед и обрести свободу. Фальшивые звезды оказались чище и надежнее всей этой золотой сказки. Я ощущала себя грязной. После каждого заданного Маритте вопроса я осознавала, что не слишком уже хочу знать ответы. Все равно не вижу логики в действиях айянеров. Их представление о добре и зле, их мышление лежит вне пределов моего понимания.

Надо мной было чистое небо. Безмолвное, искусственное и настоящее одновременно. Подняла иолы балахона и сделала шаг вперед. Мне не страшно и даже не больно. Лишь грустно. Надменный Бранд в неизменных перчатках все объяснил: захожу, подхожу к Тангавору, стою и молчу, балахон не снимаю. Он произнесет слова покаяния перед старшим рода, а потом отречения от шаари-на. От меня требуется лишь в конце сказать «да».

Бесконечное падение с высоты завершится простым словом. И все. Так просто.

Смогу ли я после этого дышать? Конечно смогу, иначе и быть не может.

Черной тенью я вошла в храм вслед за Гильрондом. Тангавор стоял между огнями свечей. Он даже не обернулся посмотреть на меня. Зазвучали незнакомые слова, странный диалог с обвиняющими нотками в голосе Бранда. А потом они замолчали, страшная вопрошающая тишина повисла в вязкой темноте. Мне слышалось грустное пение нескольких голосов. Гильронд тихонько кивнул мне, подавая знак. Я прошептала: «Да».

И ничего не почувствовала. Лишь алкоголь туманил голову, притупляя мысли. Аттар развернулся и вышел, так и не взглянув на меня. Наверно, это и правильно.

Я сейчас вернусь домой и попробую жить дальше. Вздохнула и повернулась к выходу. Как только я переступила порог храма, покидая рассерженную тьму, мне на плечо положил руку Бранд.

— Вот и все, девочка. Он свободен. И ты тоже.

Его ласковый голос странно звенел у меня в груди, увлекая и расслабляя.

— Ты мне доверяешь?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Та боль, что ты познаешь, — цена любви...

ГЛАВА 1

Черная выжженная земля беззвучно корчилась под порывами острого ветра. Как я здесь оказалась? В смятении оглянулась. Сейр Гильронд подбрасывал порталный камень в руке и холодными глазами наблюдал за моей реакцией. Странное ощущение пространства. Вроде темно, но все отчетливо видно. А еще неуютно, сухо и пусто вокруг. Словно древний пепел после пожара. Откуда у меня такие мрачные ассоциации?

«Моя доченька больна, ей нужна твоя помощь».

И я пошла за ним? Почему? Голова кружилась от выпитого алкоголя. Это из-за него я потеряла возможность трезво рассуждать?

Вдруг сейр Гильронд убрал камень в карман, сделал стремительный шаг ко мне и больно схватил своими руками в перчатках. Его безумные глаза пугающе мерцали. Я замерла, боясь вздохнуть.

— В тебе тоже есть что-то притягательно-хрупкое, — прошептал он едва слышно, но звук его голоса разнесся на многие километры вокруг, заставляя звенеть незнакомые струны внутри меня. Больно стиснув волосы в кулаке, он наклонил мою голову и обвел языком мочку уха, скользнул вниз вдоль шеи и легонько поцеловал в основание плеча.

Я с ужасом ощущала, как безвольно повисли руки и предательски дрожали ноги. В груди поднималась черная волна вождления, заставляющая меня прижиматься к его каменному телу.

Бранд хищно улынулся и впился в мои податливые губы жестким требовательным поцелуем. С обреченностью услышала собственный стон. Меня сносило противоречивыми эмоциями омерзения и желания. Голова кружилась будто на карусели. Почва вылетала из-под ног, и внутри поднималось странное тошнотворное ощущение падения вверх, в бездонную пропасть черного неба.

Меня вырвало прямо ему на ботинки.

— Дрянь! — буквально выплюнул Бранд, и хлесткая пощечина выбила из моей головы остатки алкогольного дурмана.

Он оттолкнул меня, и я упала на колени. Сердце стучало как бешеное.

— Отвезите меня домой, немедленно! Вы не имели права меня похищать! — Мой голос был жалким и нелепо чужим.

— Ошибаешься, драгоценная моя. Ты человечка, убогая и глупая. И я имею полное право забрать тебя с собой и делать все, что хочу.

Я в ужасе отшатнулась, понимая, что у меня теперь даже иммунитета нет против его чар. Моя «уникальность» была содрана простым «да» в стенах храма. С омерзением вспоминала, как не просто позволяла ему поцеловать меня, но и жадно отвечала, погружаясь в странную негу. Жалкая человечка перед чарами Высших.

Бранд брезгливо отвернулся и взгляделся в чернильную темноту на горизонте. Он явно кого-то ждал.

Вытерла тыльной стороной ладони губы. С ледяющей ясностью осознала — я вляпалась. Меня снова вырвало. Я понимала, что это хорошо — необходимо как можно быстрее прийти в себя.

Маритта буквально накачала меня спиртным.

— Тебе это так просто с рук не сойдет, — зло прошептала я, опираясь руками на черный пепел земли.

— Уже сошло. — Бранд лишь пожал плечами. Взгляд вдаль, расслабленная спина. Он в своем королевстве. Он в своем праве по их нечеловеческим законам.

Я некрасиво расселась, окончательно пачкая платье, руки и ноги в мертвой пыли. К чему теперь манеры? На горизонте стали различимы всадники, во весь опор несущиеся в нашу сторону. А вот и кавалерия, да не по мою душу. Я расхохоталась, сглатывая слезы. Да, мои мысли превращались в кисель, когда он смотрел на меня своими мерцающими глазами. Да, тело предавало меня, когда он прикоснулся своими руками и губами. Но стоило ему отвернуться — ко мне возвращалась ясность мысли. Меня тошнило от омерзения, трясло от ужаса. Мне хотелось орать от беспомощности перед будущим. Но я оставалась собой. Пока.

Он может сколько угодно меня гипнотизировать и очаровывать, но однажды он отвернется. Однажды он повернется ко мне спиной.

Всадники приблизились, спешили и, видимо, прокричали приветствие Бранду. Ох, без знания языка будет во много раз сложнее. С собой они привели двух черных скакунов. Сейр Гильронд с сомнением осмотрел меня и отдал короткие приказы. К нему подбежал совсем мальчишка и принялся споро чистить ботинки. А ко мне подъехал крупный мужчина, наклонился и закинул на седло перед собой. Видимо, трезво оценили мое умение держаться на лошади. Мстительно подумала, что я сейчас просто-таки прекрасна и благоуханна, ни дать ни взять принцесса. Наслаждайся, рыцарь.

Поездку сквозь черную пустыню помню плохо. Грубые руки, закованные в броню, оставляли ссадины и синяки на моих предплечьях. Долго не могла привыкнуть к скачке и отбила себе бедра. Сжимала зубы и не позволяла себе ни слезинки. Не дождутся. Синяки пройдут, ссадины заживут.

Когда в голове уже заплясали звезды от усталости и напряжения, мы въехали в мрачную громаду замка. Тяжелым кулем я буквально свалилась с лошади и шарахнулась подальше от пугающих копыт. Не сразу увидела встречающих нас людей с Мариттой во главе. Она уже здесь?

— Займись ею. — Бранд грубо толкнул меня в плечо в сторону сестры. Знакомая ласковая улыбка, которой я теперь ни на грош не верила. Темные коридоры, освещаемые странными голубыми шарами, огромные лестницы, покрытые коврами. У меня не было сил оглядываться, я покорно переставляла ноги и шла за жестокой Высшей. Через несколько запутанных поворотов мы вышли к тяжелым дверям, за которыми оказались комнаты, явно подготовленные к моему приезду. Одежда, женские мелочи, свежее белье.

— Ты же понимаешь, что бежать нет смысла? — От доброжелательного голоса хотелось заорать, но я сдержалась. Сначала мне нужно разобраться в происходящем. Изображать покладистую дуру сейчас выгоднее. Так что я кивнула и молча направилась в ванную комнату. Смыть с себя следы от рук и губ Бранда.

Меня трясло, пока я пыталась разобраться с кранами и ручками. Все такое странное и не приветливое. А в душе, под струями воды наконец-то расплакалась от жалости к себе, зажав рот рукой. Кусала ладони, чтобы не реветь в голос. И пыталась думать.

Происходящее разваливалось при малейшей моей попытке собрать картинку и осмыслить. В зеркале я увидела, как на моей шее расцветает уродливый засос. Бранд словно пометил меня. И с ужасом вспомнила, где видела точно такой же. Простыни, рассыпавшиеся по подушке белокурые волосы. Шею Алии украшал точно такой же «цветок». Но я помнила ночь с Тангавором, помнила, как он нежно целовал и бережно обдувал кожу, вызывая томление.

Я дрожала от ледяных струй и восстанавливала картину, лишившую меня разума. Покраснения на запястьях Алии, истерзанные губы, засосы. Кто на самом деле был с девушкой этой ночью?

— Варвара, у тебя все в порядке? — вырвал меня из раздумий голос Маритты. Издевается? Хотя хорошо, что она не ушла, вдруг согласится ответить на пару моих вопросов.

Я выключила воду, оделась, похлопала себя по щекам и вышла.

Маритта в знакомой позе кошки сидела в кресле перед столиком, заставленным яствами. Огонь в камине отбрасывал на стены высокие призрачные тени и застревал медовыми бликами в ее черных распущенных волосах. Я стояла перед ней, не зная, на что решиться: подойти ударить Высшую, чтобы хоть на секунду сбить с нее налет превосходства, или с достоинством сесть перед ней и попытаться узнать как можно больше о том, где я и, главное, зачем.

Перед глазами возникла Ханна-Мэй с доброй родной улыбкой, и хриплый голос Тангавора словно пошевелил волосы у виска: «Не стоит идти на поводу у эмоций...» Как же я могла быть такой слепой? Увязла в ревности и комплексах бедной сиротки. Тангавор мне не лгал. Никогда. Такой трусливый поступок не в его стиле. «Есть вещи, которые нужно держать под контролем». Из последних сил собрала свои эмоции в болезненный узел и запихнула на самое дно. Не при жестокой пантере их буду распутывать, не сейчас.

Я спокойно села напротив Высшей и выжидающе приподняла бровь. А теперь время вопросов.

— Тангавор знал, что в храме стою я?

Маритта отрицательно качнула головой. Что ж, мне теперь есть что обдумать.

— Зачем я здесь?

Она протянула мне бокал, наполненный красным вином. Я не шевельнулась. Вот уж что мне нужно меньше всего, так это спиртное. Адская смесь, которая притупляет не только эмоции, но и разум. Маритта странно улыбнулась и склонила голову. Изящным движением поднялась и дернула за вышитую полоску ткани у двери. Через несколько минут в комнату робко вошла девушка с низко опущенной головой.

— Убрать все спиртное из бара и поставить морс и воду.

Девушка коротко присела и убежала, а Маритта развернулась ко мне:

— Ты упряма, но прошу тебя, не сердь Бранда. Тебе не понравится темная сторона его натуры.

— Мне он целиком и полностью отвратителен.

Она пожала плечами, а я вспомнила, как стонала у порталного круга в жестких руках мужчины. Кровь ледяной волной отхлынула от лица.

— Не похоже, что Бранд заинтересован во мне как в женщине. Так все-таки зачем я здесь?

— Чтобы спасти Лалиней, его дочь.

«Моя доченька больна, ей нужна твоя помощь».

— Почему я?

— Кто знает, может, потому, что ты особенная?

Я расхохоталась. Зло и несколько истерично. Теперь мне действительно стало страшно. Они безумны, Маритта и Бранд.

— И что будет со мной, когда вы убедитесь, что я обычная?

— Какие интересные у вас тут разговоры, — раздался голос Бранда, масляный и противный настолько, что у меня зубы свело.

Я, не поднимая головы, исподлобья смотрела, как он подходит к моему креслу.

— Не куксись, девочка, ты только провоцируешь меня.

Скотина!

Нарочито вежливо растянула губы в жалком подобии улыбки, не стирая злость из глаз. Похоже, игра в покорную и скромную не для меня. Остро ощущала, как он получает удовольствие от моего поведения. Гадство.

— Дорогая, как думаешь, нашей гостье пойдет светлый цвет волос?

Он медленно провел рукой по моей голове, пропуская волосы между пальцев. Едва сдерживалась, чтобы не отшатнуться. Немного отвернула лицо, скрывать эмоции я сейчас не в силах. Маритта лениво посмотрела на мои попытки быть пайнкой, усмехнулась и бархатисто протянула:

— Смотри, не перепутай любовь и похоть.

Гильронд поморщился, достал прозрачную сферу и процедил мне:

— Руку дай.

«Не серди Бранда».

Я застыла в ужасе. Протянуть руку этому гаду вдруг оказалось выше моих сил. По спине прокатилась холодная волна. Бранд дернул мое запястье на себя и прижал сферу к сгибу локтя. Я вздрогнула и вскрикнула, когда увидела, как она наполняется красной густой жидкостью. Глубоко внутри пришло понимание, что он просто берет кровь. Однако сам процесс пугал меня до крайности. Жутко и тошнотворно. Но самым противным было выражение довольства в глазах Бранда. Кажется, он наслаждался моей яростью и вынужденной покорностью. Перед глазами снова встали красные запястья Алии. Садист.

Сфера наполнилась и превратилась в алый кошмарный сгусток, от которого я не могла отвести взгляд. Никогда еще кровь мне не казалась такой отвратительной.

— Это будет интересно, — удовлетворенно хмыкнул Бранд и снова провел рукой по моим волосам.

Это он о чем сейчас? Невольно зажмурилась от отвращения.

Посидев несколько минут в тишине, я поняла, что он ушел. Обернулась, чтобы убедиться. До чего же мерзкий тип.

— Он не верит в любовь, — грустно сказала Маритта и поставила бокал на столик. Встала, изящно потянулась и тоже направилась к выходу. — Советую выпасться.

Не здесь и не сейчас.

— Бранд через полчаса уедет в цитадель Мертвых миров, так что тебе нечего опасаться.

И она ушла, оставляя шлейф сладких до тошноты духов.

Я сидела перед камином, пока угли окончательно не почернели. Вглядывалась в мерцающие красные переливы догорающего огня и думала, пока мысли не превратились в вязкое желе. Я не сомневалась в том, что во мне нет ничего особенного. Однажды я повелась уже на похожую фразу, сказанную с нежностью и пугающей серьезностью.

«Ты была на карнавале?»

Я солгала ему. Я не пришла утром пятнадцать лет назад, а потом скрыла правду.

«Не могу найти свою шаари-на, она точно здесь, среди вас».

Тангавор не знал, что в храме стою я. Он говорил тысячу слов, но разрушила все я лично своим осознанным «да». Из нас двоих лишь мне было известно точно, что происходит в храме. Я отреклась от него с открытыми глазами, а он просто не знал.

Я все разрушила сама.

В подвале Черного замка

Кнут щелкнул, и остатки розового кружева упали к ногам вздрогнувшей девушки. Темное помещение с низким потолком освещалось лишь несколькими свечами, танцующими под пение кнута. Бранд потянул воздух носом, пробуя на вкус вожделение, разлившееся вокруг. Девушка, чьи руки были подхвачены петлей под потолком, выжидающе выгнулась.

Раскрасневшийся, вспотевший Бранд облизал губы кончиком языка. На узкой спине, не пересекаясь, проступали алые полосы. Кнут змеей застыл вокруг его ног.

— Сарра, ты, как всегда, прекрасна, — прошептал он. — Между нами боль и удовольствие. Но сегодня мне нужен страх, слышишь, и немного ненависти.

Мужчина вспомнил, какой бессильно яростной была Варвара, когда отдавала ему свою кровь. Возбуждающая смесь. Вначале он рассвирепел, когда понял, что иммунитет девушки развеялся не до конца. Принуждать ее оказалось делом нелегким, будто продираешься сквозь плотную воду. Тяжелый труд и никакого удовольствия. Но лучше всего на свете Бранд умел ждать. Однажды и Варвара лишится последнего слоя защиты и тогда будет лизать ему ноги по одному движению его пальца.

А до этого, кажется, предстоит иное удовольствие — наблюдать, как она ненавидит и

покоряется ему одновременно.

Похоть и любовь. Сколько раз они до хрипоты спорили с сестрой на эту тему? Он докажет наконец Маритте, что нет между данными понятиями разницы. Первое даже честнее.

Бранд подошел к стойке, где аккуратно были развешаны разные кнуты, от самого мягкого, практически облизывающего кожу, до жесткого, умеющего вспарывать податливую плоть. Сарра, постоянная участница его игр, испуганно втянула воздух.

ГЛАВА 2

Человек — хозяин своей судьбы, а не боги...

Сотар несколько минут переступал с ноги на ногу перед дверью, прежде чем постучаться и войти. Аттар был страшен. Нет, не было ни гнева, ни злости, ни ярости. Тангавор не кричал и никого ни в чем не обвинял. Он словно выморозился изнутри. Превратился в ледяную тень самого себя с пепельными, будто покрытыми инеем висками. Юный мальчишка в то утро годы потерял вместе с Варварой.

Страшно было смотреть в его пустые глаза, еще ужаснее было не услышать от него ни слова упрека. Весь мир для него перестал существовать, и все действия советника и остальных людей стали не важны. Лучше бы Тангавор накричал, ударил, в конце концов. Истукан с мертвыми глазами, машинально подписывающий бумаги, пугал сильнее прочих мыслимых наказаний за промахи и ошибки.

— Ответ из цитадели пришел? — Ледяной голос промораживал до костей.

— Нет.

Как только Тангавор сложил картину полностью, он сразу подал прошение об аудиенции у Доррейона. Аттар не имеет права покидать поднадзорный мир. А если у него появились личные причины, то сначала надо убедить владыку, что мотивы стоящие. Тех хранителей, что осмелились самовольно пройти через портал, ждали трибунал и смертный приговор за дезертирство. Тангавор оказался запертым в собственных владениях. И ненависть к самому к себе выжигала все остальные эмоции.

— Мне всегда было очень стыдно за то, как мать его боготворила. — Голос у Тангавора был хриплый, словно простуженный. — Она на каждый праздник посылала ему подарки, купленные на последние деньги. Писала письма. Всем друзьям, знакомым и даже соседям непрерывно рассказывала о том, какой чудесный и невероятный у нее дядя. А мы для него словно не существовали. Я ведь видел его до этого единственный раз в жизни — на похоронах деда, его брата.

Вначале я восхищался знаменитым родственником, а когда подрос, начал стыдиться. Позже — ненавидеть. Мне все время казалось, что над семьей непрерывно нависает его тень. Мать держала на своем туалетном столике его фотографию, а не своего мужа или детей. Мы всегда были вторичны. А потом я вырос и научился равнодушию. Как мне казалось.

Я ведь поступил в Академию хранителей ему в пику. В тот единственный раз, когда увидел его равнодушные глаза, — не выдержал и накричал. Мне было тогда лет семнадцать. «Она же вас

любит!» — кричал я ему в лицо. «Любовь ничего не стоит», — ответил мне тогда дядя и выписал чек на мою учебу в академии. А я решил, что лучше иметь огромный долг перед государством, чем перед ним. И порвал чек.

Мне стоило большого труда отделить себя от его сияния. Перестать сравнивать. Что ж, я переоценил себя. Стоило ему обратить на меня свой благосклонный взор, и я потерял напрочь инстинкт самосохранения, снова вдруг стал мальчиком. На секунду мне показалось, что он и правда замечательный и моя мать была права в своей слепой и унижительной любви. Его слова были полны такой заботы.

Стакан воды в руке Тангавора жалобно хрустнул и осыпался крошевом льда с каплями крови.

— Не вини себя.

— Не винить себя?! — Впервые за последние дни Тангавор повысил голос. Аттар тяжело вздохнул, закрыл глаза, сжал кулак с осколками в коже и едва слышно прошептал: — Я его ненавидел за то, что он отнял у меня любовь матери, а потом сам подарил ему другую дорогую мне женщину. И ты предлагаешь не винить себя?

Повисло тягостное молчание. Советник медленно пристроил принесенные бумаги в углу пустого стола.

— Выяснили, что же случилось на карнавале и почему Варвара молчала. Помните убийство в ночь маскарада? — Сотар посмотрел на аттара. Тот не шевелился, разглядывая истерзанную ладонь, и советник продолжил: — Судя по всему, к убийству причастны две ее подруги, Екатерина и Софья. И вся история с больничными документами — попытка прикрыть девочек...

— Поздно, Сотар.

Слова упали как камень. Советник замер, не смея шевелиться. Вдруг понял, что потерял друга. Перед ним сидел мужчина, который находился теперь в другом пласте жизни, в другом измерении. И между ними навсегда пролегла бездной та ночь, когда аттар во второй раз потерял свою шаари-на.

Они познакомились, когда Тангавор проходил практику в мире Фрайт. Там поддерживалась противоречивая эпоха Возрождения. Сотар застал молодого айянера, практикующегося со шпагой, в малом фехтовальном зале. Рука Тангавора, привыкшая к тяжелому мечу, никак не могла поймать нужный ритм для управления тонким клинком. Холодный и серьезный, страдающий от недостатка эмпатии, Сотар так и не смог вспомнить, что именно его толкнуло обратиться к малознакомому энергичному мужчине с предложением помощи. Он работал во Фрайте более десяти лет и увлекался фехтованием. Тщеславие или искреннее желание помочь — не важно. В тот момент началась странная мужская дружба, почти лишенная слов. Они встречались только в зале и мало разговаривали. Сотар ставил ученику руку и с удовольствием изобретал новые, причудливые упражнения.

Когда Тангавор после практики получил место аттара в соседнем мире Краор, он сразу предложил Сотару место своего советника.

Взаимное уважение и многолетние спарринги.

Дружба вышла на новый виток, когда Сотар узнал тайну Тангавора. А все потому, что во время одной из тренировок они слишком увлеклись и оба получили серьезные порезы.

Разгоряченные и довольные, повалились на маты. Сотар наблюдал, как нехотя останавливается

кровь в ранах на предплечье и спине Тангавора. Он уже тогда подозревал, что уровень правителя выше заявленного четвертого, но тактично молчал. А Тангавор рядом морщился от волн адреналина и скупой магии, подстегивающей регенерацию. Нужно встать да дойти до медблока. Но сидеть было так хорошо. Это был первый бой, в котором Тангавор ощутил, что дрался почти на равных.

Тогда Сотар и увидел татуировку на потерявшем бдительность аттаре.

— Портальный камень зарядился? — прервал его воспоминания Тангавор.

— Еще сутки, господин, — с горечью ответил советник. Он больше не ощущал себя вправе отговаривать бывшего друга. Тангавор собрался нарушить присягу и переместиться самовольно в цитадель. Чистое самоубийство.

Тангавор пошевелил пальцами, наблюдая, как мелкие осколки слетают на ковер. Сутки.

Итого четыре дня вынужденного бездействия. Внутри все холодело от мысли, что Бранд мог сотворить с Варварой за прошедшие дни, а сколько еще времени пролетит, прежде чем аттар успеет сделать хоть что-нибудь для ее спасения. Думать о том, что он просто не справится или не успеет, Тангавор себе не позволял.

Всегда ходили слухи, что боги карают за разрыв помолвки, но никто толком не мог рассказать, что за наказание в итоге ждет смельчака или глупца. Когда он стоял несколько часов в храме, храня молчание и готовясь к обряду, ему казалось, что тьма отговаривает его, шепчет:

— Пожалеешь.

Она пихается, выталкивает прочь... Но он слишком рад был разрешить свои проблемы здесь и сейчас. Стоял и думал о Варваре, цеплялся за воспоминания о ее коже, о нежных руках и столах. Прокручивал ночь, когда она пришла, раз за разом. Как держал ее в своих руках, ласкал ее, целовал, как входил в нее и ловил стоны губами. Вспоминал, как светились ее волосы в лучах заката. Как она по-детски пуглива и доверчива одновременно. Стоял посреди ропщущей тьмы и мечтал, как опустится на колени перед Варварой и предложит весь мир. А потом увезет на родину, и кто знает, может, им повезет встретить драконов. Он отчетливо в тот момент понимал, что с этой женщиной он действительно готов прожить всю свою жизнь. Так увлекся мечтами, что даже не взглянул на вошедших Бранда и фигуру в черном балахоне, от которой несло алкоголем. «Вечно пьяная Маритта», — лишь поморщился он тогда.словно в забытии проговорил все нужные слова ритуала. А тьма все сильнее и сильнее толкалась и злилась:

— Пожалеешь.

Как же был уверен в тот момент Тангавор, что никакая кара его не пугает. Когда есть ради кого ее стерпеть.

Не стал дожидаться Бранда и бросился через неприветливые пески к портальному кругу. Хотел поскорее вернуться во дворец, смыть с себя стоящую поперек горла ночь и обнять Варвару. Но карточный домик разрушался прямо на его глазах. Пустой дворец и заторможенная стража со следами грубого ментального приказа. Осиротевшие комнаты, истерзанная Алия в его спальне. Ханна-Мэй со следами слез на щеках. Мрачный Сотар. И документы на столе о том, что сейр Бранд Гильронд благодарит за оказанный прием, выражает свое почтение и забирает по праву айянера с собой Варвару Лайя, свободную женщину.

Тангавор тотчас бросился обратно к порталному кругу, спешил переместиться назад в пустыню и перехватить Бранда и Варвару, которая, очевидно, и была под балахоном.

«Даю слово рода Гильронд, что разрыв помолвки не будет отличаться от настоящего».

Но пустыня встретила его злой песчаной бурей и следами недавнего большого перехода прочь из его мира. Бранд не стал возвращаться во дворец, а сразу переместился с Варварой в неизвестность.

«Пожалеешь», — ведь предупреждала его тьма.

Через сутки Тангавор отдал последние распоряжения, попрощался и положил заряженный порталный камень длинного перехода в центр круга. Он отчетливо понимал, что его тотчас арестуют как дезертира. Но оставался шанс, что отмалчивающийся Доррейон все-таки захочет с ним поговорить. Тангавор не представлял, что он может сделать. Бранд, увы, был в своем праве, когда забирал Варвару. И Тангавор пока не знал, как все исправить, но и оставаться в мире, который теперь казался ему по-настоящему мертвым, он больше не мог.

Вспыхнула молочным перламутром порталная арка, и бывший аттар мира Краор покинул свой пост.

ГЛАВА 3

Рванный сон и бесполезные попытки найти выход из сложившейся ситуации вымотали меня до предела. Не в силах больше сидеть в четырех стенах, я вышла из отведенных мне комнат и принялась бродить по замку. Угнетало отсутствие солнца. У меня было достаточно времени, чтобы понять — здесь не бывает дня, не бывает светлых часов. Мрачная темница, словно в детской страшилке: в черном-черном космосе, на черной-черной планете стоял черный-черный замок. Никогда не думала, что на самом деле это очень жутко. Навстречу мне попадались люди: девушки в униформе, мужчины в балахонах и здоровяки в доспехах. Неужели здесь есть кого опасаться? Вначале я просто гуляла, а потом зло и бесстрашно заглядывала во все интересующие меня двери, решив, что, раз не заперто, значит, можно.

За одной из дверей обнаружила целое крыло, отведенное под лабораторию. Прежде чем меня вежливо выставили, успела разглядеть знакомую алую сферу. Внутренне поежилась от мысли: а вдруг моей крови им будет недостаточно?

Позже, после долгого подъема по лестницам вышла на открытый переход между башнями. Прозрачная, кристально чистая темнота не скрывала, что до самого горизонта простиралась одинаково пустынная черная земля в трещинах. И лишь у стен замка угрожающе покачивался сухой безобразный лес.

Маритта права, бежать здесь некуда. Вот отчего мне позволили свободно гулять по замку. Я посмотрела вниз, на темнеющие камни двора. Но ведь побег — это не единственный мой выход. Хотя мелькнувшая идея пугала меня пока больше остального. Я отшатнулась от края. Шагнуть отсюда не победа, а поражение.

Когда стало казаться, что я безнадежно заблудилась в замке, жестокая пантера меня «поймала».

— Пойдем, покажу цветок жизни с Лалиней.

— А где Бранд?

— Вернется, наверно, завтра, — равнодушно пожала плечами она. — Хочет перенести график инспекции на пару месяцев вперед, чтобы вплотную заняться тобой.

От ее спокойных слов волосы на затылке зашевелились.

— Убьет?

Маритта вдруг остановилась, обхватила меня за плечи и прошептала в самое ухо:

— Варвара, тебе не о чем волноваться.

— Ты ненормальная.

— Знаю. — Она грустно улыбнулась и повела меня дальше.

Я не могла ее ненавидеть. Так странно. Может, влияние чар? Анестезия для чувств? Я молила, чтобы это оказалось именно так, потому от мысли, что я испытываю к Высшей неестественное чувство жалости, мне становилось тошно.

— Маритта, — не выдержала я, — скажи мне, что травишь меня своим обаянием и лишаешь способности разумно мыслить.

Она покачала головой. Как же жутко!

Через несколько минут я стояла перед коконом из силовых линий с девушкой в центре. Спящая красавица. Еще одна принцесса, ждущая своего счастливого финала.

— Что с ней?

Маритта поджала губы. Как же мне хотелось ее в тот момент ударить! Но, признаться, я струсилась. Испугалась, что она просто уйдет и перестанет общаться. А у меня пока слишком мало информации, я так и не могла понять, за что уцепиться. Что я могу сделать, чтобы хотя бы начать идти в сторону свободы? Казалось, вот он, ответ, передо мной — жизнь, застывшая в синем цветке. Я должна совершить что-то этакое невообразимое, чтобы девушка открыла глаза.

— Давно она так лежит?

— Более трехсот лет.

Космос, инопланетные цивилизации и неземные законы жизни и морали, технологии Высших. Что я вообще могу им предложить? Из последних сил сопротивлялась давящему ощущению беспомощности.

— Дай мне хотя бы видимость, что я борюсь за свою свободу.

Я и сама не понимала, что у нее прошу. А Маритта отвела меня в соседнюю комнату, до потолка заставленную коробками с документами, кристаллами, непонятными приборами и чем-то совсем неопишным. Я обреченно раскрыла первую попавшуюся папку, отдаленно напоминающую привычную историю болезни. Как и предполагала — совершенно непонятные мне значки.

Но Маритта выдала мне странный обруч на голову — видимо, я не первая, кто нуждается в переводе. Объяснила, что все новые слова, которые я увижу или услышу, сразу будут заноситься в мою память и вскоре обруч мне не понадобится. Водрузив «корону», я погрузилась в непонятные мне документы, исследования и истории.

Так потекли мои черные дни при холодном свете голубых шаров. Вначале я едва понимала слова. Потом боролась за понимание фраз. Какие-то документы приходилось отбрасывать — слишком далекая система медицинских знаний. В другие яростно вгрызалась в робкой надежде, что вот-вот все пойму. Я же врач! Эта комната превратилась в мою обитель отчаяния и веры. Я практически не вылезала оттуда, ибо попытки разобраться с проблемой Лалиней стали моей психологической защитой от происходящего в замке.

До того как попала в приют Святой Кассары, я жила в муниципальном детском доме, где из детей вытравили всякое умение бороться и сопротивляться. В любой момент мог прийти человек, взять и отвести куда-то, сделать что-то. Одежду ли примерить, анализы ли взять, на массаж отвести, а может, и просто на прогулку. Личные границы ломались, стирались бездушной системой. Из нас делали несопротивляющиеся кульки. И лишь в приюте Святой Кассары Мамика смогла вернуть нам, девочкам, хоть немного ощущения собственной значимости. Об этом и был мой проект. В той другой жизни.

Когда ко мне впервые подошел один из помощников Бранда с уже знакомой пустой сферой и, не говоря ни слова, попробовал приложить ее к локтю — я вдруг снова окунулась в бесправное детство. И впервые во мне проснулось дикое и отчаянное желание отстаивать себя. Потребовалось оказаться за миллионы километров от дома, чтобы захотеть драться. Стоит ли удивляться, что я пыталась избить каждого подходившего ко мне, пусть даже без всяких грязных мыслей.

И подчиненным Бранда ничего не оставалось, как вызывать «начальство». Сейр Гильронд, раздраженный и мрачный, приходил и захватывал меня в плен своих чар. В те моменты я соглашалась на все, плыла и таяла, гладила его по груди и тянулась за поцелуями. Но стоило ему отвернуться — я плевалась от омерзения и снова кричала «нет». Я не боялась его угроз, мне было так страшно, что стало уже все равно. Меня загнали в угол, из которого можно лишь огрызаться.

Я даже попыталась напасть на Бранда, стащив столовый нож. Глупая и безрассудная затея. Что бы я потом делала в закрытом мире с трупом на руках? Но на подходе ко мне у него сработал амулет. Он был готов к моим попыткам укусить. Не доходя пару шагов до меня, хлестнул меня по щекам своей силой, выбивая всякое желание сопротивляться. Прижал, словно муху паутиной, к стене и мучительно долго рассказывал, как он любит наказывать строптивцев. Шептал скабрёзости в ухо, а ладонью задирал подол и мял бедра до синяков.

Но, похоже, он и сам устал от этой затяжной и странной войны, потому что в итоге мы заключили перемирие. Не понимаю, почему он позволил мне победить. Может, потому что это, по сути, ни на что не влияло? Я по-прежнему была в его владениях и в его власти. Но у меня появилась видимость свободы воли. Никто более не мог подойти ко мне и сделать что угодно. Даже сейр Гильронд. Месяц мнимой независимости взамен на добровольные анализы раз в несколько дней. От мысли, что в течение месяца со мной ничего не сделают и даже не тронут, даже стало дышать легче.

Вскоре я поняла, что месяц — это все, что у меня есть. Бранд не скрывал разочарования, ко мне все реже подходили за очередной порцией крови. Закончились осмотры. Ощутимо

снизились интерес со стороны ученых, которые трудились в его лабораториях. Я остро ощущала, что меня признали «обычной».

А еще через неделю усердного изучения документов я поняла, что это конец. Пусть многое так и осталось неясно, но выводы врачей были пугающе однозначны и одинаковы. И чем больше искала, тем больше понимала, что ничем не могу помочь. И я сдалась. Вышла однажды из комнаты с документами и больше туда не вернулась. Было невыносимо создавать видимость борьбы, зная финал. Что Бранд сделал с теми врачами, которые озвучили ему свой диагноз? Что он сделает со мной?

Я его практически не видела. Вначале даже спать боялась, все ждала, что он придет и принудит к чему-то такому, после чего и жить не захочется. Но шли дни, он лишь изредка заглядывал в мои глаза, оглушая давлением, а потом разочарованно уходил, оставляя липкое ощущение тошноты. Незнание и непонимание угнетали и доводили до тихой паники, с которой сражаться становилось все сложнее и сложнее. Казалось, весь этот мрачный мир застыл в ожидании бури.

Я сидела напротив Лалиней и тонула в черной тоске, когда ко мне присоединилась Маритта.

— Ты ведь обо всем уже догадалась? — тихо спросила она.

Я кивнула.

— Он безумен, Маритта. Вы оба безумцы. Весь этот черный мир — сплошное безумство.

— А разве ты не надеешься? На спасение?

Я не смогла ответить «нет». Ведь ждала, верила. Глупо и отчаянно. Мысль о том, что однажды на горизонте возникнет он и спасет меня, — единственное, что удерживало от падения.

— Ты тоже на что-то надеешься? — Я повернулась, чтобы взглянуть в глаза Высшей. Меня давно не отпускало ощущение, что она не живет, а словно чего-то дожидается.

С Маритты вдруг спала привычная маска ласкового превосходства, сквозь гладкую кожу проступила неосязаемая старость, а глаза подернулись пеплом. Впервые передо мной сидела не молодая кошка, а древняя женщина, слишком уставшая жить. Но более всего поразили слезы, заблестевшие в уголках глаз.

— Надежда. Я спрашивала много раз у богов и драконов. Могу ли я надеяться на прощение? Не будет его, Варвара, никогда. — Меня пугал ее глухой голос. — Но однажды, когда мертвец обретет сына, а бессмертная обратится в прах, я обрету свободу, а мертвый мир получит второй шанс.

Внутри меня зашевелилась боль. Столько дней я пыталась делать вид, что борюсь. Ждала. Непрестанно выглядывала в окна и высматривала его. А потом одергивала себя: он не придет за той, что сама ушла. Надеюсь, что разберусь и вылечу бедную девочку. А когда смогла продрасть через непролазный лес чуждой информации, поняла, что я бессильна.

— Что ты вспоминаешь, когда смотришь на нее? — спросила Маритта.

— Сказку про Спящую красавицу.

Сказку про девушку, которую все предупреждали, пытались оградить от опасности, а она сама

себя подставила. Вот только в сказке однажды появился принц и спас красавицу от вечного сна.

— Сказку... — задумчиво повторила Маритта. Поднялась, прошлась по комнате, присела перед камином и подбросила в догорающий огонь дров. — Что ж, сказку я могу рассказать.

В одном королевстве жил принц. Прекрасный, молодой и очень добрый.

Любил он всей душой красавицу из того королевства, называл нежной орхидеей и считал, что нет ее прекраснее на свете.

Но гордая и ветреная красавица отвергала доброго принца. Сбегала в леса с дикими разбойниками и уплывала за моря с лихими пиратами.

А потом снова возвращалась в свой дом, и снова приходил к ее порогу прекрасный принц. Он говорил ей о своей любви и предлагал руку и сердце.

Однажды вернулась красавица из своих путешествий грустная и печальная. А когда пришел в очередной раз к ней принц — бросилась к нему на шею и согласилась немедленно стать его женой. Обрадовался принц, не стал спрашивать, что же приключилось с красавицей в дальних краях, отчего она так опечалена и почему передумала. Счастливый, он подхватил ее на руки и унес в свой замок. Тем же вечером молодые сыграли свадьбу.

А через положенный срок родила красавица дочь. Прекрасную девочку, так похожую на мать. Но чем больше смотрела на нее красавица, тем больше печалилась. А вскоре умерла от необъяснимой тоски.

Опечаленный принц похоронил молодую жену, украсил могилу орхидеями и всю силу своей любви направил на подрастающую девочку. Весь его мир сосредоточился в глазах дочери.

Росла и хорошела малышка день ото дня, пока однажды не выросла в красивую девушку.

Прекрасный цветок, нежная лилия, однажды она тяжело заболела.

В том королевстве родители могли лечить своих детей магией собственной крови. Так и сделал отец. Дал он дочери кровь свою, чтобы вылечить. Но произошло страшное — девушка отравилась.

Разгневался принц и попытался вылечить дочь всеми возможными способами. Применил всю доступную магию, призвал силу рода, вложил в нее все, что было ему подвластно. Но чем больше он старался, тем хуже становилось девушке. Пока однажды она не уснула сном вечным.

В страшном горе принц укутал свое дитя силовым коконом и стал искать способы исправить случившееся. Добрый и светлый юноша ожесточился и превратился в черного и злого колдуна, который многие столетия не сдается и ищет способ разбудить свою Спящую красавицу.

Грудь девушки в центре сияющего голубого цветка поднималась ровно и монотонно. Белоснежные волосы облаком плавали вокруг чистого лица. Дитя обмана. Тебя сгубило чужое нежелание признавать правду.

— Маритта, почему ты все время проводишь со мной?

— От тебя пахнет жизнью. — На лицо Высшей вернулось прежнее выражение ласкового превосходства.

— Я должна тебя ненавидеть.

— Знаю.

— Почему у меня не получается?

— Потому что от меня пахнет смертью, и тебе меня слишком жаль.

Бранд стоял за дверью и слушал сказку Маритты.

«Только молчи, не произноси непоправимого!»

Но Варвара молчала.

Женщина, так не похожая на Орилию, принесла ему такое же разочарование. Совершенно обычная. Без единого признака дара.

От всех женщин одно разрушение надежд. Даже Маритта, кажется, в этот раз промахнулась со своими историями про «дар любви». Бранд дневал и ночевал в библиотеке Хаоса в поисках нужной информации, но встречал лишь то, что нашла его сестра, — легкие упоминания вскользь. Призрачный «дар» ускользал привидением, унося с собой надежды. Манил издали, не позволяя найти себя и приручить.

Он спустился в лаборатории. Лаборанты преданно заглядывали ему в глаза. Они сделали все мыслимые исследования, и все впустую. Маялись и ждали его следующих указаний.

Бранда в этом замке все боготворили. Сами создали, выуживая из подсознания, атмосферу средневекового замка с верной дружиной. Сами клялись в верности на мече. В отсутствие солнца обычные люди тянулись к Высшему, как комнатные растения к лампе. Все до единого, кроме Варвары. Может, все дело в этом?

Он потребовал последние анализы ее крови. Удивительно, но в ней был след от ауры Высшего. До сих пор. Неудивительно, что она по-прежнему смотрит на него затравленно и с отчаянной злобой.

То, что должно было раствориться без остатка за неделю, максимум за две, до сих пор бурлило в крови Варвары, давая ей защиту и мешая его работе. Бранд яростно отбросил отчет.

Любовь?

Она убила Орилию. Не помогла спасти Лалиней. Любовь свела с ума Маритту, превратив ее в меланхоличную пьянчужку, раздражающую своей неадекватностью. Он прощал ей все заскоки лишь за пророческий дар.

Это не любовь, это яд, отравляющий жизнь тех, кто однажды поддался искушению. Химический элемент, заставляющий скакать гормоны в причудливом танце.

Пора переходить к следующей стадии. Принудительно очистить кровь девчонки от ауры Тангавора, ее сопротивление уже порядком утомило. А после он заставит ее ощущать похоть и вожделение. Заставит ощутить любовь к нему. Может, именно этого не хватает для активизации дара?

Бранд погладил край стола и прищурил глаза. Это будет интересно. Он еще не сталкивался с подобной задачей — вытравить любовь из крови. Ему и раньше приходила подобная идея, но не попадалась в руки столь подходящая «мышка».

ГЛАВА 4

Цитадель Мертвых миров

Дни шли за днями. Тангавор, словно зверь в клетке, сгорал заживо изнутри. Как он и предполагал, его скрутили сразу на выходе из портала в цитадели. Вот только он не ожидал, что его засунут в темницу, даже не выслушав. Каждое утро к нему приходили магистры и предлагали мирное возвращение на рабочее место. И каждый раз Тангавор требовал встречи с Исайей. Досадливо качали головами равнодушные мужчины и уходили, оставляя бывшего аттара вновь одного. Игра на выдержку. Кто быстрее сдастся. Вот только не знали надзиратели с сочувствующими улыбками и пустыми глазами, что Тангавору некуда отступать. Позади выжженная земля отчаяния и вины, и только странное ощущение, что с любимой все в порядке, позволяло разуму оставаться чистым и спокойным. Не знали тюремщики, что смерть не страшна была мужчине с седыми висками, ибо в казни мерещилось избавление от душевной боли. А потому в конце концов Тангавор победил. У магистров не осталось выбора, закон есть закон, а значит, дезертира ждет суд владыки Исаяи Доррейона.

Однажды утром не магистры пришли к подсудимому, а незаметный слуга. Молча он выложил чистые одежды и бритвенные принадлежности, чтобы Высший по праву рождения смог привести себя в должный вид перед судом.

Мимо золотой галереи картин, по широкой парадной лестнице, через анфиладу изысканных комнат его привели в белый зал, огромные окна которого выходили в оранжерею.

— Тангавор Скай-Дарао, аттар, покинувший свой пост, дезертир. — Голос обвинителя дрогнул и неловко затерялся меж колонн. Сложно было считать предателем и трусом сильного мужчину, стоящего между стражниками.

По светлому паркету гулял легкий ветерок, донося сладковатые цветочные запахи из оранжереи. Через распахнутые стеклянные двери лилось журчание фонтана. Не сразу стало слышно шуршание колес по гравийной дорожке. Спустя несколько тревожных минут Тангавор с ужасом рассматривал, как между пальм и раскидистых кустов молодой мужчина толкает кресло-каталку. Сгорбленная и как будто выцветшая фигура старика, укутанная пледом, меньше всего подходила под образ владыки Мертвых миров. Абсолютно белые волосы и прозрачные глаза с тоскливым безразличием к окружающему, стиснутые руки с пергаментной кожей. Тангавор пошатнулся от понимания, что Исаяя, оглядывающийся в поисках долгожданной смерти, ничем ему не поможет, даже если захочет. Не от почтения, а от ощущения полного бессилия бывший аттар опустился на колени перед тем, в ком он надеялся найти шанс на спасение Варвары. Старик махнул дрожащей рукой, и лишние свидетели покинули зал, оставив двух мужчин, не боящихся смерти, наедине.

Не сразу стоявший на коленях Тангавор понял, что старик что-то шепчет. Все пытался осмыслить, что великий и ужасный Доррейон, которого так боятся студенты в Академии хранителей и так боготворят во всех Открытых мирах, сидит перед ним, жалкий и беспомощный.

— Подойди ближе, — наконец разобрал Тангавор шелестящие слова.

Бывший аттар поднялся, приблизился к креслу и опять опустился на пол. И снова не от почтения, а для того, чтобы видеть лицо слабого старика.

— Какой помощи ты ждал от меня? — Исаяя хоть и был невообразимо старым, глупее от возраста не стал.

— Я хочу знать, где сейр Бранд Гильронд.

— Как видишь, я не в силах дать тебе ответ.

Тангавор не мог отвести взгляд от морщинистых дрожащих рук с полупрозрачной кожей.

— Почему вы не передадите власть другому?

Не сразу он понял, что старик смеется. Колющий лающий кашель сложно было назвать веселым.

— А некому. Нет глупцов, чтобы взять на себя мою ношу. Владыка — звучит невероятно мощно и гордо. Не так ли? Это не награда, сын мой, а тяжелая ноша. За многие сотни лет так никто и не захотел сменить меня в этой роли. У Мертвых миров должен быть владыка. И не важно, что уже несколько столетий я мечтаю покинуть все миры разом и уйти к своей Марилей. Силы хаоса дают безграничную власть и огромные кандалы.

Тангавор сидел и пытался понять, каково это, когда ты царишь в далеком мертвом мире без права его покинуть, без друзей и врагов. Столетиями. А мимо тебя проходят свежие и юные хранители, которые исчезают по окончании контракта. Слишком большая разница между временным и неизменным. Охваченный бессильной яростью Тангавор едва подавил злой рык. Даже владыка был давно уже мертв в этих проклятых Призрачных мирах. Расползающееся от ветхости полотно, а не Вселенная. И все делают вид, что так и надо.

Он потрясенно застыл, осознавая масштабы проблемы. Их учили, что владыка ощущает все сердца осколков, способен считывать информацию с голубых кристаллов силы, что питают уязвимые миры. Потому и не нужна инспекция, не нужны проверки. Хранители заботятся о людях, живущих в парящих в космосе сферах. А владыка оберегает и поддерживает сами осколки. А сейчас перед ним старик, неспособный даже ложку удержать в своих руках. А значит, все Мертвые миры брошены на произвол судьбы и безнадзорны. Чудо, что ничего не произошло... а может, и произошло, да только некому следить за целостностью.

Если кто и знает, что Мертвые миры распадаются, то нет желающих взять на себя ответственность и освободить Исаяю от его ноши.

— Расскажите мне о силе хаоса, — выдавил Тангавор из пересохшего горла.

До самого вечера просидели мужчины в тишине ручья. Обитатели цитадели сначала удивленно, а потом встревоженно заглядывали в белый зал, не в силах перебороть растущее любопытство и панику. Весь оплот Мертвых миров замер от ощущения, что происходит нечто неслыханное, важное.

Старик и юноша с седыми висками не просили ни еды, ни воды и словно не замечали мир вокруг. Тангавор спрашивал, а Исаяя отвечал. И чем больше было сказано между ними слов, тем сильнее сдвигались брови бывшего аттара и тем больше появлялось надежды в глазах владыки. Тангавор уже отчетливо понимал, что проиграл. Свою шаари-на он потерял много лет назад, когда выпустил ее руку на пороге гостиницы утром. Варвара-вода коснулась его сердца,

омыла душу и растворилась между пальцев. Он может встать сейчас и уйти. Вернуться к своей должности, править маленьким миром, быть хранителем, а потом вернуться на Аккалон. И всю жизнь прожить в одиночестве, потому что сердце его навсегда останется в руках девушки с копной каштановых волос и серьезными глазами, которую он лично отдал гнусному злодею. Мыслима ли для него такая жизнь, отравленная виной и горем? Либо он будет сражаться за Варвару. Подчинится силе хаоса, получит возможность спасти любимую, но потеряет право назвать ее своей. И снова жизнь в одиночестве. Без разлагающего чувства вины, но жизнь более страшная и бесконечно длинная.

Сильный тигр, поседевший за ночь, не стал скрывать слез. Он проиграл не Варвару, он проиграл свое право на счастье. И теперь его жизнь не важна. Его мысли и желания не важны. Он не важен. На первое место вышли Мертвые миры, погибающие без твердой руки. И Тангавор мог сколько угодно сомневаться в собственном достоинстве и умениях, но если он, имеющий причины, сейчас развернется и уйдет, то остальные аяянеры тем более уйдут. Владыкой можно стать только добровольно и осознанно. Присылали Исайе кандидатов, которые по различным причинам вдруг решили стать владыкой. Ни один из них не прошел дорогу Хаоса. Потому что не было в их сердцах достаточно воли, вдоволь решимости. Не лежала за их спинами выжженная земля, заставляющая идти только вперед.

— На что это похоже? — спросил Тангавор.

— Будет больно, — ответил старик.

Страшная и непокорная сила хаоса. За право обладать ею надо отдать власть над своей жизнью и смертью. Стать владыкой, который не живет и не умирает. Не будет детей, не будет друзей, не будет и смерти, пока не появится достойный наследник. Не будет и любимой. Женщины на животном уровне ощущают «нежизнь» внутри владыки, неосознанно боятся и не могут любить носителя хаоса.

— Меня ненавидят, боятся, боготворят... но никто за семьсот лет так и не полюбил.

Аттар с ужасом вдумывался, каково жить так невероятно долго, существуя вне течения жизни. Зная, что все живое и доброе теперь тебя не касается.

— И Мертвые миры станут твоим единственным миром. Ибо носитель хаоса губителен для Живых миров.

Спросил Тангавор и о Бранде. Старик отвечал неохотно. Из скупых фраз бывший аттар наконец осознал, что его дядя причастен к пропаже магов первого и далее второго уровня. Он не стал спрашивать, скольких именно. Все прочел по трясущимся рукам и слезам в глазах Исайи. Мужчины, что не страшились смерти, одинаково оплакивали ошибки прошлого.

— Что он вам пообещал? — лишь спросил Тангавор.

— Освобождение, — прошептал уставший от жизни старик.

А к вечеру Тангавор, все это время простоявший на коленях, склонил голову к ногам старика и произнес давно ожидаемые им слова:

— Примите мою жизнь, заберите мою смерть, позвольте моим рукам помочь нести вашу ношу.

И старик с влажными щеками положил трясущуюся руку на склоненную голову юноши и принял его дар. Тангавор отчетливо понимал, что не ради Варвары он взваливает на себя «нежизнь», а уже ради чего-то гораздо большего.

Владыка — это не власть, это тяжелая обязанность следить, чтобы в бесконечности времени и пространств Мертвые миры сохраняли свою целостность. Чтобы бережно собранная память богов в осколках давно погибших миров неизменно существовала на краю Вселенной. Владыка — это смотритель, следящий за ровным биением сердец внутри каждого маленького мира. Нет у него подданных, нет истории, нет жизни и нет смерти.

На закате покинули белый зал старик в кресле и юноша с седыми висками. Провожаемые тревожными взглядами и перешептываниями, они направились вниз. Не замечая тяжести и ссадин, нес Тангавор по лестницам тяжелую коляску с легким стариком все глубже и глубже к центру цитадели. Туда, где мерно билось сердце самого Хаоса. Длинный узкий коридор из темно-зеленого камня. Они остановились в начале. Дальше дорога Тангавора. Обрести силу хаоса легко и сложно. Всего лишь сделать семьдесят семь шагов по ровному проходу в самый центр нестерпимого синего сияния. Просто дойти.

Вдох-выдох. Шаг и еще. Вперед. Оставляя позади сожаления и страхи. Надежды и мечты. Теряя себя, обретая целые миры. Тангавор не задумывался о том, достоин ли он, сможет ли. Это теперь уже было не важно. В середине пути в собственном теле там, где в Живых мирах он ощущал живительные потоки магии, возникло острое жжение, словно вместо прохладной силы воды по его жилам пустили жидкий металл. От вспышек боли Тангавор шатался и беззвучно кричал. Но... вдох-выдох, шаг и еще. Не ради себя и своей любви. Просто так сложились звезды. Вперед. Шаг, шаг и еще. Больно. Колени подгибаются. Тангавор вспомнил соленый поцелуй Варвары. Там, на перевале. Ей тогда тоже было больно. А она нашла в себе силы справиться. И он найдет. Шаг, шаг и еще. Эгоистичный и самовлюбленный. Он так был занят собой, что ничего не заметил. Лишь брал. Особенно той ночью, когда она сама пришла. Шаг, шаг и еще, вперед. Ради того, чтобы Варвара могла жить. Пусть без него. Но теперь она свободна, а Тангавор проследит, чтобы миры оставались целыми.

Вдох. Выдох.

Исайя боялся дышать. Другие претенденты, присланные слегка озабоченным советом с Аккалона, не могли сделать и двух десятков шагов — падали сломанными куклами и превращались в пепел. Тангавор же давно скрылся в плотном сиянии. Шатался от боли, но молча двигался вперед. И вот теперь, когда его не стало видно, Исайя боялся шевельнуться. Не знал, что выйдет обратно — вихрь пыли или преемник.

Спустя томительное время, когда старик прошел всю дорогу от надежды к отчаянию и обратно, в коридоре показалась фигура. Черный силуэт на фоне синего сияния. Прямая спина, четкая походка. Знакомый металлический запах. Мужчина, возвращающийся из хаоса, был переполнен силой и энергией. И старик снова заплакал, но уже от счастья и облегчения. Пусть он и обещал Тангавору не уходить, пока не передаст все знания. Пусть обещал быть рядом, стать мудрым наставником, но от ощущения близкой свободы щемило сердце. Что такое пара лет по сравнению с вечностью? Не сразу разглядел он, что бывший аттар вышел полностью седой.

Сильной пружинистой походкой он подошел к старику, склонил голову и, ни слова не говоря, подхватил коляску. Легко поднялся по лестницам, прошел по коридорам, добрался до знакомой оранжереи, поставил кресло Исайи на плиты пола и упал без сознания.

Черная и теплая тьма баюкала сознание Тангавора. Он плыл среди звезд, холодных и родных. Спокойно сияющих среди пустоты. Завораживающая красота. Удивительная гармония. Не сразу понял бывший хранитель, что это сердца осколков, а не звезды. И он теперь ощущает их все одновременно. Так вот как это происходит. Идеальная, совершенная система. Власть владыки — поддерживать существование миров. Власть хранителей — управлять населением этих миров. Сознание Тангавора плыло между полупрозрачными сферами, опутанными силовыми линиями, и восхищалось сложностью и мудростью каждой из них. Пока ему не попался мир, чьи линии были нечеткими. Сердце внутри осколка работало с перебоями. Тангавор попытался запомнить, что за мир нуждается в его внимании. А потом нашел и другой, такой же поврежденный. А потом третий. И чем больше вглядывался он, тем больше видел болезненных и раненых осколков, чье существование было под угрозой. Система без надзора и ремонта прохудилась и сбоила. Больно по сердцу резанули обнаруженные мертвые осколки, черными дырами висевшие посреди пустоты. Будущий владыка метался сознанием между мирами и угрюмо взирал на всеобщую картину начавшегося разрушения. Не сразу он вспомнил, что теперь он способен найти Бранда, а значит, и Варвару.

Вот он, умирающий мир с паразитирующим цветком над кристаллом хаоса. Только Бранд мог создать столь отвратительную магию, высасывающую силу из практически уже высушенного насквозь мира.

— Варвара! — выдохнул Тангавор и очнулся.

ГЛАВА 5

После очередных суток в странной апатии я сбежала из душных комнат, пропитавшихся кислым запахом, в прохладе мрачных коридоров. Бранд шел мне навстречу, держа свернутый кнут из темно-бурой кожи. Задумчивый отсутствующий взгляд, облако алкогольных паров. Я отвела взгляд, надеясь, что Высший не обратит на меня внимания, как обычно. Несколько недель он лишь издалека буравил меня своим тяжелым взглядом. Заглядывал в комнату, ставшую моим кабинетом, где я пыталась найти свое спасение, молча стоял в проходе и словно ждал. Но я не в силах была дать ему то, чего Бранд жаждал, а он не мог дальше изображать благородство. Я знала, какую грязь даруют эти руки в перчатках.

— Я противен тебе? — Он вдруг пьяно качнулся в мою сторону и навис надо мной.

И снова разъедающее ощущение чужой похоти громыхнуло в груди, задевая незнакомые струны внизу живота.

— Что ты нашла в этом глупом мальчишке? Он же отказался от тебя. Дважды. Как ты можешь продолжать его любить? — Обволакивающий голос завораживал, в ушах тонко звенели колокольчики. Совершенно не хотелось ему перечить.

В ужасе и сладком ожидании я оцепенела. Неловко гладила его небритые щеки и мысленно упрашивала отпустить. Бранд отбросил кнут и придавил меня к стене, вжимаясь всем телом. Каждой клеточкой кожи ощущала пьяное тепло его дыхания. Он медленно раздвинул мои ноги коленом и страстно впился в шею. Позорно плаваясь от его напора, слушая, как отзывается тело на его грубые ласки, я едва сдерживала слезы стыда и омерзения. Послышался треск, и платье перестало меня защищать. Его руки жадно блуждали по трепещущему телу. С моих губ сорвался невольный стон. И вдруг Бранд замер, тяжело дыша. Звон в ушах прекратился. Беспощадное давление страсти стихло. Он, не выпуская меня из объятий, прошептал, целуя в ухо:

— Разве я недостойн любви?

— Вы же мне обещали месяц. — Мой голос дрожал от острой смеси страсти и страха.

Бранд отстранился.

— Пора переходить к следующей стадии исследований, — процедил он и ушел.

Я сползла по стене и разрыдалась. Меня нашла Маритта, отвела обратно в мои комнаты, сняла порванное платье и усадила в душ. Поливала меня водой и болтала всякие глупости. Вода текла по лицу и шее, я остервенело терлась мочалкой и искала причины не сдаваться.

Следующий этап его издевательств начался с пахучего зелья, которое он сунул мне под нос.

— Хочешь, я покажу тебе, что делаю с непослушными девочками? — Что-то древнее и алчное взглянуло на меня из глаз Бранда, лишая воли к сопротивлению.

Когда по замку разошелся слух, что я врач, ко мне стали приходить девочки после его игр. Я не ахти какой хирург, но даже моего опыта хватало, чтобы увидеть неровно сросшиеся переломы и плохо стянутые края порезов, превратившиеся в уродливые шрамы. Как якобы великий ученый мог творить такое?

Ох, Тангавор, не от ревности ты сжимал мне руки до боли там, на приеме. Ты гневался на то, что Алию, незащищенную девушку, тот глупый боров притащил прямо под нос Бранду. Из нас двоих тогда ревновала только я, а ты просто защищал тех, за кого ощущал ответственность.

Самое отвратительное, что Бранда все обожали. Шипели, когда я зашивала рассеченную кнутом кожу на спине, и взахлеб делились воспоминаниями о неземном удовольствии. Я накладывала маленькие швы и, сжав зубы, слушала и слушала истории, оставляющие шрамы внутри меня. О наслаждении, которого можно достичь лишь через боль, и тонкой грани между пропастью и небом. Они совершенно серьезно мне рассказывали, что центр удовольствия находится рядом с центром боли. И Мастер знает, как взорвать эту точку фейерверком, заставляя сознание уплывать.

Я зашивала, лечила следы избиения и сатанела от услышанного. Вот, значит, какой я стану, когда закончится защита Тангавора, — маньячкой, кайфующей от кнута и изощренных способов унижения?

Пощечина вернула меня в реальность, где Бранд протягивал флакон с бурой жидкостью, а я отказывалась пить.

— Пей.

— Не стану!

— Ты обещала не мешать исследованиям.

Вот как, либо пей, либо в подвал, в его особые комнаты.

Я глотала собственный ужас и вонючую дрянь. Знала, как далеко он может зайти в своем желании достичь результата. У меня, правда, есть еще один вариант — наверх. Там из окна башни Лалиней прекрасный вид и подходящая высота...

Я не смогла сделать последний глоток.

Меня вырвало прямо на его ботинки. Опять.

Который день я проводила время подле Лалиней. Маритта не отходила от меня ни на шаг. Удивительно, именно тут мне было тепло и очень уютно. Она сказала, это потому, что мне нравится сила хаоса, идущая от цветка. Может, и так, я действительно словно согревалась в комнате, продуваемой темными ветрами. Даже привычная тоска по солнцу отступала.

После недельной пытки зельями, которые вызывали у меня тошноту и жар, Бранд затаился в глубинах своих лабораторий и больше меня не тревожил.

Я не могла помочь Лалиней, мои знания бесполезны, кровь обычна, а тело отвергало зелья Бранда. Финал близок.

В мрачной комнате я куталась в голубое сияние цветка, внутри которого спала безмятежная Лалиней. То смотрела в окно, то вглядывалась в ее нежное лицо, наполненное абсолютным покоем и умиротворением. Сколько мук она испытала, прежде чем получила свободу?

Моя невероятная Спящая красавица, нет во всем мире такого принца, который сможет разбудить тебя.

Сказка Лалиней закончилась давным-давно, когда юная дочь Бранда заболела. Редкое событие у айянеров. Обладающие магией и невероятной регенерацией, они ведь практически неуязвимы. А те редкие болезни, что все-таки настигают детей, не вошедших в полную силу, айянеры лечат родовой магией крови. Вот только девочка была полукровкой. Орилия вернулась уже беременной и родила Бранду чужого ребенка. Слепой в своей гордыни отец не желал признавать правды: девочка, которую он считал самым совершенным творением, вдруг оказалась нечистой по меркам их высокомерного мира. Отрицая очевидное, он лечил дочь магией рода и силой айянеров и не обращал внимания, что она лишь сильнее угасает. А когда девушка уснула вечным сном, наконец осознал, что натворил. Но было поздно. И теперь Бранду надо было смириться не только с тем, что его дочь — дитя разврата, полукровка, но и с тем, что он в своей слепой любви и ненависти своими руками убил ее.

В цветке жизни, в коконе силовых линий плавало тело, в котором уже не было разума. Живая оболочка с мертвым сознанием. Мне, как врачу, стало ясно из той кипы медицинских исследований и отчетов, что здесь нечего лечить, некого спасать. Сердце девочки впустую гоняет кровь. Душа Лалиней уже давно в других мирах. Именно с этим не мог смириться известный ученый и блестящий исследователь, спасший миллионы жизней. Бранд искал способ оживить, а не вылечить. И вся Вселенная не могла ему в этом помочь.

Маритта что-то рассказывала, а я расслабленно слушала. У меня больше не было сил трепыхаться.

И вдруг посреди очередного рассказа Маритта вскочила, широко раскрыла глаза и застыла, вглядываясь во что-то мне неизвестное. Ее губы побелели от напряжения. А потом она вздохнула свободно и рассмеялась. Так неожиданно красиво, будто колокольчики на ветру. Бросилась ко мне, упала на колени и обняла мои ноги.

— Варвара, — произнесла Высшая, — все закончилось.

Маритта, удивительно трогательная и беззащитная, разрыдалась, а я растерянно погладила ее по волосам. Куда только делся налет божественного превосходства? Сейчас передо мной была

девчонка, молоденькая, трепетная, словно еще не встретившая все горести этого мира. Все в здешнем Черном замке безумцы.

Маритта подняла голову, улыбнулась и совершенно по-человечески шмыгнула носом.

— Он идет.

Я вздохнула и посмотрела на дверь, но вдруг краем глаза увидела, как свет полыхнул на горизонте. Портал!

«Он идет!» — повторило мое сердце слова Маритты.

С недоверием я посмотрела в ее спокойные глаза, полные слез, а потом, спотыкаясь, бросилась к окну. Увы, портал был слишком далеко, чтобы понять, кто там появился.

Внизу раздавались встревоженные выкрики мужчин, которые вооружались и спешно седлали коней. Сердце кольнуло от тревоги, я невольно закусила губу от волнения. А вдруг Тангавор один и безоружен?

Сдержанно переговариваясь, всадники покинули замок и помчались навстречу гостю. Охваченная паникой, я не могла сосчитать, сколько их там было. Двадцать? Тридцать?

Я задыхалась от ужаса и пыталась разглядеть, что творится в темноте на горизонте.

Сзади с хлопком распахнулась дверь. Я вздрогнула и обернулась. Бранд с мертвенно-спокойным лицом смотрел на меня.

— Ждешь свой счастливый финал? Да, драгоценная пустышка?

Я боялась даже моргать. Безумные глаза Бранда обещали мне смерть. Я отчетливо увидела в его лютом взгляде свой приговор. Не ради выгоды, а для мести. В его руке наливался красный шар. Бранд сделал шаг ко мне. Я уперлась спиной в каменный подоконник. Сердце пропустило удар: так глупо будет умереть сейчас.

— А не будет тебе финала, девочка, не будет принца. Думаешь, он явился за тобой? Думаешь, там твой Тангавор? — Его голос хрипел, лицо было обезображено яростью и отчаянием. — Это пришел владыка. У таких не бывает ни жен, ни детей. Не тебя он явился спасти, а этот чертов осколок.

Бранд зарычал и швырнул в меня сверкающий шар, рассыпающий искры. Запертая между креслом и углом стены я замороженно смотрела на летящую ко мне смерть. Время как будто остановилось. Так странно, так грустно. Он пришел, а я не дождалась. В последний миг, когда я уже начала закрывать глаза, передо мной возникла черная тень, и женское тело, сбивая меня с ног, тяжело упало. Маритта, сидевшая в соседнем кресле, вскочила и заслонила меня от разряда. Приняла на себя мою смерть.

— Нет! — От звериного рыка зашатались стены.

«Варвара, тебе не о чем волноваться».

Я вглядывалась в белое лицо нечаянной защитницы, такое доброе и светлое. Качала ее на своих руках и плакала.

«Варвара, тебе не о чем волноваться».

Она знала так пугающе много. Все ее слова вдруг всплыли в моей памяти и заиграли другими красками. Кто ты, женщина, закрывшая меня собой? Не сразу я ощутила каменную руку на своем предплечье. Бранд грубо оттащил меня от Маритты и отшвырнул в сторону синего цветка.

Сжав руки на груди, он склонился над телом сестры и завыл, словно раненый зверь. «Бежать! — стучало в моей голове. — Скрыться, пока он не увидел, что я все еще здесь». Я получила второй шанс. Но стоило мне шевельнуться, как Бранд развернулся ко мне и набросился. Я была слишком потрясена жертвой Маритты, чтобы всерьез сопротивляться. Сильный и ослепленный яростью мужчина в одно движение скрутил меня и приставил к шее острый кинжал. Я спиной ощущала, как тяжело и рвано бьется его сердце. Выкрученные назад руки моментально онемели. Под окном в свете свечей и сиянии цветка жизни сломанной куклой лежала прекрасная женщина. Открытые глаза Маритты были невероятно спокойны, на губах застыла улыбка. Я не замечала холода металла у своей шеи, не обращала внимания на боль в вывернутых суставах. Моргала часто, чтобы смахивать слезы с глаз и не терять из вида девушку, которая закрыла меня собой. Зачем? У меня не было ответа. Она знала, что умрет вместо меня. И продолжала сидеть рядом со мной, поддерживать, напityвать верой и надеждой. Так странно и так больно. Кто же она, жестокая и одновременно добрая Высшая? Непредсказуемая, невероятная. Она рассказала так много историй, а я все равно ее совершенно не знала.

— Отпусти ее, Бранд.

Сухой спокойный голос отразился от стен и рассыпался колким льдом по каменному полу. Я судорожно вздохнула под острым лезвием, ощущая, как царапает кожу кинжал в напряженной руке Высшего. В дверях стоял Тангавор с абсолютно седой головой.

«Все закончилось».

ГЛАВА 6

Как же мучительно было собирать сознание, рассеянное в бесконечности. Тангавор сражался за каждый кусочек, растворенный в хаосе между ровными ритмами синих сердец. Сражение с бурей, с неистовой стихией. На пределе возможностей, на последних вздохах воли. Шаг, шаг и еще. Нужно возвращаться. Ощущение, что с Варварой все хорошо, пропало, оставив вместо себя истекающую тревогой рану. Рывок.

Тангавор Скай-Дарао, прошедший дорогой Хаоса, пролежал в беспомощности несколько дней. Доррейон, теряющий последние капли жизни, не спускал с него глаз. Мужчина, принявший новую силу, теперь сражался за свой разум. Его тело справилось, теперь очередь сознания. Тангавору необходимо адаптироваться к новому состоянию, не сломаться, не растеряться и выйти обратно из недр хаоса.

— Давай, сынок, ты нужен здесь!

Исайя помнил свои первые полгода. Когда сознание двоилось, тело предавало, а обретенная сила хаоса сжигала своим напором вены и сухожилия. Неподготовленное тело распирало до боли, упругие нити хаоса не слушались и, казалось, рвали разум изнутри. Как он заново учился ходить, двигать руками, говорить. Он честно сказал Тангавору, что будет больно, но не уточнил, как долго.

Будущий владыка шевельнулся и открыл глаза.

Пересохшие губы, дрожащие руки. Тангавор попытался сесть и со стоном опустился обратно на постель.

— Сколько я так пролежу? — прохрипел он едва слышно.

— Месяц-два, — участливо ответил старик, пряча вздох облегчения. Вот теперь точно все. Хаос принял нового владельца. Исая уже ощущал, как долгожданная смерть ласково обнимает за плечи.

— Я ощущаю все Мертвые миры, каждое биение кристаллов силы. — Тангавор проговаривал новые возможности в надежде, что сознание поскорее адаптируется и комната перестанет двоиться. — И вас ощущаю... в своей голове...

Еще сутки пролежал он в полубессознательном состоянии. Тревога за Варвару едким ядом плескалась на обочине сознания. К вечеру следующего дня Тангавор уже мог отчетливо ощущать силу, текущую вниз по телу. Не привычное восходящее движение в голову, а раздражающий уход в пальцы ног и рук. Не поднимаясь, он пытался сделать простые бытовые заклинания, но даже те срывались. Сколько же времени понадобится, чтобы обуздать своенравную силу?

Не давая себе отдыха, Тангавор раз за разом рисовал простые сплетения. Еще и еще. Когда наконец нить хаоса стала подчиняться, приступил к базовым узлам. Сосредоточенно, до рези в глазах. Не обращая внимания на дрожащие руки и боль в голове.

Старик молча кивал. Теперь он и сам ощущал Тангавора. Не явно, но яростный страх за кого-то другого просачивался сквозь связь и подсказывал, что не послушает юноша его и не отступится.

Будущий владыка к силе привыкал сложно, словно сражался каждую минуту сам с собой. Сесть на кровати — прогресс, встать на ноги — достижение. Но шли часы, текли дни, и вскоре Тангавор снова разрезал пространство уверенной походкой. Подчинилось тело, усмирился разум, он свыкся с новыми потоками информации, лишь одно никак не удавалось — обуздать силу, подчинить ее рукам. Коварной змеей она выскальзывала и жалила при попытке с ней работать. Дикая, непокорная, словно необъезженный жеребец. Тангавор вскоре признал, что тянуть больше нельзя. Тревога за Варвару возросла до предела.

Не было среди толпы управленцев хороших стратегов. Протоколы военной операции существовали лишь на бумаге. Молодые айянеры, заполнившие цитадель, умели управляться с документами и отчетами, а не с мечами и мятежами. Тангавор не сомневался, что на осколке Бранда его ждет горячая встреча. Он послал запрос в Открытые миры о вооруженной поддержке, но ответ мог прийти слишком поздно.

Собрал всех, кто был готов с ним идти, снарядил по полному протоколу амулетами и щитами. Обговорил с каждым план действий. Будущий владыка не был обучен воевать и хорошо понимал, что затеял чистую авантюру. По-хорошему надо дожидаться подкрепления из Открытых миров, не лезть на рожон. Тем более пока он бессилен как маг. Но мысль, что он опоздает, жгла Тангавора изнутри.

Портальный круг. Тишина, сосредоточенные мужчины, обеспокоенные провожающие. Единственное, что давалось Тангавору легко, так это связь со всеми Мертвыми мирами — достаточно было закрыть глаза и потянуться. Привилегия владыки Мертвых миров —

перемещаться меж осколками одним своим желанием. Перламутровая арка моментально налилась силой, не нужны ни заряженный порталный камень, ни координаты осколка.

Тангавор изначально ощущал, что мир на краю гибели, но открывшаяся картина поразила даже его. Черная потрескавшаяся земля до самого горизонта, злобный ветер, одичавший в пустоте. Встревоженные возгласы спутников, не готовых к столь удручающей картине. Бранд хорошо от всех укрылся, стер координаты мира, закрыл сюда доступ для всех лишних. Воспользовался тем, что Исаяя потерял от старости способность ощущать миры.

Мужчины не стали отходить от портала. Спешно сооружали укрепление из прозрачных щитов, подключали амулеты. Их задача была принять на себя основной удар и отвлечь. Удержат непродуктивным боем, скрывшись за щитами.

В том, что на них несется вооруженный отряд, Тангавор не сомневался. Слишком много часов провел в исследованиях привычек Бранда. Собирал малейшие слухи, анализировал данные. Крутился с мечом в тренировочном зале и рассуждал. Нет у него сегодня ни единого преимущества перед древним Высшим с его маленькой армией, кроме скорости и силы, не желающей подчиняться. Ведь не осколок он пришел отвоевывать, а Варвару.

Накинув капюшон плаща, умеющего сливаться с местностью, он по широкой дуге побежал навстречу всадникам. Сливая все запасы из накопителей силы в маскировочные щиты, он незамеченным оказался позади отряда. Конники неслись во весь опор, растянувшись длинной цепочкой. Они видели гостей у портала, готовящихся к атаке, но не заметили Тангавора, стоявшего меж камней. Сливаясь с топотом копыт и свистом ветра, он чистой силой хаоса смахнул последнего всадника и перехватил коня. От дикой энергии, прошедшей через руки, закружилась голова.

Оставив своих людей позади встречать конницу, он во весь опор помчался к замку. Минута, другая, и маскировочные щиты рассеялись. Не важно, всадники уже увязли в бою, а Тангавор умчался далеко. Когда он поравнялся с сухим лесом, в одной из башен полыхнуло синим пламенем.

— Варвара! — закричал он в ужасе.

И сила, которую он боялся, вдруг потекла по рукам, ненадолго став союзницей. Тангавор вынес ворота взмахом ладони и разметал стражу внутри двора. Мелькание мечей, ненавидящие глаза, собственное дыхание и яростные хрипы противников. Переполненный неожиданно щедрой силой хаоса, он дрался за десятерых. На его меч бросались даже девки. Пришлось отшвыривать их простой силой в надежде, что те всего лишь отобьют себе мягкие места да остынут на время. Когда поток людей, встающих на защиту хозяина, иссяк, Тангавор взбежал по лестнице внутрь замка и пошатнулся. Потемнело в глазах, закружились стены. Злой Хаос ужалил в ответ на столь щедрое пользование и так не вовремя лишил подпитки. Тангавор на одних инстинктах прорывался через последние заслоны. Руки, привычные драться, умеющие держать меч, сражались, словно сами по себе защищая своего хозяина. Едва удерживая себя в сознании, он добрался до заветной комнаты в башне и замер.

Посеревший Бранд, страшный в отблесках огня, скрутил хрупкую Варвару и приставил нож к ее шее. Родная, любимая, совсем осунувшаяся, со слезами на глазах. «Живая», — облегченно выдохнуло сердце Тангавора. Меч выпал из онемевшей руки.

— Отпусти ее. — Воздух с трудом ходил в легких после бешеной гонки.

Когда Бранд увидел одинокую фигуру Тангавора, скачущего во весь опор к замку, он выставил своих людей у ворот.

— Глупец, куда тебе...

А потом пришло озарение. Тангавор не одинок. За его спиной сам Хаос, и он не даст погибнуть своему единственному представителю, как не давал ранее умереть Доррейону. Бранд может выставить многотысячную армию, а результат будет тот же — рано или поздно Тангавор ворвется в замок и заберет ту, за кем пришел. Варвару. Так вот о какой любви все пыталась рассказать Маритта. Хотелось завывать, зарывать от собственного бессилия.

«Не отдам», — подумал Бранд как-то очень отстраненно и бросился наверх, туда, где тешила себя надеждой пустышка Варвара. Неужели она стоила такой цены, которую заплатил мальчишка Тангавор?

Бранд собрал всю свою ненависть, всю свою боль в тугой сгусток смертельной энергии и швырнул прямо в лицо тонкой девочке, стоявшей у окна. А после беспомощно наблюдал в бесконечную секунду, как вечно пьяная эгоистичная Маритта с улыбкой на лице принимает всю его ненависть на себя. И ему даже почудилось, что она благодарит.

Бранд не мог вспомнить, как долго простоял на коленях у тела сестры, пытаясь найти хоть одно разумное объяснение произошедшему. Должен, обязательно должен быть смысл в столь безрассудном поступке. Руки чесались завершить начатое и придушить человеческую тварь, съжившуюся неподалеку от страха. Но расчетливый ум требовал не торопиться. Он сначала должен был понять, зачем так поступила Маритта. Зачем спасла Варвару.

В самый последний момент он догадался — Тангавор, теперь сильнейший из всех существующих магов во Вселенной, сделает все что угодно ради спасения своей девчонки. Тангавор жизнь уже отдал ради нее, что теперь для него вылечить Лалиней? Пустяк.

Бранд рванул пискнувшую Варвару и скрутил ей руки. Жесткая хватка и кинжал у шеи. Теперь Тангавор обязательно сделает то, что мечтал сделать сам Бранд, — исправит прошлое, вернет его дочери жизнь.

ГЛАВА 7

— Отпусти ее, — повторил Тангавор, и я зажмурилась от родного голоса, по которому так тосковала. Даже сейчас, когда от него веяло пустотой и безжизненностью, я любила его. Не сразу увидела, что одежда Тангавора окровавлена, а правая рука неестественно висит вдоль тела. Заметила, как он пытается скрыть за ровным медленным дыханием боль от ран.

Но я не боялась. И пусть Бранд малейшим нажатием мог перерезать мне горло, а Тангавор едва стоял на ногах. Пусть мое тело было живым щитом, а мой любимый был без оружия — я улыбалась.

— Что ты хочешь? — Тангавор проговорил спокойно и даже ласково.

— Это его дочь, она слишком долго пролежала, — на одном дыхании выпалила я.

Бранд сильнее сжал меня в своих руках, по шее потекла теплая струйка крови из пореза на коже. «Ну же, любимый, ты должен все понять». Тангавор не отводил взгляда от моего лица.

— Я помогу твоей Лалиней, — медленно сказал он, делая шаг вперед.

— Поклянись, — прохрипел Бранд.

— Слово владыки, я помогу твоей Лалиней. — Вокруг Тангавора вспыхнуло и пропало голубое свечение.

На долю секунды руки Бранда дрогнули и ослабли, мужчина за моей спиной качнулся. Смазанное движение, синие всполохи, рывок, и я прижалась к твердой груди Тангавора. Не хотела оглядываться, не могла пошевелиться. Я вжималась в него изо всех сил. Сзади раздался сдавленный голос:

— Ты дал слово.

— Варвара, — услышала я тихий шепот над головой, подняла лицо и увидела черные глаза со знакомыми рыжими всполохами. Тангавор невесомо поцеловал меня в лоб и аккуратно отвел за свою спину.

— Ты дал слово! — закричал Бранд.

В комнату вошли незнакомые мне воины. Я отвернулась и прижалась лбом к спине Тангавора. Потрясенный воздух доносил до меня лязг дверей, шаги и сдержанные переговоры. Я стояла зажмурившись, наслаждаясь теплом тела аттара. Ощущала, как все ровнее и свободнее звучало его дыхание. Вот он шевельнул пальцами неловко висящей раненой руки. С такой регенерацией никакие врачи не нужны.

Вскоре в комнате остались только мы вдвоем. Еще долго был слышен пронзительный крик Бранда, которого уводили, закованного в кандалы: «Ты дал слово!»

Тангавор развернулся ко мне и настороженно заглянул в глаза:

— Ты не боишься меня?

Я бросилась к нему на шею и целовала лицо, губы, глаза.

— Ты пришел! — шептала я и таяла от счастья. — Ты живой.

Он обнял меня одной рукой и стиснул так, что дыхание пропало. Не знаю, сколько мы простояли, прижавшись друг к другу. Без слов, без объяснений. Проносились минуты, текли часы, а я стояла и слушала биение его сердца. словно мы одни во всей Вселенной.

Я вздрогнула, когда услышала чужой голос:

— Сэрд Скай-Дарао, что прикажете сделать с телами девушек?

Я высвободилась из его объятий и подошла к Маритте. Юное безмятежное лицо и открытые глаза. Удивительная пантера, идущая своей странной дорогой. Присела и протянула руку, чтобы опустить ей веки. Но стоило мне дотронуться до ледяной кожи, как Маритта осыпалась золотистыми чешуйками. Ветер, гуляющий по комнате, подхватил их и закружил в медленном вальсе. Бесшумным роем мотыльков поднялись полупрозрачные пластинки и потянулись в окно.

— Вайдига, — прошептал Тангавор, опустил сзади меня и обнял, прижимая к груди. — Так, значит, Маритта была Поцелованной драконами. Это многое объясняет.

Я замороженно смотрела, как кружились и танцевали на тонком ветру чешуйки и тянулись в

небо, и слушала сдержанный голос мужчины.

— Быть отмеченной драконами — ужасное наказание. Человек больше не принадлежит себе. Он становится орудием предсказания. Идет по нитям чужой судьбы, не своей. И из всех возможных вероятностей грядущего каждый раз выбирает то действие, которое приближает нужное драконам будущее. После гибели первых миров отец Свет и мать Тьма подарили драконам возможность скрываться во тьме и проходить сквозь свет. А бог Хаос позволил драконам оберегать миры от катастроф, подарив «поцелуй судьбы». Драконы не меняют судьбы, не перекраивают истории, лишь незаметно для окружающих, неощутимо для времени склоняют чашу судеб к правильному финалу. Что случилось — должно было случиться, но не во всех вероятностях будущего. А Поцелованная драконом неосознанно ощущает, какая дорога верная, словно парит над потоком истории и превращает маловероятное в бесповоротное.

— Она закрыла меня от смерти, — прошептала я.

Маритта растворилась, оставив после себя лишь улетающий золотой вихрь... Теплым поцелуем коснулся меня воздух и вынес остатки золотой пыли в окно.

— Маритта воспользовалась своим правом начать новую жизнь. — Руки Тангавора сжимали мои плечи, он носом уткнулся в мои волосы и замер. Так странно, он пришел за мной, но принес с собой пропасть между нами.

— Сэрд Скай-Дарао, а что со второй девушкой? — Мужчина в дверях смущенно кашлянул.

Тангавор тут же отстранился от меня и подошел к цветку с Лалиней.

— Ты уверена, Варвара? — спросил он, дотронувшись до шеи девушки, нащупывая пульс. Удивительно, сколько ни пыталась, у меня не получалось пройти сквозь мерцающий барьер кокона.

Я вздрогнула и улыбнулась. О мой серый заledenевший тигр, ты по-прежнему понимаешь меня без слов. Смог догадаться по моей неловкой фразе, что девушку уже не спасти, дал слово «помочь», а не «вылечить».

— Отпусти ее, — кивнула я.

Не вытаскивая рук из голубого соцветия, Тангавор замер и зашептал что-то одними губами. Словно договаривался с чем-то. Ласково он развел лепестки цветка и вынес девушку из кокона. Бережно уложил ее на пол и наклонился, глядя по щеке. Ровное и монотонное дыхание становилось все реже и тише. Сияющая молодостью кожа теряла упругость и серела. Я подошла к ним, опустила рядом и взяла Лалиней за запястье. Удар, удар... удар... Все.

— Портал открыт еще?

— Да, мой господин.

— Пусть доставят все для ритуального погребения.

— Слушаюсь. — Мужчина ушел.

Тангавор перевел взгляд на меня и грустно улыбнулся:

— Мне все равно предстоит восстанавливать этот мир, пусть у него появится новое имя.

— Лалиней?

Тангавор кивнул. Цветок, что столько лет поддерживал ненужную жизнь в теле, увядал, как настоящий бутон. Опадали призрачные голубые лепестки, тускнел стебель, и вскоре лишь голубые пылинки в воздухе напоминали о колыбели для Спящей красавицы. Мне не было грустно, но я едва сдерживала слезы. Сколько же добра и зла совершено во имя любви!

Тангавор сидел в позе лотоса, закрыв глаза, и молчал, а я разглядывала родное и незнакомое лицо. Новые морщинки, побелевшие волосы. Губы, которые стали тверже, складка меж бровей. Он шел ко мне. А теперь не желает сделать последний шаг, я очень хорошо это ощущала. Но не время набрасываться с разговорами.

Не сразу я поняла, что изменилось, — за окном стало светлеть. Небо раскрасилось пастельными теплыми оттенками приближающейся зари.

— Подарим этому черному миру немного рассвета. На пару часов. На большее у меня пока не хватит сил.

Я с восторгом посмотрела на Тангавора. Это он сделал? Потрясающе.

И кажется, я начинаю понимать, о чем говорил Бранд. Неужели Тангавор и правда теперь владыка Мертвых миров?

«У таких не бывает ни жен, ни детей».

Тангавор сидел, наслаждаясь мгновением. Закрыв глаза, он пустил силу свободно течь через тело вниз к уставшему кристаллу. Понадобится много лет на восстановление сердца, истощенного неестественной магией. А сейчас всего лишь хотелось дать Варваре, осунувшейся за долгие недели в темноте, хоть немного света. Чтобы ее волосы снова засияли, а глаза заблестели. Нереальная и такая живая, она сидела рядом. Он ощущал ее взгляд на своем лице. Ведь догадалась уже, поняла, но молчит.

У владык не бывает жен, потому что женщины остро ощущают чужую, колкую силу внутри, там, где должно быть сердце. Неуютно теплomu гибкому телу рядом со служителем Хаоса, холодного и равнодушного.

У владык не бывает детей, потому что нет женщин, способных пройти дорогой Хаоса, а только такие смогут принять его семя. Если уже за многие столетия Исаяя дошел до отчаяния в попытке найти достойного преемника, то мечта о сильной спутнице, не испугавшейся принять Хаос, и вовсе несбыточна.

Так и сидел владыка Мертвых миров в башне, продуваемой ветрами, и мысленно прощался с хрупкой женщиной, укравшей его сердце. Дважды он отказался от дара богов бездумно и неосознанно. А теперь с ясной головой он готовился отпустить ее в третий раз.

Сейчас, в тишине и покое он наконец осознал, отчего вдруг покорился ему хаос на подступе к замку. В тот момент, когда он увидел вспышку в окне башни и в ужасе прокричал имя любимой, к нему подключился Исаяя. На последних каплях жизни передал крохи умения Тангавору, подарил возможность хоть ненадолго обуздать неуправляемую пока силу. Дал шанс будущему владыке прорваться через озлобленных воинов, поджидавших его в замке. И теперь там, где Тангавор ранее ощущал Доррейона, была грустная тишина. Исаяя отдал последнее, что у него было, и ушел. А Тангавор стал владыкой Мертвых миров, и не важно, готов ли он,

достойн ли, сможет ли... У нового хозяина хаоса нет теперь выбора, ибо Исайя в него поверил.

Тангавор открыл глаза и посмотрел на Варвару, впитывая напоследок ее черты. Потом улыбнулся, легко поднялся и подхватил тело Лалиней на руки.

— Идем, пора выполнять данное Бранду слово.

И, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Длинные коридоры и широкие лестницы. Молочные предрассветные сумерки заполняли замок, меняя его до неузнаваемости. Тонкая резьба на светлых стенах, спиральные колонны, переходящие в многоуровневые потолки. Витражи, роспись на стенах. Угрюмое и тяжелое здание, через которое Тангавор прорывался с боем, вдруг оказалось легким и воздушным дворцом. Будет интересно сюда вернуться, когда в мире сможет взойти солнце.

Он вышел во двор, где под охраной прямо на камнях сидели на коленях связанные обитатели замка.

— Бандиты и разбойники, — вздохнул Тангавор, раздумывая, удастся ли спасти их сознания, спаленные жизнью рядом с Брандом. Ведь тот вряд ли стеснялся использовать всю мощь ментального внушения.

Бранд с черным лицом пошатнулся при виде Лалиней на руках владыки.

— Ты же дал слово, — сипло выдавил он.

— Я дал слово ей помочь, — спокойно произнес Тангавор и вынес девушку за ворота. Уложил прямо на пепел черной земли. Белокурые волосы взметнулись от порыва ветра и заплясали последний танец под нечеловеческий вой мужчины, своими руками убившего сначала дочь, а потом сестру.

Тангавор стоял над Лалиней и мысленно перебирал растущий на глазах список проблем, которые надо решить. Разобраться, зачем Бранду понадобилась Варвара. Понять, что творилось в его лабораториях, а значит, найти понимающих и верных людей. Посетить те миры, чьи кристаллы начинают терять стабильность. Тангавор усмехнулся. Похоже, затеянная Брандом инспекция пойдет своим чередом и действительно с владыкой во главе.

Одно радовало — для общения с голубыми сердцами Мертвых миров не требовались ни навыки, ни инструкции. Сила, которая не желала складываться в нужные заклинания и сплетаться в требуемые узлы, при соприкосновении с кристаллами текла четко и почти разумно. Словно владыка лишь проводник, лишь инструмент для бесперебойной работы всех Мертвых миров.

Но впереди многие столетия, однажды своенравная сила подчинится и собственным нуждам владыки.

Тангавор не замечал, что от его лица и рук шло голубоватое мертвенное сияние. Не видел он и ласковый взгляд Варвары, нерешительно застывшей у ворот. Стоял широко расставив ноги и смотрел вдаль, отмечая краем глаза, как уводили связанных обитателей замка к порталному кругу, как рубили сухой лес для погребальных костров. Вот подвели Бранда с опустевшими глазами. Бесформенной кучей тот осел на землю и застыл. Тангавор вдруг понял, что не может сердиться на дядю. Нет больше ни страха, ни презрения, ни детских обид. Лишь понимание, что тот когда-то был хорошим человеком, а потом ряд поступков ради «блага» и...

Разве мог судить его тот, кто оставил гору трупов на камнях замка ради жизни одной-единственной женщины? А ведь Тангавору пришлось впервые убивать...

Отпустить Лалиней было легко.

Отпустить Варвару казалось невозможным.

И владыка Мертвых миров перебирал все возможные задачи, ставил близкие и далекие цели, лишь бы не думать о ней.

ГЛАВА 8

Жизнь с тобой.

Большого не прошу...

Тангавор открыл мне дорогу домой прямо из черных земель.

Он отпустил меня, и я понимала его.

Нежно поцеловала в уголок губ и ушла.

Шагнула в портал и не обернулась.

Все правильно, все как должно.

Прежде чем я побегу к Тангавору отвоевывать свое место рядом с ним, мне надо разобраться, отчего между нами пропасть. А еще дать время ему и себе. Если и начнем нашу историю заново, то не на трещинах черной земли, не после того, как Маритта и Лалиней развеялись по воздуху пеплом, золотистым и лазурным. Украшение на шее, дракон, обнимающий голубую каплю с рассветными искорками, теперь символизировало для меня нечто большее, чем мимолетный подарок. Слезы Идайн-Тсури, вобравшие в себя две жизни, с которых все началось и которыми все закончилось. И дракон как символ того, что все неслучайно.

Мертвые миры обрели нового владыку.

Мы оба сделали по собственной глупости огромные круги в темные края ненависти и боли. Теперь нужно разобраться каждому по отдельности с последствиями. А йотом начать сначала. Я верю в нас.

Я вернулась к себе домой. Крохотная квартирка, словно из другой жизни. Работа, на которой никто меня уже не ждал. Весна, растворившаяся в буйной зелени садов. Здесь ли конец моего круга? Или на карнавале, когда я ответила Тангавору «да»?

На следующий день после возвращения я, словно чужеземец, гуляла по улицам. Зашла в больницу и ощутила себя посетителем. Легко, ни капли не сомневаясь, написала заявление по собственному желанию. Боялась, что меня за месячный пропуск будут ругать, но, оказывается, Сотар прикрыл мое отсутствие какими-то бумагами из министерства. Не стала вникать. Остро ощущала, что мне здесь не место. Разрешили написать задним числом, даже отрабатывать положенные две недели не пришлось. Как же быстро можно перечеркнуть прошлую жизнь. Долго обнимала чуть пополневшую и похорошевшую Катюшу. Она на меня слегка обиделась,

отсутствовала я так долго, а рассказать-то ничего не смогла. Сестренка моя милая. Я буду скучать.

В оставшиеся дни весны я гуляла и нежилась под майским щедрым солнцем. Смаковала непривычную свободу. Покупала цветы и дарила грустным девушкам. Кормила птиц. Читала сказки. Каждый миг принадлежал лично мне. Я ощущала, что наконец пишу свою историю. Сама.

Однажды ко мне приехала Ханна-Мэй. Я чуть не разрыдалась, когда увидела доброе лицо той, которая спасала меня в минуты отчаяния. Не стала ей ничего рассказывать. Мы чинно пили чай в моей смешной кухоньке. Болтали о всякой ерунде. Она вежливо поинтересовалась, что делать с теми нарядами, которые так и висят в моей гардеробной.

— Приберегите, — попросила я ее.

— Спасибо, — сразу поняла она меня.

Большого я не могла пообещать. Сейчас танец двоих, и я не знаю, готов ли Тангавор к своей партии. Выйдет ли он ко мне на танцплощадку. Я без стеснения терзала Ханну-Мэй вопросами про него, а она без утайки рассказала все, что знала.

При прощании я не стала сдерживать эмоции и отбросила всякие церемонии. Обнимала ее и плакала. Только она понимала мою невыносимую смесь страха и надежды.

Через несколько дней я получила небольшую посылку. Обычная непримечательная коробка с незатейливыми штампами и без обратного адреса. Я несла ее домой дрожащими руками — мне чудился терпкий запах сандала и горького меда из полыни.

Не помня себя, я рвала оберточную бумагу, осыпавшуюся встревоженными клоками на пол.

Предчувствия меня не обманули, посылка была от Тангавора. Письмо, длинное, на нескольких листах, браслет из того голубого янтаря, что я нашла в дереве, и банка кофе.

Ох, мой тигр, ты совсем не умеешь ухаживать за девушками. Я прижала листы к груди и радостно рассмеялась, получив от него неловкий привет. Сам владыка Мертвых миров написал мне. Своей рукой ответы на вопросы из списка, что я составила в долине Идайн два месяца назад. Подробно и явно подбирая слова. Было в этом что-то удивительно бережное, личное. Я остро ощущала, что он отвечал именно мне. За каждой строчкой прятался целый рассказ. Словно сборник сказок и легенд, если бы не понимание, что это все правда. Там, за ненастоящим небом скрывается целая вселенная чудес. Жестокая, опасная, но прекрасная.

В середине июня я отдала ключи от квартиры новым владельцам и уехала в столицу. Бесстрашно веря, что мне не придется возвращаться, я обрезала все концы. Поселилась в той самой гостинице «Медная лилия», на пороге которой мы расстались. Пришлось брать самый дорогой номер, чудом оставшийся свободным. Повезло, что гостиница сохранилась практически неизменной за столько лет. Всего через несколько дней начиналась неделя Джунай.

А я среди роскошных интерьеров острее ощущала себя как в сказке. И наряды были подходящие. Выбранные мной лично.

Я не ждала его. Наша ночь в самом конце, во время маскарада. От всей души наслаждалась идущим праздником. Вдыхала запахи, пробовала всевозможные сладости, щедро кидала

монетки в шляпы артистов и в фонтаны. Танцевала до упаду и отбила себе ладони. Пьянела от предчувствий и ожиданий. Я растворялась в священном празднике любви.

Неделя пролетела как волшебное мгновение, и вот я стояла перед зеркалом, нервно одергивая складки платья. Распущенные волосы, золотая маска и платье цвета морской волны — как раз под браслет и кулон из голубого янтаря. Стол накрыт на двоих. Страшно представить, что я могла сюда вернуться одна. Решительно тряхнула головой и выскочила на улицу, в гущу праздной толпы. Сердце билось как сумасшедшее, замирая иногда от громких криков. Я еле сдерживала непослушные ноги, так хотелось сорваться и побежать прямо туда, к главному фонтану на площади. Безумствующая, ликующая толпа в масках кружила меня в медленных вихрях, увлекала к эпицентру гуляния. Вот она, площадь Семи богов.

Я увидела его сразу. Безошибочно узнала в темной фигуре на другом конце площади Тангавора. И вдруг все стало реальным, настоящим. И обрушились на меня оглушительная музыка, и сотни запахов, и радостные выкрики людей. Сердце, боявшееся биться, затрепетало в груди пойманной птицей. Казалось, в ожидании этого момента прошла целая жизнь. Он стоял и смотрел прямо на меня, даже сквозь двойной щит наших масок я ощущала его теплый взгляд. Вдох-выдох. Все так знакомо и ново. Шаг, шаг и вперед. Тягучий пряный воздух словно подталкивал меня к нему, к мужчине, с которым я просто хотела быть рядом.

Он налетел на меня, словно шквал, освежающий и сносящий с ног. Подхватил, сжал в объятиях и окружил. Я рассмеялась и раскинула руки.

— Потанцуем, — жарко прошептал, укутывая своим дыханием. У меня не было слов, я просто гладила его по плечам, щекам, волосам и пьянела от счастья. Не помню, кивала ли я головой или он снова понял меня без слов. Не заметила, как переместились на танцплощадку и затерялись среди танцующих пар. Не ощущала, как неосознанно отшатываются от нас люди, почувствовавшие касание недоброй силы. Вскоре мы танцевали в свободном круге. Око бури в водовороте веселья. Для нас двоих. Наш оазис, наполненный магией.

— Ты не боишься меня? — снова спросил меня Тангавор.

— Я люблю тебя, — честно ответила я, утопая в его теплых глазах с рыжими всполохами.

Мой тигр, мой горький мед. За последние дни я ведь словно не жила. Мир стал пустым, чужим. Дышу тобой, живу только рядом с тобой. Мне без тебя никак.

Я обняла его крепко, как смогла, чтобы выразить все то, что было невозможно кричать здесь посреди ликующей толпы. Как же с ним хорошо. Я тонула в таком знакомом и удивительном чувстве безопасности, вдыхала терпкий запах сандала.

Без слов мы снова, как и пятнадцать лет назад, гуляли, ели пряную тиммалу, дышали праздником, любовались фейерверками. Целовались. Не так, как тогда, робко и нежно. Жадно, кусая губы, выражая всю боль, все сомнения, до потери пульса. Маски сорваны, юность давно прошла. И пусть мы практически не постарели, но, боги, как же долго мы шли друг к другу!

— Я нашел тебя! Моя любовь, отмеченная богами, — шептал Тангавор между поцелуев, и я знала, что это не просто так. — Ты — мое дыхание, ты — каждый удар моего сердца, ты — волшебство. — Он сжимал практически до боли, и мне это нравилось. Он меня нашел. — Ты будешь моей избранной? Станешь моей единственной, мой удивительный дар?

В полуосвещенной комнате на верхнем этаже гостиницы плясали отблески от городских

фонарей и непрерывных фейерверков. Мы замерли друг перед другом, едва дыша. Его пальцы ласково провели по моей щеке, невесомо скользнули вдоль шеи и обвели впадину между ключицами. Все правильно. Круг замкнулся. Я не уходила, а Тангавор не отпускал.

Брызги ярких эмоций, нежные и дерзкие прикосновения. Я любовалась его лицом, зарывалась руками в серебряные волосы, сжимала бедрами, взлетала и рассыпалась, подобно искрам салюта. Тяжелое дыхание, хмельные объятия. Ослепительная ночь под грохот фейерверков и пьяной музыки. Тангавор безошибочно сыграл на струнах моего тела, поднимая ввысь, наполняя любовью. Никто не слышал моих стонов, кроме него.

ЭПИЛОГ

Все начинается с любви... [14]

— У меня для тебя подарок, — прошептала я под утро, когда весь мир утомился от феерии чувств, танцующих над городом. Музыка смолкла, фейерверки отгремели, артисты свернули свои спектакли, аттракционы спрятались под чехлами. Свежий ветер гонял по опустевшим улицам разноцветные обертки, наполняя нашу комнату уютным шуршанием.

Тангавор улыбнулся и нежно приложил ладонь к моему животу.

— Знаю.

Сердце затрепетало от его слов.

— Когда ты узнал?

— Когда смолкла музыка за окном. В тебе бьются два сердца, моя шаари-на. Прости, не сразу услышал в этом карнавальном шуме, а то был бы сдержаннее.

От смущения я спрятала лицо у него на груди, чтобы не видеть его смеющиеся черные глаза. Спасибо музыке, мне не нужна была бережность сегодня. Над ухом раздался тихий довольный смех.

Мы шли ко дворцу под горячим полднем, когда я решилась задать беспокоящий меня вопрос:

— Почему Бранд думал, что во мне есть что-то особенное? — Я ссыпала остатки монет на блюдечко на прилавке продавца открыток. Пожалуй, это единственное, что хочу с собой забрать.

— Заподозрил в тебе «дар любви», решил, что ты способна увеличивать силу айянера.

— А на самом деле?

— Этим даром никто не обладает. Бранд так и не смог понять, что нет никаких особенных женщин с даром. Просто однажды мужчина встречает особенную именно для него девушку, дарованную судьбой. В момент искры первой любви, в первый поцелуй и возникает чудо. Это и называли раньше даром любви.

Тангавор вдруг схватил меня за руку и притянул к себе. Пропустил мои пряди через пальцы и поцеловал в висок.

— Но так любить умеете только вы, первые люди.

Столетия спустя

Я поцеловала спящего мужа и выскользнула из-под его тяжелой руки. Тихонько натянула платье и босиком побежала вниз, по лестницам и переходам туда, где гудит ветер в темных жилах вокруг главного сердца Хаоса. Много десятилетий я подходила к коридору «семидесяти семи шагов», по которому однажды прошел Тангавор. Ночь за ночью садилась на первом камне и разговаривала с равнодушной и жестокой силой. Уговаривала принять меня. Не ради подчинения, не ради пользования, а ради владыки, которому нужны дети. Нам нужны еще дети. Мертвым мирам нужны... Наш первенец, Тео, давно покинул наши миры и нашел свою судьбу в других краях.

Снова и снова я подходила к дороге Хаоса и умоляла позволить мне дойти. Я знала, что, если шагну вперед, пути назад не будет. Либо загорится во мне новый огонь, согревая, либо я упаду, сгорю дотла.

Лишь однажды заговорила об этом с мужем, с владыкой всех Мертвых миров и моего сердца. Он нежно поцеловал меня и попросил больше не думать о невозможном. Не каждый айянер способен преодолеть даже пару десятков шагов, что уж говорить обо мне, слабой человечке. Я не смогла ему тогда объяснить, что хочу это сделать не ради него, а ради себя. Потому что все Мертвые миры стали для меня восхитительной сказкой, и я хотела подарить им шанс. Возможность обрести не одинокого владыку и равнодушных мимолетных хранителей, а целую семью. Ведь если я пройду, значит, нет никакого проклятия. Значит, страхи напрасны и владыки могут иметь и детей, и жен. Хаос, непокорный и злой, он нуждался в семье. Я это ощущала. Кто знает, может, тогда он перестанет быть таким холодным?

В попытке отвлечь меня от самоубийственных планов Тангавор подарил мне целый мир. Буквально. Тот самый, где была лишь безжизненная черная пустыня, а теперь росло новое и пока еще хрупкое Идайн-Тсури. Там ветер обнимал меня и напоминал о доброй и жестокой богине, прошедшей сквозь наши жизни. Мне иногда казалось, что мимо меня проносились золотистые пылинки с порывами ветра, наполняя сердце покоем. Мы создали рай на двоих, словно из моих человеческих легенд. Дворец отреставрировали. По стенам пустили вьющиеся растения, цветущие целый год. Мы были полны разных планов. Край прозрачных озер, лабиринт водопадов, глубокий залив с раскатистыми волнами. Тангавор учил меня ходить под парусом. Поделился своей страстью к соленым брызгам и гудению ветра.

Мы много ездили и посетили все Мертвые миры, и не по одному разу. Каждый прожитый день рядом с ним казался сказочным приключением. Я все-таки завершила свой проект. Когда у тебя сотни лет — по плечу становится любое начинание. Через мои руки прошли тысячи детских жизней, и я очень надеялась, что сделала их хоть немного лучше.

Мы сравнивали ненастоящие звезды разных миров, играли с маленькими динозаврами, мы прожили несколько человеческих жизней, и казалось, наше счастье никогда не закончится.

И все равно этого было мало.

Поэтому я и сидела по ночам здесь, напротив Хаоса, и просила о чуде.

А сегодня поняла, что ничего не меняется. Я могу сколько угодно взывать к равнодушной силе, она будет веками течь против времени и не сделает мне поблажку. Нет смысла ждать.

Встала и нерешительно замерла. Хорошо ощущала присутствие его, Хаоса. Мы вглядывались друг в друга. Волосы от ужаса зашевелились на затылке. Во рту появился мерзкий металлический привкус, колени подгибались, и весь мой разум кричал от страха. Я закрыла глаза и вспомнила музыку, под которую любила танцевать тогда, много лет назад, когда еще не умела справляться с эмоциями. Пауза между вдохом и выдохом. Неслышные звуки потекли вдоль рук и обняли плечи, необъяснимой верой наполнили сердце и позволили сделать шаг вперед.

— Я буду ждать, любимая, — раздался сзади голос Тангавора, — слышишь, я здесь.

Тепло пробежало по телу, а в ногах появилась сила. Спасибо, мой ласковый тигр, что не отговариваешь и не осуждаешь. Спасибо за то, что позволяешь делать свои шаги без оглядки, за то, что стоишь всегда за моей спиной и веришь.

Шаг, шаг и вперед, да будет милостив ко мне Хаос.

Где то высоко-высоко, за границами сознания, вне миров, вне вселенных, далеко за мыслимыми пределами пятый сын Света и Тьмы ласково улыбнулся, наблюдая, как медленно и испуганно идет Варвара к его сердцу.

— Долго же ты ко мне шла, Первая. Шаг, шаг и еще, милая... Все будет теперь хорошо.